

**РУССКИЕ
ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
И ИССЛЕДОВАТЕЛИ
О КИРГИЗАХ**

**Фрунзе
1973**

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

**РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ
И ИССЛЕДОВАТЕЛИ
О КИРГИЗАХ**

*под редакцией
доктора исторических наук
Б. В. ЛУНИНА*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
Фрунзе 1973

181
10

Книга посвящена вкладу отечественных ученых, путешественников и исследователей (П. И. Рычков, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Ч. Ч. Валиханов, Н. А. Северцова, А. П. Федченко и др.) в изучение дореволюционной истории и этнографии киргизского народа.

В ней кратко характеризуются творческие индивидуальности исследователей и маршруты путешественников, их путевые записки, публикации их трудов, определяется место и значение последних в истории изучения Киргизского края и его населения в историко-этнографическом аспекте.

По материалам русских ученых XIX в., представляющим большую источниковедческую ценность, в книге освещаются хозяйство, социальные отношения, культура и быт киргизов в прошлом.

Издание рассчитано на специалистов-историков, преподавателей, пропагандистов, студентов, а также на широкий круг читателей, интересующихся историей киргизского народа.

*Печатается по поручению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Киргизской ССР*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Разновременные и разнохарактерные материалы отечественных путешественников и исследователей дореволюционного периода о народах Средней Азии чрезвычайно интересны и до настоящего времени сохраняют общественное звучание.

Историко-познавательная ценность накопленной ранее информации по истории Киргизии (как до вхождения в состав России, так и в последующее время ее колониальной зависимости от царизма) несомненна. Перед нами предстает одна из категорий исторических сведений о многовековом героическом прошлом народа высокогорного края, чья жизнь складывалась в условиях кочевого быта, межфеодалных усобиц, а затем национально-колониального угнетения, народа, создавшего во тьме средневековья и подарившего миру шедевры мирового устнопоэтического творчества — эпос «Манас». Представляют интерес и сообщения о былой экономике Киргизстана, своеобразной национальной культуре и этнографии киргизов. Их ценность определяется и тем, что исторические данные о Киргизии и ее населении в нарративных источниках относительно скудны, а в китайских и западноевропейских материалах XVIII — начала XIX вв. — не всегда достоверны. Поэтому изучение киргизских материалов в трудах русских исследователей имеет большое значение.

Важную роль играет также историографический анализ энциклопедического по своему характеру наследия русских путешественников по Средней и Центральной Азии во время и после вхождения Киргизии в состав России. Именно их многогранные наблюдения фактически положили начало разносторонним, в том числе и историко-этнографическим исследованиям о Киргизстане. Ценные сообщения о киргизах, содержащиеся в записках и отчетах, дневниках и мемуарах отечественных путешественников, во многом дополняются важными данными в работах русских историков-востоковедов середины и второй половины XIX в., а также в публикациях местных краеведов. Совокупность всех этих материалов и стала первоосновой исторического киргизоведения, хотя, как известно, широкая и глубокая, подлинно научная разработка истории Киргизии началась лишь в годы Советской власти.

Марксистско-ленинский историографический анализ публикаций до 1917 г. по истории Киргизии позволяет уяснить процесс накопления фактических сведений, установить соизмеримость научных заслуг отдельных путешественников и ученых, информаторов и краеведов, показать источник-историографическую ценность материалов дореволюционного периода для современной исторической науки. Такой анализ помогает также выявить неполноту и даже ошибочность отдельных данных, накопленных в дореволюционные годы, субъективизм тех или иных авторов в оценках исторических событий и явлений, идеалистический подход к истолкованию сущности местного исторического процесса, подчас искаженное отображение былой истории киргизского народа, порочность концепций представителей дворянско-буржуазной историографии о роли и судьбах киргизов на Тянь-Шане.

Изучение этих материалов позволяет глубже осветить истоки исторически складывавшихся взаимных киргизско-русских контактов до вхождения края в состав России, начало общения между коренными жителями края и русскими людьми, в частности путешественниками, как правило, благожелательно относившимися к местному населению и проявлявшими живой и неподдельный интерес и уважение к его истории и культуре. Ознакомление с их наследием делает более наглядным и ясным процесс зарождения и развития дружественных, культурных и хозяйственных связей между трудящимися киргизами и трудовой частью переселенцев из России во второй половине XIX—начале XX вв. Наконец, указанные материалы дают возможность полнее представить проявление тех факторов, которые с течением времени привели к сплочению и совместной борьбе людей труда — киргизов и русских — против социального и национального гнета, за установление власти Советов в Киргизстане.

Наследие отечественных путешественников и исследователей Киргизии давно привлекает внимание историографов и историков республики, но до сих пор еще мало изучено.

Так, помимо отдельных содержательных публикаций (Ш. Кадырова, Н. Мулладжановой, М. Джамгерчинова, С. Атокурова, В. Плоских, С. Умурзакова и Л. Шеймана) и кратких обзоров в сводных трудах по истории Киргизии (А. Ф. Бурковского и Д. Ф. Винника), в очерках истории исторической науки в Киргизии (В. П. Шерстобитова, К. К. Орозалиева и Д. Ф. Винника), а также упоминаний о заслугах русских исследователей в воссоздании прошлого края и оценок их работ в монографиях общенсториче-

ского характера (Б. Д. Джамгерчинова, С. И. Ильясова, К. У. Усенбаева, С. М. Абрамзова и др.) пока нет обобщающих конкретных историографических исследований о вкладе путешественников и ученых России в накопление и изучение сведений о киргизах, их политической и социальной жизни, хозяйстве и экономических отношениях, культуре, быте и нравах.

Настоящая работа написана на основе критического изучения и обобщения литературных и архивных материалов и источников и является первым опытом на пути к такому исследованию. Полезным подспорьем для авторов оказались и историографические труды ученых из братских Узбекской и Казахской ССР (Э. А. Масанова, Б. В. Лунина и др.), библиографические обзоры русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, составленные О. В. Масловой, и серия документальных сборников о русских исследователях Средней Азии по материалам ЦГА Узбекской ССР (подготовленных З. И. Агафоновой). Авторы поставили перед собой скромную задачу: анализируя изученные материалы с учетом результатов новейших изысканий исторического характера о киргизах, по возможности полнее раскрыть ценность дореволюционного научного наследия по дооктябрьской истории киргизского народа.

Хронологически работа охватывает в основном XIX в., иногда с самыми краткими экскурсами в XVIII столетие или начало XX в., что обуславливается в каждом отдельном случае самим характером источников.

В центре внимания авторского коллектива были сведения по истории тянь-шаньских киргизов (в границах современной Киргизской ССР) в названных выше источниках. Однако в целях историко-сравнительной оценки некоторых источников и содержащихся в них известий о киргизах авторы приводят краткие исторические сведения о киргизском населении сопредельных районов Средней Азии и Казахстана, реже — зарубежного Востока, взятые из трудов отечественных исследователей этих регионов Азии.

Отдельные главы книги написаны научными сотрудниками Института истории АН Киргизской ССР: В. Я. Галицким (предисловие и глава I), А. Ш. Абышкаевым (глава II), В. М. Плоских (глава III), Д. О. Айтмамбетовым (глава IV). Общая редакция и послесловие принадлежат заведующему сектором историографии Института истории и археологии АН Узбекской ССР доктору исторических наук Б. В. Лунину.

Авторы с благодарностью примут и учтут все отклики, пожелания и дополнения читателей.

ВКЛАД ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО КИРГИЗСКОГО НАРОДА

1. Накопление информации о киргизах в XVIII — первой половине XIX вв.

Тянь-шаньские киргизы и их «землица» были «ведомы и слышимы» в разных концах многонациональной Руси еще задолго до первых непосредственных контактов между их представителями и русскими в конце XVIII — первой трети XIX вв.

Документальные материалы о прошлом киргизского народа в этот и последующий период их истории содержатся в различных архивохранилищах страны и, в частности, в личных фондах отечественных исследователей стран Средней и Центральной Азии. Несмотря на их большую научно-познавательную ценность, пока только часть из них введена в научный оборот. Эти интересные документы эпохи отражают как сам процесс установления и расширения русско-киргизских контактов, так и постепенное накопление в нашем отечестве источникo-историографических сведений о «свободолюбивом народе Небесных гор».

Первостепенное содержание так называемых расспросных материалов, отлагавшихся в канцеляриях приграничных городов и в разных ведомственных архивах, зачастую под названием «О слухах и событиях в Средней Азии», было известно лишь причастным к такого рода документам официальным лицам. Впоследствии, примерно с середины XVIII в., с развитием просвещения в России и в результате успехов дворянской историографии, сведения о киргизах и местах их обитания стали время от времени проникать на страницы некоторых печатных изданий. Немало сделали для сбора и публикации исторических, историко-географических и других сведений о киргизах и русские путешественники и ученые.

У истоков киргизоведения в России оказались петровский дипломат И. С. Унковский, невольный путешественник по

странам «полуденной Азии» Ф. С. Ефремов, даровитые и широко осведомленные ученые П. И. Рычков и В. Н. Татищев, полузабытый ныне знаток казахских степей и среднеазиатских народов И. Г. Андреев и ряд других авторов. Их вклад в воссоздание многих ранее неизвестных страниц истории киргизского народа освещается здесь в меру наших возможностей и доступности источников¹.

Интерес к киргизам — их истории, жизни, быту и культуре — усиливался по мере продвижения Российской империи вглубь казахских степей и к границам среднеазиатских ханств. Расширялся круг сведений о киргизах, нередко весьма отрывочных, а порой и не во всем достоверных, но всегда небезытересных. Сбору историко-экономических, а также географических и других данных о Киргизстане и киргизах содействовала активизация внешнеполитических и торгово-экономических акций России на Востоке уже со времён Петра I. Благоприятствовали этому и последующие поиски Россией наиболее удобных путей сообщения со Средней Азией, Восточным Туркестаном, Индией и другими странами Востока. Источниками накопления фактических данных являлись участники русских посольств и экспедиций, торговых караванов и просто отдельные странники, направлявшиеся в неизведанные «азиатские дали».

По-видимому, первым русским человеком, посетившим уже в начале 20-х годов XVIII столетия Семиречье (включая территорию Восточного Присыккуля), был артиллерийский капитан Иван Унковский — посол Петра I к владельцу Джунгарского ханства хун-тайджи («контайше») Цэвану Рабдану. По возвращении на родину он представил «Путевой журнал»², содержащий краткие, но ценные и интересные сведения о природе, населении и жизни коренных жителей края, а также о сложившейся там политической обстановке. В подорожных записях И. Унковского, знавшего енисейских и тьянь-шаньских

¹ При общем сокращении монографии уменьшен и объем данной главы. В связи с этим о некоторых исследователях и их трудах мы не говорим, других — лишь упоминаем, особенно по XVIII и началу XX вв. Неизбежные в силу обзорного характера главы I пробелы отчасти восполняются в других главах.

² И. У н к о в с к и й. Посольство к Зюнгарскому хун-тайджи Цэван Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского. «Записки РГО по отд. этнографии», т. X, вып. 7. СПб., 1887.

Записки И. Унковского стали известны русской научной общественности благодаря тому, что их изданию содействовали член РГО Ф. А. Бюлер и редактор Н. И. Веселовский (1848—1918), известный русский востоковед.

киргизов, последние дважды упоминаются как самостоятельный народ—буруты («бороты»)³, кочующий около озера Тускель (тузкель — по-тюркски «соленый»), т. е. Иссык-Куля. Им подчеркивался необычный для русских образ их жизни, а также локализовалось место их обитания. Анализ соответствующего текста этого «Журнала» и рассмотрение составленной спутником И. Унковского «геодезии учеником» И. Путиловым карты «контайшинных владений» наводят на размышления о расселении и несколько особом положении северных киргизов по отношению к джунгарам в первой четверти XVIII в. Так, при чтении «Журнала» И. Унковского можно сделать вывод, что джунгарские феодалы опасались нападения в Илийской долине плененных ими киргизов. Следуя за кочевой ставкой джунгар (ургой) по долинам рек Каркара, Тюп и Джергалан (май—июнь 1723 г.), И. Унковский, хотя и не встречался непосредственно с киргизами, но сумел собрать некоторые распросные сведения об их численности, войске и даже дал ему вполне профессиональную оценку⁴. Они видимо, касались лишь части иссык-кульских киргизов. Это были, пожалуй, первые известия в петровской Руси о среднеазиатских киргизах.

Сведения И. Унковского о киргизах, тщательно зафиксированные в его путевом журнале, существенно дополняются позднейшими изысканиями одного из замечательных наших ученых XVIII в. — Петра Ивановича Рычкова (1712—1777). Примечательно, что уже в 1749 г. в его рукописном «Рассмотрении об имени татар...»⁵ среди ряда тюркоязычных народов упоминаются и киргизы, обитавшие недалеко от Ташкента. Объяснение этому следует искать как в круге разнообразных научно-краеведческих интересов Рычкова, прозванного «оренбургским Ломоносовым», так и в его широких связях с видными деятелями русской науки и культуры XVIII в., интересовавшимися землями и людьми за Уралом.

³ Тянь-Шаньские киргизы фигурируют в источниках XVIII—XX вв. под различными наименованиями, которыми ранее называли их соседи: буруты, киргизцы, дикокаменные киргизы, т. е. независимые (ср. «Дикое поле»), живущие в горах («кзмень» — гора, хребет), закаменные и кара-киргизы (калька — черные киргизы) и т. д.

Вопрос о названии и самоназвании их привлек внимание многих дореволюционных путешественников, ученых и исследователей истории Киргизии.

⁴ Так, в частности, в «Журнале» И. Унковского сообщается, что их насчитывалось до 5 тысяч кибиток, а войска киргизского около 3 тысяч «доброго» может собраться.

⁵ Рукопись обнаружена Л. А. Шейманом, прокомментирована и опубликована в части, касающейся киргизов, в его статье о П. И. Рычкове: Л. А. Шейман. Русский ученый XVIII в. о киргизах. «Литературный Киргизстан», 1959, № 2.

Упомянутое сочинение было написано П. И. Рычковым по запросу, его бывшего начальника по Оренбургской экспедиции В. Н. Татищева⁶, трудившегося в ту пору над своей многотомной «Историей Российской...». Переработав рукопись сообразно с замечаниями и наставлениями, полученными от В. Н. Татищева (знавшего лишь о енисейских киргизах и потому усомнившегося в сообщении своего оренбургского корреспондента о наличии еще и тянь-шаньских), П. И. Рычков направил ее в Академию наук в Петербург. Эта ранняя работа П. И. Рыčkова, названная «Кратким известием о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые под именем татар разумеются...», к сожалению, так и не увидела света. В ней, однако, впервые среди историко-географических сочинений первой половины XVIII в. кратко, но довольно точно были охарактеризованы киргизы и место их обитания на Тянь-Шане.

Впоследствии, несколько уточнив и дополнив расспросные «скаски» побывавших в Средней Азии торговцев, П. И. Рычков привел сведения о тянь-шаньских киргизах, об их численности, расселении и взаимоотношениях с соседями в первой части своего фундаментального страноведческого труда об Оренбургском крае⁷. В указателе книги — «Реестре достопамятным вещам...» — киргизы именовались по месту их обитания как «Алатай-киргизы». Он не только отличал последних от енисейских киргизов, но и отмежевывал их от ближайших соседей — казахов, преувеличивая, однако, их бывшее этническое родство, что-де казахи от киргизов «подлинно произошли». П. И. Рычков сообщал, что киргизы обитали около ферганских городов Ходжент, Наманган и Маргелан, в пяти-шести днях езды от казахов Большой орды. Там и кочевали они в межгорных долинах, «каменных и неудобоприступных» горах Ала-Тоо, расположенных между Джунгарским владением и р. Сыр-Дарьей. По его словам, киргизы — сильный и «многолюдный» народ.

Эти обстоятельства, а также исконное свободолюбие и мужественность характера киргизов позволили им сохранять в середине XVIII в. относительную политическую самостоятельность даже в неблагоприятном окружении более сильных

⁶ Частично переписка В. Н. Татищева и П. И. Рыčkова была опубликована в 1867 г. акад. П. Пекарским в кн. «Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рыčkова». СПб., 1867. Об их взаимосвязях см. также: Л. А. Шейман. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1961.

⁷ П. И. Рычков. Топография Оренбургская, то есть описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым, ч. I—II. СПб., 1762.

соседних ханств. И хотя временно часть киргизов подпадала под власть джунгарского правителя (говоря словами автора «Топографии...», «состоит под зюнгарским владением»), все же их «большая часть ни от кого не зависит», и никто из среднеазиатских ханов — «тамошних владетелей преодолеть их не могут».

Небольшие, но тем более ценные для истории крупицы сведений о киргизах середины XVIII в. стали известны благодаря «любомудрию» П. И. Рычкова⁸. Их важность заключается также в том, что они более полные, тогда как во всех остальных исторических источниках (включая и восточные) о Киргизии того времени содержались только отрывочные известия.

Собранные в свое время «рычковские» сведения о киргизах и других тюркских народах Средней Азии, выдающийся русский ученый и государственный деятель В. Н. Татищев (1686—1750) включил в свою «Историю Российскую...» (1739—1750), изданную уже посмертно⁹.

Немало важных историко-географических сообщений о Киргизии и о сопредельных с ней территориях, об их населении в третьей четверти XVIII в. содержится в трудах участников двух академических экспедиций в Сибирь (1733—1743, 1768—1774 гг.) — П. С. Палласа (1741—1811) и И. П. Фалька (1727—1774). Один из них — Г. Ф. Миллер (1705—1783) — видный специалист в области сибирской истории, этнографии и географии, на базе богатейших местных архивов написал «Историю Сибири» (1750)¹⁰. Характеризуя в общих чертах связи между народами Сибири и Средней Азии, Миллер обратил внимание на сложную проблему этногенеза киргизов, затронув вопрос о переселении их с верховьев Енисея на Тянь-Шань.

Небезынтересно также упоминание о киргизах у Н. П. Рычкова (1746—1784)¹¹ в «Дневных записях путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи

⁸ В третьей части «Топографии» он собирался написать более подробно о народах «полуденных стран Азии», однако замысел этот не был осуществлен.

⁹ В. Н. Татищев. История Российская с самых древнейших времен через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым, кн. 1, ч. 1, М., 1768.

¹⁰ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. 1. М.—Л., 1937. Им также опубликованы на немецком языке материалы И. С. Унковского в сборнике статей, относящихся к России, основанном в 1732 г. Э. А. Масанов. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966, стр. 52.

¹¹ Сын П. И. Рычкова.

в 1771 году» (СПб., 1772). Он называет горы Ала-Тоо и их обитателей — «коренных киргисцов», которые отличны, по словам автора, от казахов.

Некоторых аспектов средневековой истории киргизов помимо Миллера вкратце касались еще два исследователя нерусской национальности — И. Э. Фишер (1797—1871)¹² и И. Г. Георги (1729—1802)¹³. Фишер, говоря о происхождении киргизов, выводил их, следуя за Абулгази, от «древнейших моголов», а И. Г. Георги — с Енисея, отмечая в то же время их этногенетические связи с казахами Большой орды, правда, нередко путая обоих¹⁴.

Их труды важны, пожалуй, не столько своими конкретно-историческими сведениями о Киргизстане (особенно интересны сведения Фишера о нашествии джунгар на Семиречье), сколько постановкой проблемных вопросов средневековой истории киргизского народа, в частности его этногенеза.

Из всех известных нам отечественных (русских) авторов XVIII в., писавших о киргизах, видимо, только двое побывали на их территории: «царев посол» Иван Унковский и «невольный странник» — унтер-офицер Филипп Ефремов¹⁵ (1750—после 1811). Последний сообщал о кочевках киргизов между городами Ош и Кашгар, вполне явственно отличая их от казахов, которые «особливого роду». Любопытные его сведения об Оше и торговом пути в Кашгар¹⁶. Дополнительные к этим дан-

¹² И. Э. Фишер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб., 1774. Автор использовал также рукописные материалы Г. Ф. Миллера. Следуя за общим этнонимом, он ошибочно принимал енисейских киргизов за среднеазиатских — алатоских и «болорских».

¹³ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей, ч. II. СПб., 1776. Автором также использованы записи названных выше его предшественников по исследованию Сибири и Казахстана.

¹⁴ В свое время на это указывал еще Ч. Ч. Валиханов. Он же сомневался и в истинности утверждения Фишера о переселении енисейских киргизов джунгарами на Тянь-Шань в конце XVII — нач. XVIII вв., якобы по договору с русским правительством.

¹⁵ См. Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского ассесора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. СПб., 1786 (последующие дореволюционные издания 1794 г., 1811 и 1893 г. См. также его «Десятилетнее странствование...», М., 1950 и 1952 гг.). Среди обширной литературы о странствованиях Ф. Ефремова историко-краеведческий интерес представляет статья В. М. Плоских «Путешественник поневоле». «Мугалимдер газетасы» (Фрунзе), 1967, 28 августа.

¹⁶ Так, он отмечал наличие в Оше двух городских ворот (что свидетельствует об окружении города внешней глинобитной стеной), протекающей

ные о южнокиргизских племенах¹⁷ содержатся в третьем, наиболее полном из дореволюционных изданий «Странствований» Филиппа Ефремова, «переделанных, исправленных и умноженных» при содействии историка П. Кондырева. В целом сведения И. Унковского и Ф. Ефремова при всей лаконичности их записей представляют собой историко-географический первоисточник непреходящей научной ценности о Киргизском крае и его жителях.

Сбор исторических сведений о киргизах Тянь-Шаня был успешно продолжен широко эрудированным военным инженером сибиряком И. Г. Андреевым (1743—после 1801)¹⁸. Им написано обстоятельное этнографическое сочинение о казахах — «Описание Средней орды киргиз-кайсаков...»¹⁹, которое содержит и ценные известия о киргизах в последней четверти XVIII столетия. Андреев рассматривает и ряд важных вопросов внешнеполитической истории²⁰ и внутренней жизни киргизского народа.

Границы распространения киргизских племен после раз-

через город речки (Ак-Бура), указывал время езды отсюда до г. Маргелана («3 дни») и Кашгара (13 дней).

¹⁷ Таковы, например, сведения о более широком ареале их расселения, слабых торгово-политических связях с Восточным Туркестаном и оживленной меновой торговле с Кокандом, наблюдения над их хозяйством и нравами по сравнению с казахами и т. п.

¹⁸ Известно его автобиографическое сочинение «Домовая запись Андреева по роду их, написанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. Начата в Семипалатинске». «Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете», кн. 4, М., 1871.

¹⁹ Длительное время этот труд был известен специалистам лишь в рукописи. О его важности в свое время сделал сообщение на заседании РГО Г. Н. Потанин. См.: О рукописи капитана Андреева «О Средней киргизской орде, написанной в 1785 г.». Известия РГО, т. IX, вып. II, СПб., 1875, стр. 110. На публикацию этого сочинения И. Г. Андреева, названного им «Описание Средней орды киргиз-кайсаков и касающимися до сего народа, також и прилежащих к Российской границе, по части Колыванской и Тобольской губерний, крепостей, дополнениями» в малоизвестном журнале «Новые ежемесячные сочинения», т. CX—CXVIII (СПб., 1795—1796) обратил внимание Э. А. Манасов. (Э. А. М а н а с о в. Об этнографическом изучении Казахстана в России до 1845 г. Тр. Ин-та истории, археол. и этногр. АН Каз. ССР, т. 6, 1951, стр. 230—231).

²⁰ И. Г. Андреев — единственный из авторов своего времени оставил весьма ценные сообщения о первой попытке установления дипломатических контактов между Киргизией и Россией, пребывании в Петербурге посланцев от влиятельного среди северных киргизов сарыбагышского бия Атеке («Атекея»), бывшего, по словам автора, «во всей их орде в почтении». Интересны также его сведения об отражении киргизами наступления кокандских и маньчжуро-цинских феодалов. Об этом см.: В. П л о с к и х, В. Г а л и ц к и й. По следам рукописи капитана Андреева. «Мугалимдер газетасы», 1968, 20 января.

грома Джунгарского государства в середине XVIII в., в частности в Семиречье, показаны здесь значительно шире, чем у предшественников. Их земли соприкасались с казахскими жузами, владениями Коканда и Китая на востоке, где киргизы «в рассуждении своей вольности», никому не дают спуска. Подчеркивая мужество и свободолюбие киргизов, этот исследователь отмечал, что при нападениях соседних феодалов они «организуются великими партиями, жестоко себя защищают». Напрашивается предположение об отсутствии у киргизов постоянного войска и сборе в период военных тревог общенародного ополчения или дружин, возглавляемых удачливыми предводителями — батырами — представителями господствующей верхушки.

По данным И. Г. Андреева, киргизов насчитывалось до 30 тыс. человек, «если им собираться на войну». Как видно из его «Описания», киргизы, несмотря на сложное внешнеполитическое положение в конце XVIII в. и внутренние неурядицы, довольно успешно продолжали отстаивать свою независимость в борьбе против кокандских и маньчжуро-цинских феодалов.

В сочинении отмечаются характерные для общественно-политического строя Киргизии состояние феодальной раздробленности, отсутствие централизации и единовластия в управлении: у них «никакого хана и султана не находится». В числе 10 значительных родоплеменных подразделений северных киргизов здесь названы саякская, солтинская и другие «волости». Каждая из них управлялась своим «старшиною» — бием или батыром из правящей феодально-родовой верхушки. Во главе нескольких таких групп могло стоять и одно лицо. Так, Пир Назар-бию были подвластны бугинская и могульская «волости».

Нередко внутренние усобицы, баранта и взаимные столкновения с казахами, как видно из «Описания», отрицательно сказывались на хозяйственно-культурном развитии края. Андреев описывает жестокие феодальные порядки и последствия усобиц того времени: разорение кочевий и стойбищ киргизов (грабеж их «имения»), угон в рабство населения, а также отдачу в дни мира слабыми киргизскими племенами заложников-аманатов казахским ханам и султанам.

Столкновения с соседями с севера чаще всего происходили летом, когда «киргизы находились в разделении» — на полевых работах. Это сообщение Андреева говорит о частичном переходе к полуоседлому образу жизни некоторых северокиргизских племен.

Проявляя интерес к этногенетическим связям киргизов с

казахами, Андреев считал обоих издревле «единоплеменными», хотя время и обстоятельства взаимного «отделения» не сохранились в народной памяти, а исследование их происхождения казалось ему вообще непосильным трудом. Во всяком случае, для автора «Описания» при всей близости казахов и киргизов — это все же два самостоятельных и отличных друг от друга народа. Более всего сведений о киргизах включено И. Г. Андреевым в третью главу «Описания», которая не случайно названа «О диких или закаменных киргисцах». О них упоминается и в других местах его труда (в IV главе — о кураминцах). В целом же в «Описании» сведения по истории Киргизии отличаются большей широтой и достоверностью по сравнению с отрывочными известиями в предыдущих изданиях²¹. Всем этим определяется видное место И. Г. Андреева среди первых отечественных исследователей исторического прошлого Киргизии и исключительная источниково-историографическая ценность его сообщения о киргизах.

Немногие сведения о расселении киргизов в конце XVIII в. дополняются материалами путешествий из Западной Сибири в Бухару и Ташкент специалистов горного дела Михаила Поспелова и Тимофея С. Бурнашева (1771—1850). Так, «обитание каменных киргисцев» в горах, граничащих с Ташкентским владением, отмечено на одной из карт²², составленных в штабе Отдельного Сибирского корпуса с маршрутами их путешествий в 1794 и 1796 гг. В описании Бурнашевым поездки в Ташкент в 1800 г. рассказывается²³, что весной киргизы переходят на степь, ближе к горам, а осенью кочуют обратно в долину р. Чу. Сообщения с «черными или называемыми дикими киргисцами» нет. Сам «Ташкентский владелец» не может пресечь помех, чинимых ими в торговле, «в рассуждении неприступных мест к их обиталищу». Бурнашев вслед за Андреевым свидетельствует о самостоятельности тянь-шаньских киргизов в конце XVIII в.

Усиление торгово-дипломатических отношений Русского государства с Кокандским ханством, Восточным Туркеста-

²¹ В этой связи представляет интерес статья В. М. Плоских «Сведения о киргизах в русских источниках XVIII в.», «Изв. АН Киргиз. ССР», 1967, № 3, стр. 74—81.

²² Карта обнаружена Р. Л. Югай в ЦГВИА. Р. Л. Югай. Путешествие Бурнашева и Безносикова в Бухару. Изв. Узб. геогр. о-ва, т. VIII, Ташкент, 1964, стр. 66—77. В статье отмечено схематическое нанесение на карте географических объектов Киргизстана.

²³ См.: Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 году с примечаниями Я. В. Ханькова. «Вестник РГО», ч. I, отд. VI, 1851, стр. 1—43.

ном и непосредственных киргизско-русских посольских связей в первой четверти XIX в. имело одним из важных последствий продолжающееся накопление в России различных сведений о киргизах²⁴. Определенный исторический интерес представляют записки представителей России или русско-поданных лиц²⁵ — чиновников, офицеров, торговцев, посетивших киргизский край или сопредельные страны, — Рафаила Данибегашвили (Данибегова, Даныбекова), А. Л. Бубенова, И. П. Шангина²⁶, К. Ф. Зибберштейна и других. Так, интересное, хотя и общее описание некоторых обычаев, нравов и сторон ведения хозяйства обитателей киргизско-казахских кочевий оставил неутомимый отечественный путешественник Рафаил Данибегашвили²⁷.

При общей бедности исторических сведений о тогдашней Киргизии привлекают внимание не раз переиздававшиеся записки Ф. М. Назарова (род. ок. 1785 г.)²⁸ о путешествии из Петропавловска в Кокандское ханство в 1813—1814 гг. Представляется важным его сообщение о соседстве киргизов (в тексте они именуется «черными киргизами» и «закаменными киргизами» в отличие от казахов — «киргизов») с ранее самостоятельными Туркестанским и Ташкентским владениями, а затем и с подчинившим их Кокандом. Наблюдательный путешественник отметил оживленные торговые свя-

²⁴ Подробнее об Андрее Леонтьевиче Бубенове, его пребывании в Киргизии (1784—1827 гг.). Фрунзе, 1970.

²⁵ Подробнее об их маршрутах, времени странствования и значимости в истории географического изучения края, а также о сохранившемся документальном наследии см.: С. У м у р з а к о в. Очерки по истории географических открытий и исследований в Киргизии. Фрунзе, 1959, стр. 95—103.

²⁶ В небезынттересных «Дневных записках» (1816 г.) о поездке в казахские степи специалиста горного дела Ивана Петровича Шангина упоминаются и киргизы — «каменные или алтаевские», которых он ошибочно причислил к казахской народности (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18529 л. 18 об.).

²⁷ Путешествие в Индию грузинского дворянина Рафаила Данибегова М., 1815. Последнее издание: Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии (1795—1827). Очерк, комментарии и библиография Л. И. Маруашвили. М., 1969, стр. 198.

²⁸ Филипп Назаров. Записки о некоторых народах и землях Средней части Азии Филиппа Назарова, Отдельного Сибирского корпуса переводчика, посланного в Коканд в 1813 и 1814 годах. СПб., 1821, 98 стр. Новое издание: М., 1968, 85 стр. (текст подготовил В. А. Ромодин, примечания его и В. А. Урвалова). Биографические сведения о Ф. Назарове (как, впрочем, и о других путешественниках по Киргизии в конце XVIII — первой половине XIX вв.), крайне скудны. Известно, что он обучался в Азиатской школе в Омске, служил по Министерству иностранных дел, а в 1812 г. был переводчиком Отдельного Сибирского корпуса.

зи между городами Ферганской долины и кочевыми киргизами. Город Ош фигурирует в его записках как крупный пункт транзитной торговли с Восточным Туркестаном и религиозный центр мусульманства.

Несомненна источниковедческая ценность маршрутных описаний и материалов о пребывании в кочевьях иссык-кульских киргизов переводчика тюркских языков А. Л. Бубенова (1813, 1827 гг.)²⁹ и чиновника Лешева (1821 г.)³⁰. В них встречаются любопытные подробности о расселении, образе жизни и хозяйстве киргизов, об их феодально-родовой верхушке, а также отношении к торговле с Россией и желании сблизиться с нею.

В 20-х годах XIX столетия ряд статей по истории и культуре тюркских народов Сибири, Средней Азии и Казахстана (в их числе и киргизов)³¹ был опубликован в первом научно-популярном востоковедческом журнале России «Сибирском вестнике» (1818—1825 гг.), выходившем затем под названием «Азиатский вестник» (1825—1827 гг.). Он издавался в Петербурге членом-корреспондентом Академии наук сибиреведом Григорием Ивановичем Спасским (1784—1864)³².

Определенный историко-этнографический интерес представляют сообщения о киргизах, приведенные в книге Егора

²⁹ Подробнее об Андрее Леонтьевиче Бубенове, его пребывании в Киргизии и роли в русско-киргизских связях см.: Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч. в пяти томах, т. III. Алма-Ата, 1964, стр. 128, 297 и др.; С. У м у р з а к о в. Из истории русских географических и картографических представлений о природе Киргизии (XVII — первая половина XIX в.). Уч. зап. Киргиз. гос. заочн. пед. ин-та, вып. 3. Фрунзе, 1957, стр. 141. Член РГО Г. Е. К а т а н а е в высоко оценил мужество Бубенова и его спутников по поездке в 1813 г. в Киргизию — одних из «первых русских людей, переваливших снежные хребты Тянь-Шаня восточнее озера Иссык-Куль вдоль его берега». Однако он ошибочно датирует это событие 1814 г.

³⁰ Посланный с купеческим караваном «для меня товаров к закаменным киргизам» и далее в Кашгар смотрительский помощник 14-го класса Лешев записал у Санташа: «Киргизы хотя совершенно истории не знают, но сказывают легенду о Тамерлане». Примечательно и его известие, что они не только не напали на русских торговцев, но и выделили им провожатых после удачной торговли (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20648, л. 31—35).

³¹ На страницах журнала, в частности, увидели свет в переводах с китайского С. В. Липовцова (1770—1841) отдельные главы «Описания Западного края», в которых содержались сведения из истории киргизско-ойратских взаимоотношений в XVIII в., а также об участии киргизов в антицинских движениях народов Восточного Туркестана.

³² О журнале и его издателе см.: Б. М. Д а н ц и г. Изучение Ближнего Востока в России (XIX — начало XX вв.). М., 1968, стр. 74.

Федоровича Тимковского о его путешествии в Китай в начале 20-х годов XIX в.³³ В первой части «Путешествия» дается перевод сведений о тьянь-шаньских киргизах из китайского источника, автор которого жил непосредственно среди них (достоверность их подтверждается и русскими источниками), во второй части среди историко-географических сведений о Кокандском ханстве³⁴ и Восточном Туркестане встречаются немаловажные данные о киргизах.

Весьма ценные известия о киргизах хранят иногда маршрутники, письма и записки с опросными данными торговцев из России, неоднократно и подолгу бывавших в киргизских кочевьях. Здесь они нередко выступали и посредниками в установлении добрососедских связей киргизов с русскими властями Западной Сибири. В этом отношении показательны материалы Исаева, Файзуллы Сейфуллина и других.

Исаев, будучи в 1824 г. среди иссык-кульских киргизов, содействовал отправке их посланцев в Омск, а в письме к С. Б. Броневскому (о нем см. далее), сообщал «о их многочисленных народах и пояснил о положении их кочующих мест, хлебопашестве и грунте земли, орехах, хлебах, водяных мельницах» и пр. Как видно из записки его рассказа для Ч. Ч. Валиханова в 1856 г., сообщение Исаева во многом предвзяло «Путевые замечания...» лекаря Ф. К. Зибберштейна³⁵.

Еще интереснее «Список с объяснения татарина Файзуллы Сейфуллина», представленный генерал-губернатору Западной Сибири управляющим Омской областью при донесении 12 декабря 1825 г. Ф. Сейфуллин, бывший на «Семи ре-

³³ Е. Тимковский. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах, ч. I. СПб., 1824.

³⁴ В числе крупных населенных пунктов ханства им названы и южно-киргизские: г. Ош («Тахту Сулейман»), селения Араван и Касан, которые по величине и числу домов (400—500 зданий) уступают даже малым городам России. Хозяйственные занятия их жителей — меновая торговля, хлебопашество и садоводство, а также скотоводство.

Автор приводит выразительное, хотя и лаконичное описание киргизов и образа их жизни. Они бедны, но отважны и храбры на войне. Казахи и другие соседи их опасаются. И «даже зюнгары (джунгары. — В. Г.) во время могущества своего не могли покорить их под свою власть». Так охарактеризованы они в книге Тимковского. По приведенным им сведениям, у киргизов конца XVIII — начала XIX в. отсутствует централизация управления, а феодальная раздробленность типична для их внутреннего состояния.

³⁵ В «Записке купца Исаева» некоторые бии бугинцев названы манапамми, вероятно, под влиянием утверждения института манапства к этому времени (1856 г.). См.: Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах, т. III. Алма-Ата, 1964, стр. 303—306.

ках» с апреля по сентябрь 1825 г., узнал от заилийских казахов о вторжении четырехтысячного кокандского отряда в Чуйскую долину с целью покорения киргизов племени солто и сарыбагыш и сбора с них дани. По слухам, отряд был намерен закрепиться в долине Чу «навсегда», построив здесь крепости. Киргизы-солтинцы были вынуждены внести дань, а сарыбагыши успели откочевать к бугинцам в Прииссыккулье, в волости тех биев, сыновья которых годом ранее были посланцами в Омске. По-видимому, это было первое из полученных в России известий о кокандской агрессии против Северной Киргизии³⁶.

Наиболее подробные сведения исторического характера об иссык-кульских киргизах и их взаимоотношениях с соседними государствами в конце первой четверти XIX в. встречаются в дорожных записках врача Омского гарнизонного полка Фаддея Карловича Зибберштейна (род. в 1797 г.)³⁷, посетившего в 1825 г. Восточное Прииссыккулье в составе казачьего отряда Нюхалова, который сопровождал киргизских депутатов из Омска в их родные кочевья. Описывая радушное гостеприимство, оказанное представителям России во многих аилах бугинцев, Ф. К. Зибберштейн отмечал и неудачу одновременного посольства к ним от кокандского хана, безуспешно домогавшего их покорности.

Этот отважный народ, уважительно писал Зибберштейн о киргизах, отверг притязания Коканда (стремившегося расширить свои владения) и дал отпор захватническим устремлениям Цинов. Особенно важно освещение им вопроса о принятии бугинцами (родами джилден, арык-тукум, белек) покровительства России³⁸. Характерно, что их правители — бии с подвластными родами, придерживавшиеся русской ориентации, обрисованы у Зибберштейна с явной симпатией, а другие, прококандски настроенные, выглядят у него сплошь «разорителями».

Записки Зибберштейна, несмотря на некоторую их пристрастность позволяют глубже уяснить причины окончательной потери киргизами национальной независимости в первой трети

³⁶ Документ впервые выявлен нами в Омском областном государственном архиве (ГАОО), ф. 3, оп. 1, д. 569, л. 36.

³⁷ Путевые записки лекаря Зибберштейна. «Исторический архив». М.—Л., 1936, № 1, стр. 223—259.

Эта публикация М. П. Вяткина, обнаружившего «Записки Зибберштейна», дополняется комментариями В. М. Плоских об их авторе в упомянутой книге «Русско-киргизские посольские связи...».

³⁸ См. Н. Мулладжанова. Историография вхождения Киргизии в состав России. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1967, стр. 5.

XIX в.³⁹. В этом их бесспорная ценность. Кроме того, его «Путевые замечания» с приложениями — записками автора об удобстве торгово-караванных путей из Западной Сибири в Восточный Туркестан и развитии с ними торговли⁴⁰ являются серьезным источником сведений о хозяйстве и общественно-политическом строе киргизов Прииссыккуля. Особо примечательны сведения Зибберштейна о довольно-таки широком распространении среди иссык-кульских киргизов земледелия, пришедшего в упадок ко времени вхождения их в состав России вследствие межфеодальных войн и тяжелого ханско-феодалного гнета. Этнографическое киргизоведение также многим обязано трудам Ф. К. Зибберштейна⁴¹.

Во второй четверти XIX в. заметно возрос интерес русской общественности к Киргизии и киргизам, их историческим судьбам и внешнеполитическому положению. Этому способствовали, в частности, экспансия Коканда в сторону Киргизии и Казахстана, а также продолжавшиеся попытки западносибирских властей наладить торговлю с Восточным Туркестаном по так называемому новому тракту через территорию Восточного Прииссыккуля.

И хотя завоевание края Кокандским ханством прервало прямые киргизско-русские посольские связи, являющиеся одним из каналов поступления сведений о киргизах в Россию⁴², круг других источников о киргизском народе, их содержание и объем все же приметно расширились по сравнению с XVIII — началом XIX вв. Упоминания о киргизах, их древнейшем прошлом и взаимоотношениях с Россией, Кокандом и Китаем всё чаще встречаются в записках дипломатических представителей, чиновников оренбургской и западносибирской администраций, в материалах членов Русского географического общества, отечественных историков и востоковедов, на страницах различных журналов, энциклопедических справочников и словарей, а впоследствии и в работах библиографического харак-

³⁹ Из его записок вырисовывается картина глубокой феодальной раздробленности Северной Киргизии в середине 20-х годов XIX в., пагубной для политического единства и экономической общности киргизов.

⁴⁰ Собственно сбор именно этих сведений и являлся основной целью пребывания Ф. К. Зибберштейна в Киргизии.

⁴¹ С. М. Абрамзон. Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран. Автореф. док. дисс. Л., 1968, стр. 3.

⁴² Представление об этом дает, в частности, статья: В. М. Плоских, С. К. Кудайбергенев. Ранние киргизские письменные документы. «Изв. АН Киргиз. ССР», 1968, № 4, стр. 75—83.

тера⁴³. Однако новизна и достоверность приводимых сведений, фактов и наблюдений и объективность их интерпретации, а следовательно, и научная значимость их для исторического киргизоведения весьма различны.

Так, краткое суммарное описание некоторых киргизско-казахских нравов мы находим в книге Мейера, совершившего в 1826 г. поездку в Казахские степи⁴⁴. Мейер, правда (как и упоминавшийся выше И. П. Шангин), относит киргизов к Большой казахской орде и некритически повторяет рассказы об их «обидах торговцам», но его замечание об отваге киргизов достойно внимания.

Исторические сведения о киргизах времени подчинения их Кокандом содержатся и в «Записках...»⁴⁵ казачьего офицера Николая Ильича Потанина⁴⁶, сопровождавшего в 1829 г. кокандских посланников из Омска в столицу ханства. Записки Н. И. Потанина дополняют сведения Ф. Назарова в описании основных особенностей природы, изложении исторических событий того времени, черт быта, нравов и обычаев киргизов и других народов Кокандского ханства и соседних районов. Н. И. Потанин подтверждает правильность сообщений своего предшественника о местах проживания киргизов и их границах до начала агрессии со стороны Коканда. Интересны и потанинские сообщения о том, что изобилующие лесами горы Ала-Тоо находятся во владении киргизов, которые никому не позволяют пользоваться богатствами своей земли. Важны также сведения о нетерпимости ханско-феодалного гнета над киргизско-казахским населением⁴⁷. Но в общем непосредственно киргизам (по сравнению с другими среднеазиатскими народами) в «Записках» Н. И. Потанина отводится довольно скромное место.

Длительное время успешно занимался сбором историко-географических и экономических сведений о казахах и сред-

⁴³ М. Н. Петракова. История библиографии Киргизии (1852—1941 гг.) Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1968, стр. 7—9.

⁴⁴ См.: Живописное путешествие по Азии, составленное на французском языке под руководством Эйриэ и украшенное гравюрами. Перевод Е. Корша. М., 1839.

⁴⁵ Н. И. Потанин. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830 г.). «Вестник РГО», 1856, ч. 18, № 6, стр. 255—289.

⁴⁶ Отец известного путешественника Г. Н. Потанина.

⁴⁷ Об этом свидетельствуют откочевка к киргизам подвластных уже ранее Коканду жителей Таминской волости из-за боязни разорения их войсками правителя Ташкента или встреча путешественника с казахами Коңратовской волости, бежавшими с р. Чу от тягостных податей, взимаемых кокандцами, и направлявшимися к Каркаралинскому округу под покровительство России.

неазиатских народах Григорий Федорович Генс (1786—1845) — востоковед по призванию, высокообразованный военный инженер, с 1825 по 1844 г. — председатель Оренбургской пограничной комиссии Азиатского департамента Министерства иностранных дел⁴⁸. Содержание многочисленных личных и служебных записок Генса показывает, что он имел довольно ясное представление об истории киргизов, подпавших под власть Коканда, их торгово-политических связях с соседями и т. п. К сожалению, из его записей была опубликована в свое время лишь самая незначительная часть⁴⁹, а сам архив, как видно, сохранился неполностью⁵⁰. Историческая значимость довольно богатой и разнообразной информации о киргизах в записях Г. Ф. Генса, остававшихся (как и «Путевые замечания...» Ф. К. Зибберштейна) по мотивам «секретности» лишь достоянием архивов⁵¹, особенно наглядна при сравнении с известиями о Киргизии и ее жителях в печатных изданиях того времени.

В известной книге о казахах С. Б. Броневского (1786—1858)⁵², бывшего одно время Омским областным начальником, подтверждались сведения Ф. К. Зибберштейна, что иссык-кульские киргизы «с прилежанием» возделывают зерновые культуры на орошаемых землях, подобно семи-речен-

⁴⁸ См. о Г. Ф. Генсе, его деятельности и трудах: Я. В. Ханьков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства. «Записки РГО», 1851, кн. 7, стр. 342—343; П. И. Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией. «Записки РГО», кн. X. СПб., 1855, стр. 5; П. Юдин. Григорий Федорович Генс, первый директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. «Русская старина», 1899, № 8, стр. 363—373.

⁴⁹ О ценности их можно, к примеру, судить уже по составленному Генсом описанию дороги из Семипалатинской крепости в Кашгар, Коканд и Ташкент, по рассказам татарина Муртазы Фейз-Уддин-Мирзая (Муртаза Фейзуллин), сведения которого о южных киргизах относятся к 1807 г. См. их публикацию в «Записках РГО» (кн. X, СПб., 1885, стр. 337—352).

⁵⁰ Б. Л. Вальская — автор книги «Путешествия Егора Петровича Ковалевского» (1956) — пишет, что «архива Генса найти не удалось». В Гос. архиве Оренбургской области помимо личного фонда Г. Ф. Генса с его рукописями (ф. № 166, 8 ед. хр.) нами обнаружены и другие дела, освещающие его деятельность и содержащие служебные записки о положении в Средней Азии.

⁵¹ Примерно то же самое можно сказать и о материалах о народах и ханствах Средней Азии и Казахстана, собиравшихся в середине XIX в. оренбургскими чиновниками Осмоловским и Казанцевым (статьи последнего отчасти опубликованы). Однако они по своему содержанию и значимости намного слабее материалов Г. Ф. Генса.

⁵² С. Б. Броневский. Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней орды. «Отечественные записки», ч. 42, кн. 117—119. СПб., 1830.

ским казахам Большой орды. Однако в отношении расселения и этнической принадлежности тянь-шаньских киргизов (смешиваемых нередко с енисейскими и казахами) сообщения Броневского неполноценны. В связи с этим становится понятной и двойственная оценка этого источника Ч. Ч. Валихановым: «...во многом достойного и замечательного труда, но в некоторых случаях ниже посредственности»⁵³.

Вопросы средневековой киргизской истории, этногенеза киргизов, в частности отличия их от казахов, рассматривались в сочинениях видного историка Алексея Ираклиевича Левшина (1799—1879)⁵⁴, который пришел к доказательным и важным для отечественного востоковедения выводам о совершенном отличии этих близкородственных народов, ошибочно принимавшимся многими западноевропейскими и русскими учеными за один народ («киргизы»). А. И. Левшин приводит также интересные материалы из истории казахско-киргизских межфеодалных столкновений при Аблай-хане и в последующие времена. Он много сделал для восстановления малоизвестных страниц исторического прошлого киргизского народа. Так, особо отмечено А. И. Левшиным (вслед за его предшественниками) упорное сопротивление киргизов соседним феодалам и маньчжуро-цинской агрессии.

В то же время автор неверно отождествлял киргизов Тянь-Шаня и Енисея, разделяя мнение И. Э. Фишера о том, что енисейских киргизов увели джунгары оттуда будто бы по договору между ними и русским правительством. К тому же приведённые Левшиным краткие этнографические данные о киргизах отчасти повторяли сведения о них Е. Ф. Тимсковского. Однако в целом научные заслуги А. И. Левшина в зарождавшемся историческом киргизоведении настолько значитель-

⁵³ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Заметки по истории южносибирских племён. Собр. соч. в пяти томах, т. 1. Алма-Ата, 1961, стр. 388.

⁵⁴ См.: А. И. Л е в ш и н. Об имени киргиз-казахского народа и отличии его от подлинных или диких киргизов. «Московский вестник», 1827, ч. IV, № 16, стр. 432—451. Сведения о киргизах воспроизводятся автором в одной из глав его капитального сочинения «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей», ч. 2. Исторические известия. СПб., 1832, стр. 333.

Одним из непосредственных предшественников А. И. Левшина в уяснении вопроса о различии киргизов и казахов, как народов, был полковник Генштаба Егор Казимирович Мейендорф (1796—1865), участник русской дипломатической миссии в Бухару в 1820 г. Но в книге «Путешествие из Оренбурга в Бухару в 1820 г...», опубликованной в 1826 г. в Париже на французском языке, он не всегда последовательно проводил эту правильную мысль. См. Э. А. М а с а н о в. Очерк истории..., стр. 103—104.

ны, что этого добросовестного исследователя с полным правом можно отнести к числу его зачинателей.

Подобно тому как историко-географические и экономические данные о среднеазиатских странах и народах, в том числе и о киргизах, активно собирались Оренбургской пограничной комиссией, в Омске они накапливались при штабе Отдельного Сибирского корпуса. Так, в 1841 г. здесь были составлены две примечательные записки с краткими расспросными сведениями о Северной Киргизии и её обитателях⁵⁵.

Об интересе в России к новым известиям из Средней Азии свидетельствуют статьи о Памире и местных киргизах Осипа Ивановича Сенковского (1800—1858), видного востоковеда и журналиста реакционного направления (псевдоним «Барон Бромбеус»)⁵⁶.

Исторические знания о древнем и средневековом прошлом Киргизстана и его обитателей заметно пополнялись с конца 20-х годов XIX в. в результате знакомства представителей русской исторической мысли с восточными, в частности, с китайскими, источниками. Ранее мало или совсем неизвестные данные о древних жителях края и их потомках — киргизах — стали достоянием отечественной историографии прежде всего благодаря трудам крупнейшего русского ученого, сиолога Никиты Яковлевича Бичурина⁵⁷ (1777—1853), избранного в 1828 г. членом-корреспондентом Академии наук. Сведения из истории Средней Азии, Джунгарии и Восточного Тур-

⁵⁵ В одной из них — «Взгляд на северную часть Кокандского ханства с присовокуплением сведений о сношении России с его владетелем и правителем Ташкинии» (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 19251) — отмечается, что киргизы обитают в богатых еловых лесом горах Ала-Тоо, пограничных с Гашкентским вилайетом ханства, приводятся сведения о меновой торговле среднеазиатских купцов в кочевьях киргизско-казахского населения, а также о тяжелом налоговом гнете со стороны кокандского хана. Содержание второй записки — «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии» (ЦГВИА ф. 414, кол. д. 413) — во многом идентично сведениям одноименной публикации в III книге «Записок РГО» (СПб., 1849).

⁵⁶ О. И. Сенковский. Аму-Дарья. «Библиотека для чтения», 1835, т. XI, отд. науки и художества, стр. 138—174. Краткое изложение сведений англичанина Д. Вуда за 1837 г. об истоках Аму-Дарьи «у пределов земли каменных киргизов» дано в его статье «Открытие источников реки Аму-Дарьи». «Библиотека для чтения», 1842, т. I, разд. IV, смесь, стр. 25—29.

⁵⁷ В монашестве о. Иакинф. Среди довольно обширной литературы о незаурядной личности этого «вольнодумца в рясе», его жизни и деятельности небезынтересны очерки Н. Шуина «Иакинф Бичурин» («Журнал Министерства народного просвещения», 1857, ч. 95, отд. 5) и Н. С. Моллера «Иакинф Бичурин в далеких воспоминаниях его внучки» («Русская старина», 1888, № 7, стр. 271—304; № 9, стр. 524—560). Библиографию вопроса см.: Г. Ф. Ефимов. Историко-библиографическое обозрение источников и литературы по новой истории Китая, ч. II. Л., 1968, стр. 18. Борьба

кестана содержались либо в его переводах из китайских исторических летописей и хроник⁵⁸, либо в собственных сочинениях⁵⁹, которые базировались на тех же материалах, к сожалению, нередко при этом некритически им использованных. Из его «Описания» и примечаний, где даны сведения о названии, самоназвании и происхождении тянь-шаньских киргизов (фигурирующих в тексте как «кэргиз», «киргиз», «бурут») видно, что он не только вполне ясно отделяет их от казахов по происхождению и месту расселения — «между Восточным Туркестаном, Бухарией и Коканом», — но и является сторонником автохтонности тянь-шаньских киргизов, считая, что они появились на местах их тогдашнего обитания в IV в. под сходными со словом «бурут» именами, а русские авторы (в том числе и упоминаемый Н. Я. Бичуриным Мейендорф) называли их «каменными, дикими и черными киргизами».

Бичуринский источник содержит сведения XVIII в. о делении киргизов на восточных и западных по местам их обитания на Тянь-Шане, а также об их наиболее крупных родоплеменных подразделениях. Описание общественного строя и материальной культуры киргизов, их отваги и решительной борьбы против джунгаров (ойратов) в основе совпадают с известиями, приводимыми пятилетием ранее в книге Е. Ф. Тимковского (кстати, сыгравшего положительную роль в личной судьбе Н. Я. Бичурина, который, по-видимому, поделился с Тимковским своими материалами), и лишь отчасти дополняют их. В истории ойратов⁶⁰, характеризуемой самим автором как собрание материалов, относящихся к истории калмыцкого народа, киргизам и их взаимоотношениям с джунгарами (ойратами), естественно, отводится заметное место. Ведь пути исторических судеб этих народов в XVII — XVIII вв. нередко

Н. Я. Бичурин против путаницы в сведениях о народах и странах Средней и Восточной Азии в западноевропейском и русском востоковедении отмечена в статье: Г. Г. Стратанович. Никита Яковлевич Бичурин (отец Сакинф). В сб.: Отечественные экономико-географы XVIII—XX вв. М., 1957, стр. 127—133.

⁵⁸ Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трех частях. СПб., 1851. Этот труд удостоен академической премии Демидова. В 1950—1963 гг. он переиздан в трех томах АН СССР; его же. Описание Чжунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии. Переведено с китайского монахом Иакинфом Бичуриным, ч. I—II, СПб., 1829.

⁵⁹ Иакинф Бичурин. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. СПб., 1834, 253 стр.

⁶⁰ См. упомянутое сочинение Иакинфа Бичурина «Историческое обозрение ойратов...» (СПб., 1834), отмеченное Академией наук Демидовской премией.

перекрещивались, как было, например, при отражении нашествия джунгарского правителя Батурхана на Семиречье. Красной нитью здесь проходит утверждение Н. Я. Бичурина о киргизах (принадлежащих, по его словам, к тюркскому племени) как древних обитателей Тянь-Шаня, где они «искони» и постоянно кочуют⁶¹. Для исторической географии Киргизии очень важны и неопубликованные в дореволюционное время географические труды Н. Я. Бичурина⁶².

Советские историографы, оценив большой вклад Н. Я. Бичурина в отечественное востоковедение и историческое киргизоведение, в то же время указали на ряд неточностей в отдельных местах его переводов и вскрыли факты некритического восприятия им оценок китайской официальной историографии⁶³.

Возможно, что знакомство гениального русского поэта А. С. Пушкина с Левшиным и Бичуриным и их сочинениями послужило одним из побудительных мотивов проявления востоковедческих устремлений поэта⁶⁴. Не исключено, что именно в связи с этим в авторских примечаниях к истории восстания Е. Пугачева А. С. Пушкин отметил заключительный эпизод из борьбы «кыргызцов» (бурутов) против волжских калмыков во время их бегства из России в 1772 г.⁶⁵

Несомненным вкладом в киргизоведение явился капитальный труд крупного сибирского историка и натуралиста Петра Андреевича Словцова (1767—1843)⁶⁶. Упоминание им о киргиз-

⁶¹ Н. Я. Бичурин не согласился ни с Фишером, ни с Левшиным по вопросам этногенеза и переселения киргизов с Енисея на Тянь-Шань (по мнению автора «Обозрения», енисейские киргизы — лишь одно из их слабых подразделений).

⁶² Н. Я. Бичурин. Собрание сведений по исторической географии Восточной Средней Азии. Чебоксары, 1960, 758 стр.

⁶³ Оценку и значение трудов Н. Я. Бичурина см.: В. Н. Никифоров. Советские историки о проблемах Китая. М., 1970, стр. 6—7. К трудам Н. Я. Бичурина примыкают работы сиолога и дипломата середины XIX в. К. А. Скачкова (подробнее см.: В. Н. Никифоров. Указ. работа, стр. 11). С поступлением в бывший Румянцевский музей принадлежавших К. А. Скачкову восточных рукописных книг и его материалов, московским ориенталистам стала доступной эта ценная коллекция источников, в которой имеются также сведения по истории киргизов и их взаимоотношений с соседями в XVIII — первой половине XIX в. См.: Рукописный отдел ГПБ им. В. И. Ленина (в Москве), ф. 273 и 274.

⁶⁴ В этом плане представляет интерес упомянутая ранее работа: Л. А. Шейман. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1961.

⁶⁵ А. С. Пушкин. История Пугачевского бунта, ч. 1, СПб., 1834, стр. 23, 2 паг.; Полное собрание сочинений (в 16 томах). Изд. АН СССР, 1937—1947, т. IX, 1-й полутом, стр. 97.

⁶⁶ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. 2, СПб., 1844. Подробнее об авторе и его научных заслугах см.: Л. С. Берг. Словцов и

ском посольстве к западносибирским властям в 1821 г., отсутствующее у других авторов, свидетельствует о том, что П. А. Словцов, видимо, располагал еще не известными современным историкам источниками. Ценность его труда заключается в том, что он впервые в русской историографии первой половины XIX в. опубликовал сведения о первых киргизских посольствах в Россию (в Петербург в конце XVIII в. и в Западную Сибирь в 1814, 1821 и 1824 годах).

Дискуссия с И. А. Левшиным о разности происхождения киргизов и казахов, автор привлекал внимание к проблеме киргизского этногенеза последующих исследователей.

Характеризуя отрасли хозяйства у киргизов, П. А. Словцов, используя ранее не опубликованные сведения Лещева, отметил наличие у них «без сомнения» и звероловства.

Образ правления у киргизских родоплеменных групп подкрепляется, судя по данным автора, силой патриархально-родовых традиций: киргизские волости управлялись биями по «древним обычаям» и, по его словам, «без пререкания». Вместе с тем ряд выводов Словцова и, в частности, его утверждение, что общественно-политическая организация киргизского общества есть якобы некая «союзная разбойничья республика», не только грешит против исторической действительности, но и просто антинаучно.

Поистине золотые россыпи исторических сведений о киргизах 40-х годов XIX в., содержащиеся в записках сосланного в Западную Сибирь за причастность к польскому освободительному движению Адольфа Янушкевича (1803—1856), стали известны киргизоведам лишь совсем недавно⁶⁷. В его письме из Аягуза 6 июля 1846 г. другу и сослуживцу по Омску Павлу Цеплинскому имеются краткие сообщения о самоназвании киргизов, местах их проживания, об усилении манапской верхушки, а также об отчаянной борьбе киргизов против жестокой агрессии казахского хана Кенесары Касымова⁶⁸ и т. п.

Уже в самом начале своей деятельности Русское географи-

закона Бэра. История русских географических открытий. М.—Л., 1962, стр. 189—196.

⁶⁷ А. Янушкевич. Дневники и письма из путешествия по казахским степям. Перевод с польского и предисловие Ф. Стекловой. Алма-Ата, 1966, стр. 268.

⁶⁸ Приводя интереснейшие подробности разгрома киргизами Кенесары Касымова, А. Янушкевич высоко оценил свободолюбивые устремления и воинскую доблесть горцев Ала-Тоо, называя их «самыми мужественными из всех киргизов», в сердцах которых «пылает огонь мужества, достойный героев Марата» (там же, стр. 51—52).

ческое общество, основанное в 1845 г., во многом способствовало собиранию различных сведений о киргизах и последующему их распространению. В 1848—1849 гг. в печати появилась статья одного из учредителей РГО, писателя и путешественника Платона Александровича Чихачева, (1812—1892)⁶⁹. В ней, в частности, был все тот же небольшой объем сведений, уже известных в России о южных и памирских киргизах, подвластных, по словам автора, кокандскому и кундузскому ханам. Этому предшествовало предложение автора об отправке Обществом экспедиции с его личным участием в Среднюю Азию. Но необходимой поддержки этим начинаниям не было оказано, что и предопределило выбытие Чихачева из числа русских первоисследователей Средней и Центральной Азии и обзорный характер упомянутой выше статьи. Таким образом, на примере личной судьбы П. А. Чихачева как исследователя-путешественника, настойчиво стремившегося проникнуть в Среднюю Азию с научными целями⁷⁰, можно видеть, с какими трудностями были сопряжены попытки получить новые историко-географические сведения о среднеазиатских странах и народах⁷¹.

5 февраля 1848 г. видный астроном, действительный член РГО Алексей Николаевич Савич (1810—1883) на совещании Общества сделал интересное сообщение о малоизвестных среднеазиатских народах, главным образом о киргизах, ареале их расселения и характере занятий. В основу этого сообщения им был положен «рассказ кайсака Сибирского ведомства Кантая Бедешева, бывшего в плену у кара-киргизов, 1834 г.»⁷². Последним приводятся правильное самоназвание

⁶⁹ П. А. Чихачев. О исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи и нагорной площади Памир. «Записки РГО», кн. III, 1849, стр. 20—49. Публикация обратила на себя внимание Военного министерства, но практической помощи автору в его стремлении изучить описанный им район всё-таки не было оказано (ГАОО, ф. 6, оп. 6, д. 12548, л. 1—3).

⁷⁰ Нами обнаружено дело «О предпринятом по «высочайшему» соизволению путешествии г. штабс-ротмистра Чихачева в Центральную Азию. 1839—1840 гг.», из которого видна его предыдущая безуспешная попытка «обозреть Центральную Азию в учёном отношении» (ГАОО, ф. 6, оп. 16, д. 7, л. 1—17).

⁷¹ Обстоятельный обзор истории изучения Туркестана с древности до конца 40-х годов XIX в. дан в статье действительного члена РГО, известного русского археолога и востоковеда Павла Степановича Савельева (1814—1859) «Средняя Азия» в кн. «Карманная книжка для любителей землеведения, издаваемая от Русского географического общества» (СПб., 1848, стр. 237—278).

⁷² См. также краткую публикацию извлечения из рассказа казака К. Бедешева. «Известия РГО», вып. I, СПб., 1848, стр. 7—8; Архив Геогр. о-ва СССР в Ленинграде, р. 75, оп. 1, д. 1.

народа—«алатай-киргизы» (отражающее место их обитания,— В. Г.), или просто «кыргызы», а также названия, данные им соседями, в том числе и русскими. Этим подчеркивается ошибочность наименования «киргизами» казахов. Повествуя о местах обитания киргизов, их образе жизни и занятиях, особенностях их материальной и духовной культуры, Кантай Бедешев упоминал также об усобицах с соседями (казахами) и изменении внешнеполитического положения киргизов к 30-м годам прошлого столетия. Этот бесхитрый рассказ современника характеризует, в частности, обстановку, облегчившую кокандцам возможность утвердить свое господство в северной части края: киргизы «жили в ту пору во вражде и ссоре со всеми, без исключения, соседями», а сами были разобщены, подобно казахам, «на роды и племена или отделения». Рассказчик повествует и о сопротивлении непокорных киргизов кокандским феодалам, о разорительности ханского налогового пресса и жестокости захватчиков⁷³.

В 1849 г. в одном из изданий РГО была опубликована ранее упомянутая небезынтересная записка о Кокандском ханстве⁷⁴, составленная при штабе Отдельного Сибирского корпуса и переданная Обществу с картой ханства от генерал-губернатора Западной Сибири И. Д. Горчакова⁷⁵. Совпадение кратких сведений в ней и в названном ранее рукописном «Обозрении» 1941 г. об алатооских киргизах позволяет отнести содержащиеся в записке известия к началу 40-х годов XIX в.⁷⁶

⁷³ Так, по словам К. Бедешева, киргизы, живущие около «неприступных снежных хребтов, летом уходят в горы; на зиму, когда надо сводить, посылают послов и покоряются ташкентцам, которые их тогда грабят». Особенно важно его сообщение об одном из грабительских походов правителя Ташкента в начале 30-х годов XIX в. против киргизов, которых он силою оружия принудил к уплате налогов: «побил и разорил в пух и прах и жестоко их наказал...». Впрочем затем, добавлял этот очевидец, алатооские киргизы «присмирели» и вынуждены были платить зякет Коканду. Познавательное значение сведений К. Бедешева — «простого сына степей», необразованного, но умного и наблюдательного человека, — было оценено еще в Оренбурге (видимо, в Пограничной комиссии), а затем и в РГО, так как они своей свежестью и «значительностью» выделялись среди расспросных материалов первой половины XIX в.

⁷⁴ Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. «Записки РГО», кн. III, 1849, стр. 176—216.

⁷⁵ Материалы поступили в РГО через Министерство иностранных дел России, что указывает на придававшееся им в свое время значение (П. П. Семенов. История полувековой деятельности РГО, 1845—1895, ч. I, СПб., 1896, стр. 29).

⁷⁶ Ср. печатный текст «Обозрения» за 1849 г. с извлечением из одноименного рукописного дела «Выписки географических, исторических и ста-

Широкая информация в безымянной публикации о киргизах в самом начале 50-х годов⁷⁷ — свидетельство небезрезультативности трудов отечественных исследователей Киргизии накануне принятия йссык-кульскими киргизами русского подданства. Одновременно ее следует рассматривать и как вклад РГО в ознакомление научной общественности страны с положительными итогами изучения в России сопредельных с ней стран и народов Средней Азии. По многогранности, широте и достоверности расспросных сведений о киргизах она является как бы энциклопедической сводкой историко-культурных, социально-экономических, а более всего географических данных о Киргизском крае и его населении.

Последующие труды наших исследователей — путешественников и востоковедов — во многом лишь уточняли или дополняли историческую канву «Сведений» в территориальном и хронологическом отношениях. Помимо указания наименований, под которыми киргизы были известны у соседних народов, и их самоназвания (вопрос этот при множестве и неточности бытовавших названий для киргизского народа смешивании его с казахами все еще продолжал вызывать интерес) в этом богатом источнике сконцентрированы исторические предания о происхождении киргизов, данные о границах их расселения, примерная численность населения, места кочевков, отношение к Коканду⁷⁸, России и Китаю и т. п. Междоусобицы с казахами — «юсуповцами»⁷⁹ и внутренние феодальные неурядицы побуждали их искать «покровительства» России, просить о введении у них «устройства подобного округам» в Казахской степи.

В «Сведениях» приводятся достоверные факты об антикокандском восстании в Прииссыккулье в 1842 г. и изъявлении в 1848 г. киргизами (племен солто и сарыбагыш) желания принять русское подданство. Менее подробны, чем сведения о внешнеполитическом положении киргизов, данные об общественно-экономических отношениях⁸⁰ и хозяйстве киргизов, у

тистических сведений о Средней Азии из разных архивов. 40-е гг. XIX в.». ЦГВИА, ф. 414, кол. д. 413, л. 14.

⁷⁷ Сведения о дикокаменных киргизах. «Записки РГО», кн. 5, 1851, стр. 140—153. Для установления ее авторов необходимо специальное исследование, так как в литературе называются разные лица, в том числе русские военные топографы Воронин и Нифантьев.

⁷⁸ В «Сведениях» отмечено, что большинство киргизов платит дань Коканду.

⁷⁹ Правда, отмечается и прекращение столкновений киргизов с казахами в долине р. Или после утверждения там России.

⁸⁰ При описании явлений общественной жизни у киргизов последние бездоказательно обвиняются в склонности «к хищничеству, баранте и воровству».

которых, кстати, отмечено наличие социального неравенства⁸¹. Исключительна историко-археологическая важность сообщений (едва ли не впервые в русских источниках) о памятниках древности в Чуйской долине и в Прииссыккулье.

Всем изложенным определяется несомненная источниковедческая ценность «Сведений», во многом носящих характер первоисточников, хотя трактовка, некоторых вопросов и дана в них в духе господствовавших веяний того времени.

В 40—50-х годах XIX в. Семиречье и Кульджинский край посетил Егор Петрович Ковалевский (1811—1868) — пылкий географ-путешественник, специалист горного дела, литератор и дипломат⁸². Его литературно-документальное наследие свидетельствует о знакомстве автора с жизнью и бытом киргизов и их внутри- и внешнеполитическим положением перед вхождением в состав России⁸³.

В связи с этим внимание киргизоведов должны привлечь и очерк Е. П. Ковалевского «Встреча с Н. Н.», и ряд официальных записок, освещающих интересы России в Средней Азии и Восточном Туркестане⁸⁴. Не будучи строго документальным произведением, «Встреча с Н. Н.» основана на фактах подлинной трагической истории небольшого киргизского рода кыдык из племени бугу, едва не погибшего в межфеодалном столкновении с сарыбагышами.

Возглавляя Азиатский департамент Министерства иностранных дел России, Е. П. Ковалевский в некоторых служебных записках отразил состояние русско-киргизских отношений накануне вхождения Киргизии в состав России. Интересны его рассуждения о киргизах — «храбром народе», которые «мало-помалу, племя за племенем просят нашего покровительства», а также о важности обладания для России с военнопо-

⁸¹ В результате тяжелого ханско-феодалного гнета «бедные (киргизы. — В. Г.) лишаются последнего достояния, а иногда и детей, которых отдают или богатым в услужение или чиновникам хана в виде залога». («Сведения», стр. 153).

⁸² О его жизни и деятельности см.: Б. Л. Вальская. Путешествия Егора Петровича Ковалевского. М., 1956; В. А. Виленикин. Странствователь по суше и морям. М., 1969.

⁸³ Перед поездкой в Кульджу в 1851 г. в Копале Е. П. Ковалевскому были «предоставлены дорожная карта, составленная Инфантьевым, и сколько возможно более полные сведения о путях, ведущих в кочевья Дикокаменной орды и через них в Кашгарию и Кокандское ханство», собранные знатоками казахских степей и Киргизского края подполковником Карбышевым, старшиной Абакумовым и майором Перемышльским (ЦГВИА, ф. 1449, оп. 1, д. 10, л. 3—6).

⁸⁴ «Встреча с Н. Н.» Е. П. Ковалевского напечатана в «Библиотеке для чтения» (СПб., 1858, № 12) и в собрании его сочинений «Странствователь по суше и морям», т. III (СПб., 1871).

литической и экономической стороны «их горами и крепостью» — Прииссыккульем. Первоочередным условием действительного присоединения киргизов к России автор справедливо считал необходимость изгнания кокандцев из их укреплений в Чуйской долине. Содержание материалов Е. П. Ковалевского отражает и другие аспекты истории Киргизстана середины XIX в.⁸⁵

Сведения о «числовой силе» киргизов племени бугу при Алатауском округе и занимаемой ими территории в Прииссыккулье, краткие данные о родоплеменном делении и расселении киргизов вообще, а также упоминание об изъявлении некоторыми из северокиргизских племен в 1847 и 1851 гг. желания принять подданство России содержатся в разработке материалов о численности податного населения Российской империи в 1850—1851 гг., предпринятой видным статистиком, действительным членом РГО Петром Ивановичем Кеппеном (1793—1864)⁸⁶. Он справедливо полагал, что киргизами надо называть лишь тех «ордынцев», которые сами себя так именуют.

В путевых очерках горного инженера, путешественника, а впоследствии и дипломата Александра Георгиевича Влангали⁸⁷ сообщалось о продолжавшихся феодальных усобицах между казаками Большой орды и их соседями с юга — киргизами, которые «рассыпаны» в неприступных отрогах снежного хребта Тянь-Шаня⁸⁸. Однако уже в статье статистика Сергея Александровича Идарова отмечалось, что соседствующим

⁸⁵ Отдел рукописей Гос. публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. № 356; Е. П. Ковалевский. Положение наше в Средней Азии и на ее границах (1840—1850-е гг.), д. 86; «Меры, которые необходимо принять по случаю настоящего положения дел в Китае... (1850-е гг.)». См. также: В. Плоских, В. Галицкий. Странствователь о Киргизии. «Литературный Киргизстан», 1967, № 6, стр. 101—104.

⁸⁶ П. Кеппен. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб., 1857, т. XVIII. Подробнее о нем и его трудах см. ст. В. К. Яцунского «Петр Иванович Кеппен» в кн. «Отечественные экономико-географы XVIII—XX вв.», М., 1957, стр. 167—180. Библиографические данные по истории киргизов содержатся в другой работе П. И. Кеппена — «Хронологический указатель материалов для истории инородцев в Европейской России», СПб., 1861, 510 стр.

⁸⁷ Его экспедиция в 1849—1851 гг. исследовала западную и восточную части Семиречья в связи с высказанным еще в начале 40-х годов XIX в. предположением Григория Силыча Карелина (1801—1872) о большой рудоносности северной части хребта Ала-Тоо. Подробно см.: Н. А. Гвоздецкий, В. Н. Федчина, А. А. Азатьян, З. Н. Донцова. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии XIX—начала XX вв. М., 1964, стр. 85, 89.

⁸⁸ А. Г. Влангали. Геогностические поездки в восточной части Киргизской степи в 1849 и в 1851 годах. СПб., 1853, ч. I, 161 стр.; ч. II, 144 стр.

шие с казаками Большой орды киргизы, кочующие возле озера Иссык-Куль, начали сближаться между собой и стали искать защиты у России. Русское правительство поддерживало с ними «приятельные отношения как для спокойствия Большой Орды, так и для безопасного следования через эти места караванов на Кульджу, Чугучак, Ташкент, Коканд и Кашгарию»⁸⁹. Описания путей к ним и материалы о состоянии русско-среднеазиатской торговли, проходившей транзитом через Киргизию, собраны и отчасти опубликованы также Петром Ивановичем Кафаровым (1817—1878) — архимандритом Палладием, и Павлом Ивановичем Небольсиным (1817—1893)⁹⁰.

Заметный след в историко-географическом изучении среднеазиатских народов и земель, сопредельных с киргизами, а отчасти и мест обитания последних оставили в 40—50-х годах XIX в. одаренные русские исследователи-востоковеды — братья Николай (1822—1878) и Яков (1818—1862) Ханыковы⁹¹.

Таков был в целом объем исторических известий о киргизах, накопленных в России ко времени вхождения Киргизии в ее состав.

2. Сведения об истории киргизов периода вхождения в состав России

Одним из прогрессивных последствий вхождения Киргизии в состав России (1855—1876 гг.) явилось начало непосредственного изучения края в естественном, культурно-хозяйственном, историческом и других отношениях. Русские путешественники, нередко продвигаясь вместе с войсками или вслед за ними (П. П. Семенов, Ч. Ч. Валиханов, Н. А. Северцов и др.), проводили разнообразные исследования природы и населения Киргизии, записывая исторические предания и свои наблюдения над образом жизни, хозяйством и нравами киргизов. Даже выполняя военные и дипломатические поручения властей, они стремились сочетать их с научно-исследовательскими задачами (А. Ф. Голубев, 1859; А. П. Проценко, 1863; В. А. Полто-

⁸⁹ С. А. И д а р о в. Киргизская степь Сибирского ведомства и новоучрежденная в ней Семипалатинская область. Журнал Министерства внутренних дел, 1854, ч. II, кн. 8, отд. II.

⁹⁰ Павел Небольсин. Очерки торговли России с Средней Азией... «Записки РГО», кн. X. СПб., 1885, стр. 1—373.

⁹¹ См. в частности: В. Н. Ф е д ч и н а. Как создавалась карта Средней Азии. М., 1967, стр. 92, 108.

рацкий, 1865; А. П. Хорошкин и др.)⁹². В 60—80-х годах XIX в. многие ученые-естествоиспытатели (в их числе Ф. Р. Остен-Сакен, А. Н. Краснов, В. Ф. Ошанин и пр.) помимо своих узко специальных исследований, живо интересовались бытом, культурой и историческим прошлым киргизского народа.

При этом путешественникам часто приходилось действовать на местах на свой страх и риск, собирать на личные сбережения ценные коллекции, приобретать рукописи и предметы древности. Все их записи (отчасти затем опубликованные) с историческими сведениями о Киргизии имели очень большое значение, так как являлись для своего времени нередко единственным источником для познания киргизской истории.

Целую эпоху в географическом изучении края составила путешествия 1856—1857 гг. Петра Петровича Семенова (1827—1914) на Тянь-Шань. Он проложил путь в Киргизию и сопредельные страны блестящей плеяде русских ученых, которые внесли неоценимый вклад в изучение истории Киргизстана и его народа.

Краткое описание тянь-шаньских путешествий, важные научные открытия освещались ученым в письмах в РГО, статьях и отдельных трудах путешественника, по праву получившего почетное прибавление к своей фамилии — Тянь-Шанский⁹³. Более подробно история путешествия 1856—1857 гг. и его разносторонние результаты были описаны ученым уже на склоне лет по материалам путевых дневников в «Мемуарах», изданных впервые в 1946 г.⁹⁴ «Мемуары» — ценнейший источник историко-географических и этнографических сведений о Киргизии и начале вхождения ее в состав России. В них отчетли-

⁹² А. А. Горячева. Основание и развитие г. Верного (Алма-Ата) (1854—1900 годы). Канд. дисс. М., 1952, стр. 186.

⁹³ См.: П. П. Семенов. Письмо действительного члена РГО П. П. Семенова о путешествии в Киргизские степи Сибирского ведомства в 1856 г. 18 сент. 1856 г. «Вестник РГО», ч. 18, кн. 5, отд. 5, СПб., 1856, стр. 1—6; его же. Первая поездка на Тянь-Шань или Небесный хребет до верховья реки Яксарта или Сыр-Дарьи в 1857 году. «Вестник РГО», ч. 23, отд. II, СПб., 1858, стр. 1—24; его же. Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суок-Тубе и ущелье Буам к западной оконечности озера Иссык-Куль в 1856 году. (Отрывок из путевых записок П. Семенова). «Записки РГО по общей географии», 1867, т. I, стр. 181—254; его же. Небесный хребет и Заилийский край. Живописная Россия, т. X, 1885, стр. 333—376; его же. Отчет о путешествии в Туркестан. «Туркестанские ведомости», 1888, № 43 и др.

⁹⁴ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары, т. II. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 годах. М., 1946. Последующие издания: М., 1947, 1948, 1958.

во отразились и взгляды П. П. Семенова-Тян-Шанского на историю и место исторических знаний в географическом изучении и страноведческом описании⁹⁵. Исторические данные о Киргизском крае, вкрапленные в текст «Путешествия», в известной мере могут также служить иллюстрацией понимания ученым того, в какой мере исторические условия, былая жизнь и хозяйственная деятельность местного и прошлого населения, его отношение к окружающей природе играют роль в сложении общего облика края.

В книге чередуются эпизоды из древней и средневековой истории Киргизии, а также современные путешественнику события в жизни ее народа. Вслед за страницами, посвященными древним аборигенам края — усуням, гуннам и различным тюркским кочевым племенам, сменявшим здесь друг друга в «домонгольское время», идут описания неоднократных личных встреч путешественника с казахско-киргизским населением Семиречья. Исторические сведения о стране, почерпнутые П. П. Семеновым у восточных, преимущественно арабо- и персоязычных авторов, дополняются впечатлениями о виденных им в пути историко-археологических памятниках, а также зарисовками видов различных местностей и типов местных жителей семеновского спутника — художника Павла Михайловича Кошарова (1824—после 1894)⁹⁶. В поле зрения исследователя оказались различные древности, выбрасываемые на берег волнами Иссык-Куля, «чудского» типа курганы и каменные изваяния тюркского времени, а также неоспоримые следы древнеземледельческой культуры в крае (остатки арыков, одичавшие садовые насаждения), тибетские надписи на Арасане, надгробные киргизские сооружения и многое другое.

Большую ценность представляют сведения ученого о внутри- и внешнеполитической истории северных киргизов начала вхождения их в состав России. Автор особо останавливается на политическом состоянии Прииссыккуля, на котором скрещивались интересы царской России, феодально-деспотического Кокандского ханства и китайско-маньчжурской империи Цин. А это, естественно, отражалось на положении иссыккульских киргизов и их политических связях с соседними странами, в том числе с Россией, подданство которой они приняли в 1855 г. Пребывание в Киргизии позволило П. П. Семенову

⁹⁵ В. И. Чернявский. П. П. Семенов-Тян-Шанский и его труды по географии Тянь-Шаня. М., 1955, стр. 174 и др.

⁹⁶ С. М. Абрамзон. Этнографический альбом художника П. М. Кошарова (1857). Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР, т. XIV. М.—Л., 1953, стр. 147—187; В. Галицкий. Художник-этнограф (Первые исследователи Киргизии). «Советская Киргизия», 1963, 18 августа.

нову уяснить и причины, побуждавшие киргизов к добровольному вхождению в состав России⁹⁷. Однако следует отметить, что при всем благожелательном и гуманном отношении П. П. Семенова к коренному населению края, что нашло отражение на страницах его «Мемуаров» и в записках, некоторые его высказывания об утверждении Российской империи в Средней Азии и историческом значении присоединения к России казахско-киргизского населения напоминают суждения либеральных сановников. В этом сказались слабые стороны его мировоззрения⁹⁸.

В «Мемуарах» и статьях ученого нашли отражение историко-этнографические сюжеты из киргизской действительности середины 50-х годов XIX в. «Частые пребывания между киргизами Дикокаменной и Большой Орды, — отмечал в 1857 г. П. П. Семенов, — дали мне случай ознакомиться с их нравами, обычаями и жизнью этих народов...». Отдельные сведения о хозяйстве, социально-экономических отношениях у киргизов и их культуре, которые можно почерпнуть из «Путешествия», при всей их краткости также представляют определенный интерес. К тому же они частично дополняются материалами путевых дневников и прочих сочинений П. П. Семенова-Тянь-Шанского, а также работами других авторов, вышедшими под его редакцией⁹⁹. Как справедливо отмечают исследователи, громадное научно-литературное наследие ученого, в котором Киргизии и Казахстану отведено видное место, являет собой органическую часть его подвига путешественника-первооткрывателя.

⁹⁷ Причины, ход и значение добровольного вхождения Киргизии в состав России тщательно проанализированы в монографиях академика Б. Д. Джамгерчинова. «Присоединение Киргизии к России» (М., 1959); второе издание — «Добровольное вхождение Киргизии в состав России». Фрунзе, 1963); «О прогрессивном значении вхождения Киргизии в состав России. (Фрунзе, 1963); «Очерк политической истории Киргизии XIX в. (вторая половина)». (Фрунзе, 1966) и др.

⁹⁸ Н. Г. Фрадкин. П. П. Семенов-Тянь-Шанский и его путешествие 1856 и 1858 гг. В кн.: П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары..., 1948, стр. 25.

⁹⁹ См., к примеру, краеведческие статьи П. П. Семенова-Тянь-Шанского, помещенные во втором томе «Географо-статистического словаря Российской империи» (СПб., 1865), а также «Небесный хребет или Заилийский край». Источниковедческий анализ «киргизской» части трудов П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Ч. Ч. Валиханова и А. Н. Северцова дан в работах Ш. Кадырова, в частности, в его кн. «Записки и отчеты русских путешественников по истории Киргизии второй половины XIX века» (Фрунзе, 1961).

Заметный след в изучении историко-культурного прошлого киргизского народа оставил Чокан Чингисович Валиханов (1835—1865) — первый казахский ученый-энциклопедист, просветитель и демократ, хорошо знавший язык, жизнь и многие обычаи киргизов. Интереснейшие историко-географические и экономические сведения о киргизах и Киргизском крае содержатся в его ранних, прежде малоизвестных работах, связанных с первой поездкой к Иссык-Кульским киргизам летом 1856 г. в составе военно-научной экспедиции М. М. Хоментовского¹⁰⁰. Из них особенно ценен как историко-этнографический источник сведений о киргизах времени начала вхождения их в состав России валихановский «Дневник поездки на Иссык-Куль» с его зарисовками¹⁰¹. На страницах дневника отражено сложное внешнеполитическое положение иссык-кульских киргизов, первыми принявших русское подданство (отмечено урегулирование споров киргизов-бугинцев с казахами и продолжавшиеся притязания кокандцев). Примечательно его сообщение о борьбе киргизов против ханско-феодалного угнетения (разгром кокандских укреплений сарыбагышами, возглавляемыми Ормон-ханом, откочевка их ближе к русскому укреплению в Верном и т. п.).

Из массы разрозненных путевых записей автора вырисовываются основные контуры тогдашнего киргизского общества, в котором господствовали патриархально-феодалные отношения. Запись от 26 мая 1856 г. свидетельствует о его первом знакомстве с «Манасом» — величайшим историко-эпическим памятником устно-поэтического творчества киргизов. Высоко оценив историко-культурную значимость этой монументальной героической поэмы, Ч. Ч. Валиханов записал впервые по-киргизски и в переводе на русский язык один из его центральных эпизодов — «Смерть Кукотай-хана и его поминки», — имеющий определенное значение для уяснения некоторых моментов киргизского этногенеза¹⁰². Кроме того, в эту поездку им были записаны и другие исторические предания киргизов, относящиеся ко времени их борьбы с ойратскими феодалами и помогающие идентифицировать отдельные места и исторические события тех времен. В дневнике немало заметок по ис-

¹⁰⁰ См.: С. Умурзаков. Первая русская экспедиция на оз. Иссык-Куль. Изв. Всесоюз. геогр. о-ва, т. 95, 1963, стр. 368—371.

¹⁰¹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч. в пяти томах, т. 1. Алма-Ата, 1961, стр. 228—288. Также см.: В. Галицкий. Киргизия в рисунках Чокана Валиханова. «Советская Киргизия», 1965, 10 января.

¹⁰² См. выступление А. Х. Маргулана на сессии по этногенезу киргизского народа во Фрунзе в 1965 г. Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспедиции, т. III. Фрунзе, 1959, стр. 196—199.

торической топонимике, о надгробных сооружениях киргизов и их религиозных воззрениях.

Таковы краткие, но научно-достоверные сведения Ч. Валиханова по истории Прииссыккулья и этнографии его коренного населения, тщательно отмеченные в его замечательном иссык-кульском дневнике¹⁰³. Как видим, в нем отразился довольно широкий круг вопросов по истории Киргизского края и его населения, которые во многом предваряют последующие киргизоведческие интересы автора, побывавшего в Киргизии еще и в 1857—1859 и 1864 гг.¹⁰⁴.

С первой поездкой на Иссык-Куль у Валиханова связано и начало работы над «Записками о киргизах» (окончательно они не были завершены)¹⁰⁵. В них содержатся ценные сведения об истории и исторических преданиях киргизов, материалы по их расселению, экономике и общественному быту, обычаям и языку, а также родословные таблицы киргизов. Другая из ранних работ Ч. Валиханова — «Киргизское родословие» (написанная не позднее 1857)¹⁰⁶ — отражает интерес ученого к истории родного народа и выяснению его этнической близости и давних связей с киргизами. В ней, как и в ранее написанных «Исторических преданиях о батырах XVIII в.» (1855—1856 гг.)¹⁰⁷ и «Песне об Аблае» (1855)¹⁰⁸, сообщаются сведения из истории киргизско-казахских взаимоотношений в XVIII в.

Немало исторической информации о киргизах содержат также широкоизвестные труды Ч. Ч. Валиханова о Восточном Туркестане и тематически примыкающие к ним более мелкие черновые и незавершенные работы, написанные в результате его поездок и путешествий в эту страну¹⁰⁹. Современный исследователь Ш. Кадыров, характеризуя «Очерки Джунгарии» и «Отчет о состоянии Алтышара...» Ч. Ч. Валихова как ценный

¹⁰³ Подробнее см.: В. Галицкий, В. Плоских. Дневник путешественника (110 лет со времени посещения Киргизии Ч. Валихановым в составе первой русской экспедиции на Иссык-Куль). «Мугалимдер газетасы», 1966, 30 июля.

¹⁰⁴ См.: А. Маргулан. Чокан Валиханов. В кн.: Великие ученые Средней Азии и Казахстана. Алма-Ата, 1965, стр. 218—234.

¹⁰⁵ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I, стр. 301—380.

¹⁰⁶ Там же, стр. 203—219.

¹⁰⁷ Там же, стр. 220—226. В записи Ч. Ч. Валиханова здесь приведено наиболее раннее упоминание о манапах, относящееся к батыру Темиржану, погибшему в результате казахско-киргизских междоусобиц XVIII в.

¹⁰⁸ Там же, стр. 180—187.

¹⁰⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. I. Очерки Джунгарии, стр. 392—450; О состоянии Алтышара или Шести восточных городов китайской провинции Нан-лу (Малой Бухарии), в 1858—1859 годах. Там же, т. II. Алма-Ата, 1962, стр. 265—412. См. также другие материалы и исследования Ч. Ч. Валиханова о Кульджинском крае и Кашгарии.

источник по истории Киргизии, верно отмечает важное значение валихановских сведений о бытовом, этнографическом и политическом состоянии киргизов бугу (в «Очерках»), основанных на личных наблюдениях автора по пути в Кашгар, и сведений об их сношениях с соседями, а также существенных данных о положении тянь-шаньских киргизов (в «Отчете»), с которыми он познакомился, возвращаясь из кашгарского путешествия¹¹⁰.

В общем в восточнотуркестанском цикле материалов Ч. Ч. Валиханова (включая и интереснейшие для историков дневники его странствований) затрагивается и в определенной мере освещается большой круг существенных вопросов по истории Киргизстана. Разумеется, не всегда изложение отличалось полнотой и правильностью. Но в целом взгляды Ч. Ч. Валиханова на историю киргизов и Киргизстана, трактовка им современных событий, будучи оригинальными и глубокими, стояли на уровне передовой исторической мысли того времени¹¹¹. Об этом свидетельствует даже то, что он сумел разглядеть в киргизском обществе конца 50-х годов XIX в. наличие противоположных классов-сословий, эксплуатации и поднялся до критики восточного феодализма¹¹². Благодаря яркой и результативной востоковедческой деятельности Ч. Ч. Валиханова (к сожалению, слишком короткой) историческое киргизоведение поднялось выше на целую ступень.

Одним из лучших знатоков национального прошлого киргизов, их хозяйства, жизни и быта, внутри- и внешнеполитического положения накануне и в первое время после вхождения в состав России был переводчик Алатауского округа Иван Андреевич Бардашев (1831 — после 1863). Его «киргизское» наследие, в частности рукописные «Сведения о дикокаменных киргизах» представляют собой важный источник¹¹³.

¹¹⁰ Ш. Кадыров. Записки и отчеты русских путешественников как источник по истории Киргизии второй половины XIX века. Фрунзе, 1961, стр. 42 и сл.

¹¹¹ См., к примеру С. Зиманов, А. Атишев. Политические взгляды Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1965; Д. И. Дулатова. Исторические взгляды Чокана Чингисовича Валиханова. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата, 1963, и др.

¹¹² Д. Кабдиев. Экономические взгляды Валиханова. В кн.: Социально-экономические воззрения казахских просветителей-демократов. Алма-Ата, 1966, стр. 55—56.

¹¹³ «Сведения», как видно из их текста, составлены после возвращения автора из иссык-кульской экспедиции 1856 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551). Извлечения из них были опубликованы под этим же названием в «Туркестанских ведомостях» (1870, № 15), а уже затем, как «Заметки о дикокаменных киргизах», включены в 3-й выпуск ежегодника «Материалы для статистики Туркестанского края» (СПб., 1874, стр. 384—390). Содержание

В свое время с ними имели возможность ознакомиться и оценить их познавательное значение Ч. Ч. Валиханов, П. П. Семенов-Тянь-Шанский и другие первоисследователи Киргизского края. Отметим прежде всего источниковедческую ценность собранных Бардашевым генеалогических преданий киргизов и важность сделанного автором на их основе вывода об их происхождении «из Андижана», своеобразно подкрепленного им аргументом от умолчания в исторических преданиях о переселениях киргизов из Южной Сибири. Правда, в отличие от Н. Я. Бичурина и Ч. Ч. Валиханова, взгляды которых в этом вопросе близки с его, Бардашев скептически относился к возможности решения с помощью преданий проблем этногенеза и переселения киргизов на Тянь-Шань. Касаясь внешнеполитической истории киргизов, автор справедливо отмечал, что они «в сущности *были всегда независимыми*» (sic)¹¹⁴ (курсив наш.— В. Г.). Как отмечается в «Сведениях», с построением Россией укреплений в Заилийском крае киргизы, видя «замирение» среди русскоподданных казахов, стали сближаться с русскими, и в 1885 г. бугинцы присягнули на подданство России, а сарыбагыши были также приняты под ее «покровительство»¹¹⁵.

Бардашев, как и Ч. Ч. Валиханов, приводит подробные данные о родоплеменном делении северных киргизов, именах биев и манапов у бугинцев и сарыбагышей, о числе «кибиток» подвластных им киргизов. Весьма четко подразделял Бардашев современное ему киргизское общество на два неравноправных сословия: манапов и «черный народ» — букару. Описанный им характер взаимоотношений внутри киргизского общества подкрепляет вывод советских историков о господстве патриархально-феодалных отношений в крае. Подробные сведения даются также о хозяйственных занятиях киргизов, торговле и путях сообщения, затрагиваются вопросы духовной культуры и народного характера киргизов, с оценками которых, однако, мы не всегда можем согласиться.

Таков положительный вклад Бардашева — представителя

этих публикаций и рукописного текста во многом совпадает. Небезынтересно и то, что материалы о киргизах в них перекликаются с безымянной публикацией «Сведений о дикокаменных киргизах» в 5-м томе «Записок РГО» за 1851 г. и в записках Ч. Ч. Валиханова о киргизах. Вопрос этот заслуживает выяснения в специальной статье. Мы же лишь коротко останавливаемся на характеристике рукописного списка «Сведений» Бардашева, наиболее полного по сравнению с публикациями и печатными (1851) «Сведениями».

¹¹⁴ Указ. рукопись Бардашева (ЦГВИА, ВУА, д. 18551, л. 18).

¹¹⁵ Там же, л. 16.

своего времени и общества — в историческое киргизоведение 50—70-х годов прошлого столетия. Бесспорна источниковедческая ценность собранных им «Сведений» и других его записок служебного пользования, ещё не введённых в научный оборот.

Отдельные вопросы исторического прошлого киргизского народа нашли освещение и в работах известного русского буржуазного востоковеда Василия Васильевича Григорьева (1816—1881), занимавшего одно время пост председателя Пограничной комиссии в Оренбурге¹¹⁶. Благодаря полноте его сводки исторических известий для «Географии» К. Риттера в ней можно найти сведения и об участии киргизов в борьбе против нашествия джунгар и маньчжуро-цинской агрессии, об их роли в политических событиях на земле среднеазиатских ханств и Кашгарии¹¹⁷. Дополнения и комментарии В. В. Григорьева к труду К. Риттера представляют немалый источниковедческий интерес, но в целом во многом носят компилятивный характер и, как и другие сочинения В. В. Григорьева и труды его современника В. В. Вельяминова-Зернова (1830—1904), даны преимущественно с идеалистических позиций.

Политическая история киргизов и средневекового Киргизстана отчасти отражена и в сочинениях другого крупного русского ориенталиста, также служившего в 1851—1856 гг. в Оренбурге, Владимира Владимировича Вельяминова-Зернова, хотя она и не являлась предметом его основных научных интересов¹¹⁸.

В 1859 г. на берегах Иссык-Куля вновь побывал один из первоисследователей Семиречья, профессор геодезии академии Генерального штаба Александр Федорович Голубев (1832—

¹¹⁶ Составляя для служебного пользования «Историческое обозрение событий в Зауральской степи Оренбургского ведомства и изменений в управлении его со времени присоединения к России. 1860 г.» (ЦГВИА, ф. 67, д. 57), В. В. Григорьев упоминал о нанесённом киргизами поражении Кенесары Касымову. Об этом же см. и в его соч. «Русская политика в отношении к Средней Азии» (1874). Ранее были опубликованы перевод и примечания В. В. Григорьева к сочинению Мирзы-Шемс-Бухари «О некоторых событиях в Бухаре, Коканде и Кашгаре». Отд. оттиск. Казань, 1861.

¹¹⁷ К. Риттер. Землеведение Азии. Восточный или Китайский Туркестан. Перевод В. В. Григорьева. СПб., 1873, 525 стр.

¹¹⁸ См.: Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда Али до Худояр-хана. Тр. Вост. отд. Русского археол. о-ва, ч. II. СПб., 1856, стр. 329—370; Сведения о Кокандском ханстве. «Вестник РГО», 1856, кн. V, ч. 18, отд. II, стр. 107—152; Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II. СПб., 1864. В нем приводятся извлечения из рукописи Мирзы Хайдара «Тарихи Рашиди» о борьбе киргизов против могольских феодалов (так называемый Койчерик 1526 г.) и о нашествии ойратов (калмыков).

1866) ¹¹⁹, отчёт которого о геодезических и топографических исследованиях также содержит ряд исторических сведений о северных киргизах накануне их окончательного вхождения в состав России. Как видно из отчёта, вражда между русскоподданными бугинцами и подстрекаемыми кокандцами сарыбагышами по-прежнему не утихала. Отчёт отражает также отношение царского и ханского правительства к этой борьбе ¹²⁰. В «Отрывке о путешествии» А. Ф. Голубев сообщает об археологических памятниках Прииссыккуля, а также о своих этнографических наблюдениях ¹²¹. Размышляя над записанными у киргизов легендами и преданиями об их происхождении, он пришел к мысли, что они не пришельцы с берегов Енисея, а «искони составляли особый народ тюркского языка, обитавший в местах, где и поныне кочуют» ¹²².

Непосредственным участником событий, предшествовавших вхождению северных киргизов в состав России, был Михаил Иванович Венюков (1832—1901) — известный географ, путешественник и этнограф, оставивший ряд важных сведений по истории края. В 1859—1860 гг. он возглавлял рекогносцировочные отряды в долину р. Чу и к западному побережью оз. Иссык-Куль.

Начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса А. Л. Гинтовт своим предписанием 10 июля 1859 г. просил Венюкова обратить особое внимание на топографические особенности местности, а также «собрать возможно подробные сведения о племенах, живущих в стране, соседней р. Чу и озеру Иссык-Куль: в чем заключается несходство между этими племенами и отличительный характер каждого из них, нет ли у них различия в религии, нравах и обычаях, живут ли они между собой в мире или вражде, что служит этому поводом и кто родоначальник в каждом племени» ¹²³.

¹¹⁹ О А. Ф. Голубеве, см.: Г. Кублицкий. «И другие...» в кн.: По материкам и океанам. М., 1957, стр. 89—99.

¹²⁰ А. Голубев. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции. «Вестник РГО», ч. XXVIII, 1860, отд. 1, стр. 183—198.

¹²¹ А. Голубев. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию — Зайликий край. «Записки РГО», кн. 3, 1861, стр. 77—130.

¹²² А. Голубев. Указ. работа, стр. 114—115. О значении экспедиции А. Ф. Голубева и рекогносцировки М. И. Венюкова для присоединения северных районов Киргизии к России см.: Б. Джамгерчинов. Очерки политической истории Киргизии XIX века. Фрунзе, 1966, стр. 107—122.

¹²³ Отдел рукописей ГПБ им. В. И. Ленина (в Москве), ф. 363, М. И. Венюков. к. 7, д. 27, л. 1. См. также: ЦГА Узб. ССР, ф. И—715, оп. 1, д. 17, 21.

Зафиксированные в его «Очерках Заилийского края...»¹²⁴ наблюдения над киргизами, их прошлой жизнью и бытом важны как свидетельства образованного современника, хотя с некоторыми его толкованиями и оценками нельзя согласиться, к примеру, с внутренне противоречивым и ошибочным определением М. И. Венюковым общественно-политического строя киргизов как «демократического устройства при неограниченной власти старейшин» (?!). В последующих сочинениях, как и в «Очерках», М. И. Венюков вновь касался внешнеполитического положения киргизов, их взаимоотношений с Кокандом и Кашгарией, а также отдельных событий из истории вхождения киргизского народа в состав России¹²⁵. Ратуя за присоединение среднеазиатских народов к России, он, однако, одно-сторонне, с колониалистских позиций характеризует политику царизма на Востоке, отступая от исторической правды.

Существенный вклад в историческое киргизоведение принадлежит одному из выдающихся представителей русской тюркологии академику Василию Васильевичу Радлову (1839—1918). Им было предпринято основательное исследование историко-эпических памятников, особенностей быта, культуры и языка киргизов и других тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Сибири.

Начало систематическому собиранию и целенаправленному изучению В. В. Радловым этнографии, фольклора и языка киргизов было положено двумя его поездками в Семиречье. В 1862 г. он записал на Каркаре один из эпизодов киргизского эпоса «Манас», а в 1869 г. ему удалось собрать среди северных киргизов обильный материал по национальному эпосу, важный и для изучения языка, поэзии и исторических преданий киргизского народа.

Краткий отчет об этой последней поездке Радлова в Чу-Илийское междуречье и на Иссык-Куль содержал небольшие этнографические зарисовки из жизни киргизов¹²⁶. А пятая

¹²⁴ М. И. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны: «Записки РГО», 1861, кн. 4, отд. 2, стр. 79—125. То же в кн.: Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, стр. 121—170.

¹²⁵ М. И. Венюков. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. СПб., вып. I (1873, 487 стр.) и вып. II (1876, 180 стр.); ег о же. Россия и Восток (Собр. геогр. и полит. статей). СПб., 1877, 296 стр.

¹²⁶ В. Радлов. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г. («Известия РГО», т. VI, № 3, 1870, стр. 96—100). Более подробные сведения об истории киргизов и их расселении даны в его книге «Aus Sibirien» (Leipzig, 1884, ч. 1, стр. 136—142, 200—235, также второе издание, 1893). Оба эти сочинения важны для кир-

часть его многотомного труда о народной литературе северных тюркских племен целиком посвящена «наречию» киргизов¹²⁷. В авторском предисловии приведены небезытересные историко-этнографические данные о них, а также подчеркнута большая историко-культурная значимость «Манаса» в сопоставлении с древнегреческими эпосами и «Калевалой». Радловский вариант эпоса «Манас» был опубликован на русском языке и в переводе на немецкий. Радловым же было высказано предположение о переселении енисейских киргизов на Тянь-Шань во время их политического возвышения в X в. (впоследствии он относил это событие к XIII в., после разгрома последних монголами), которое было поддержано рядом до-революционных, а впоследствии и советских исследователей.

Показателем живого интереса к историческим судьбам и положению тюркских народов Сибири, Казахстана и Киргизии со стороны ссыльных дворянских революционеров-декабристов может служить ценное для своего времени «Описание Западной Сибири» (т. I, СПб., 418 стр., 1862; т. III, М., 1867, 145 стр.) Ипполита Иринарховича Завалишина (1802—1892). Автор приводит в нем краткие историко-статистические сведения о киргизах, отражая, в частности, некоторые прогрессивные последствия вхождения Киргизии в состав России¹²⁸. Историей и социальным положением тюркских народов Средней Азии и Казахстана после декабристов интересовались многие политические ссыльные конца XIX — начала XX вв.¹²⁹

Знакомство видного исследователя Средней Азии и отважного путешественника Николая Алексеевича Северцова (1827—1885)¹³⁰ с киргизами из племен солто и сарыбагыш состоялось в 1864 г. во время экскурсии в Чу-Сыр-Дарьинское

гизоведов географическими и топонимическими данными. Подробнее см.: Г. Ф. Блатова. В. В. Радлов и изучение Сибири. В кн.: Развитие методов топонимических исследований. М., 1970, стр. 87.

¹²⁷ Образцы народной литературы северных тюркских племен, ч. V. Наречие дикокаменных киргизов. СПб., 1885. Предисловие к этому труду опубликовано также в сб.: «Манас». Геронический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968, стр. 14—37.

¹²⁸ При этом И. И. Завалишин ошибочно датирует принятие русского подданства бугинцами 1854 г., а не 1855 г., как было в действительности.

¹²⁹ Впоследствии, в конце XIX—начале XX вв., этими же проблемами интересовались многие политические ссыльные, среди них семипалатинские краеведы Н. Я. Кошкин (1863 — после 1906) и А. А. Леонтьев.

¹³⁰ О путешествии Н. А. Северцова по Тянь-Шаню и научном значении его трудов: Н. А. Северцов. Сб. док. Ташкент, 1958; С. У. Умурчаков. Географические исследования Н. А. Северцова в Тянь-Шане и Алае в 60—70-е гг. XIX в. Уч. зап. Киргиз. гос. заочн. пед. ин-та, вып. IV. Исто-

междуречье. Далее, по пути продвижения из Чуйской долины к Аулие-Ата, путешественник встречался и с чаткальскими киргизами из племени сару. Некоторые сведения о них содержатся в отчете ученого¹³¹.

Хотя автор и называл себя «плохим этнографом» по сравнению с Ч. Ч. Валихановым и М. И. Венюковым, однако уже первые его наблюдения над киргизской жизнью и бытом показали, что это было далеко не так. Дополнениями к описаниям чуйских киргизов двумя названными исследователями служат наблюдения Н. А. Северцова о соблюдении гигиены у солтинцев и сарыбагышей, их расселении, летовках и зимних стойбищах, сообщение о парадных выездах манапов с «киргизской» музыкой.

Заслуживают внимания его «Этнографические заметки», в которых описываются взаимоотношения киргизов с Кокандом и казахами Старшего жуза в первой половине XIX в.¹³²

Статья Н. А. Северцова о результатах естественно-научных исследований во время Туркестанской ученой экспедиции (1885—1886 гг.) привлекает внимание тем, что в ней раскрывается отношение отдельных слоев киргизского народа к России в те годы.

Будучи объективным наблюдателем, он отмечал, что пока «недовольное население составляет бродячие шайки, без труда усмиряемые (как Умбет-алы)», а главная «масса горцев — суть мирные кочевники, почти без оружия...». По мнению Н. А. Северцова, «их степные пашни у дорог — суть залог мирного подданства киргизов».

Прогрессивный ученый предупреждал туркестанские власти (впрочем, так и оставившие без внимания его веские доводы), что крестьянскую колонизацию края необходимо прово-

рия — география. Фрунзе, 1959, стр. 3—23; Р. Л. Золотницкая. Н. А. Северцов — географ и путешественник. М., 1953.

¹³¹ Н. А. Северцов. Поездка в западную часть Небесного хребта (Тянь-Шань) или Цун-лин древних китайцев, от Западных пределов Зайлийского края до Ташкента. «Записки РГО по общей географии», 1867, т. I, стр. 75—164 с картами и таблицами геолог. разрезов. См. также: Дополнения к статье Н. А. Северцова «Поездка в западную часть Небесного хребта» (копия с рапорта его в Главный штаб от 8 июня 1866 г., там же, стр. 165—179). Впоследствии материалы отчета приводились Н. А. Северцовым в сборнике его основных трудов по исследованию Средней Азии. См.: Экскурсия при походах генерала Черняева между Чу и Сыр-Дарьей. В кн.: Путешествия по Туркестанскому краю и исследования горной страны Тянь-Шаня, совершенные по поручению Русского географического общества. СПб., 1873, стр. 9—62 (изд. 2-е М., 1947).

¹³² Н. А. Северцов. Этнографические заметки о Зачуйском крае. «Известия РГО», т. 1, № 8, отд. 2, 1865, стр. 147—151.

дить при «величайшей осторожности» и без стеснения коренного местного населения¹³³. Иначе, указывал Н. А. Северцов, еще слабое недовольство последнего их политикой может вспыхнуть со временем пламенем национального освободительного восстания, подобно «горной кавказской войне» против царизма.

Осенью 1868 г. при помощи РГО Н. А. Северцову удалось совершить шестинедельное путешествие в Центральный Тянь-Шань, проникнув из Аксуйского поста в Присонкулье, Атбаш и Аксай, где он имел возможность наблюдать жизнь и быт кочевавших там киргизов. Его превосходное сочинение «Путешествие на Нарын и Аксай и исследование высоких сыртов Тянь-Шаньской системы» полно кратких, но интересных и важных географических, историко-экономических данных о Киргизии того времени и ее населении¹³⁴. Наибольшую значимость для историографии Киргизии, времени ее вхождения в состав России имеет повествование Н. А. Северцова о прекращении длительной феодальной распри между бугинцами и частью сарыбагышей, подвластных Уметалы, в связи с окончательным принятием последними русского подданства. При этом ученый правильнее, чем его предшественники, подошел к выяснению причин межфеодальных усобиц¹³⁵ и их последствий. Н. А. Северцов оказался свидетелем и непосредственным участником заключительного эпизода из истории присоединения Северной Киргизии к России. Его записки представляют собой ценный источник, а трактовка событий во многом объективна и интересна.

В трудах Н. А. Северцова заслуживают также внимания вопросы киргизского хозяйства, в первую очередь экстенсивно-поливного земледелия, и его распространения, отчасти охоты, а также расселения отдельных родоплеменных групп северных

¹³³ См.: Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 96, 436 и др.

¹³⁴ Там же, стр. 100—426.

¹³⁵ Причину их он видел не в баранте, которая была лишь поводом к распрям, а в борьбе за обладание пастбищами, перераспределение которых при господстве патриархально-феодальных отношений всегда решалось силой. «Топографическими» факторами и их изменениями он во многом объяснял отложение возглавленных Уметалы сарыбагышей и окончательное их вхождение в состав России. Однако попытка ученого объяснить характер феодальной раздробленности киргизов и особенности их управления зависимостью от мест обитания сарыбагышей и бугинцев свидетельствует о переоценке им роли географического фактора и недопонимании исторически сложившихся у них экономических и общественно-политических отношений, хотя Н. А. Северцов и стремился не игнорировать последние в своих наблюдениях.

киргизов и характер сложившихся у них социально-экономических отношений¹³⁶. В целом историко-экономические сведения Н. А. Северцова о Киргизии существенно дополняют информацию его ученых предшественников, отличаясь более глубоким проникновением в суть описываемых событий и явлений современной ему киргизской действительности.

В 1865—1866 гг. по Туркестану путешествовал член так называемой Степной комиссии Александр Константинович Гейнс (Гейнц) (1834—1892), путевые записки которого содержат ряд сведений о хозяйстве и быте северных киргизов¹³⁷.

Серьезный интерес при изучении истории Киргизстана представляют труды Алексея Ивановича Макшеева (1822—1892) — военного статистика, видного деятеля РГО (в прошлом петрашевца). Занимаясь сбором данных о кочевом и оседлом населении Туркестана летом 1867 г., он опубликовал расспросные сведения о численности и расселении киргизов в крае и краткие этнографические данные¹³⁸ (по материалам Ч. Ч. Валиханова и А. Ф. Голубева). Он — автор целого ряда ценных для исторического киргизоведения публикаций¹³⁹. В наиболее крупной из его работ дан обстоятельный обзор военно-политических событий, связанных с присоединением Киргизии к России¹⁴⁰.

В декабре 1867 г., по северу Киргизии проезжал Николай

¹³⁶ Сведения об этом содержатся в опубликованных статьях и записках ученого: О русских поселениях к югу и западу от Иссык-Куля. (Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, т. IV, СПб., 1876, стр. 100—146); Записка о местах, удобных для русской колонизации (Ташкент, 1868); Записка о путях из Туркестанского края в Кашгар... (Ташкент, 1868); Естественные условия Аулие-Ата как административного центра; Сборник материалов к проекту Положения о Туркестанской области (без выходных данных), а также в рукописных материалах, хранящихся в ряде архивохранилищ страны и еще не введенных в научный оборот.

¹³⁷ См.: А. К. Гейнс. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан. В кн.: А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов, т. II. СПб., 1898, 430 стр.

¹³⁸ А. И. Макшеев. Географические, этнографические и статистические материалы о Туркестанском крае. «Записки РГО», отд. статист., т. II, 1871, стр. 3—60. См. также позднее опубликованную им кн. «Путешествия по Киргизским степям и Туркестанскому краю». СПб., 1896, 257 стр.

¹³⁹ А. И. Макшеев. Показание сибирских казаков Милошина и Батарышкина, бывших в плену у кокандцев с 1849 по 1852 год. «Вестник РГО», 1856, ч. IX, отд. V, стр. 21—31; е г о ж е. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. «Записки РГО по общ. геогр.», т. XI, 1888, стр. 105—145; е г о ж е. Новая находка г. Стринберга. «Известия РГО», 1891, т. XXVII, стр. 332—383

¹⁴⁰ А. И. Макшеев. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. СПб., 1890, 376 стр.

Николаевич Каразин (1842—1908), направленный сюда вместе с топографом Китаевым для научных исследований Заиссыккульской стороны¹⁴¹. Кратковременное пребывание в Киргизском крае дало ему как литератору-бытописателю и художнику-иллюстратору немало ценных материалов для художественно-этнографических произведений¹⁴².

Немало сведений о киргизах и их истории собрано в материалах военно-статистических описаний Западной Сибири и Казахстана, исполненных офицерами Генерального штаба (или по его заданию), в том числе в работах Сильвергельма, Л. Мейера, Н. И. Красовского¹⁴³. Последний, рассматривая вопрос о наименовании казахов «киргиз-казахами», пришел к выводу, что тянь-шаньские киргизы «ничего общего с енисейскими не имеют». По его мнению, на свои нынешние кочевья, включая Прииссыккулье, они пришли с юга (из района Андижана), а не с севера. Описывая киргизско-казахские междоусобицы в XVII и первой половине XIX в., автор несколько идеализирует Аблай-хана и Кенесары Касымова¹⁴⁴. Книга Красовского, заимствовавшего эти данные из трудов своих предшественников, почти не внося чего-либо принципиально нового в историческое киргизоведение, тем не менее способствовала более широкому распространению сведений о Киргизском крае и его жителях.

Небольшие историко-этнографические заметки о Киргизии конца 60—начала 70-х годов XIX в. встречаются в работах Александра Васильевича Каульбарса (род. в 1844 г.), написанных по материалам его участия в военно-научной (топографической) экспедиции 1869 г. в Центральный и Западный Тянь-Шань. Каульбарсовские «Материалы...»¹⁴⁵

¹⁴¹ Сведения, которые могут иметь научный интерес, было предписано собирать на местах вместе с Каразиним и Китаевым также чиновнику Буныковскому. ЦГА Узб. ССР, ф. И—1, оп. 15, д. 43, л. 1—2.

¹⁴² См.: Д. Л. Брудный. Н. Н. Каразин и его произведения на киргизские темы. Уч. записки Киргиз. женск. пед. ин-та им. В. В. Маяковского, вып. III, 1958, стр. 142—157; е го же. Из истории русско-киргизских литературных и театральных связей. Фрунзе, 1950, стр. 56—69; Я. Земляк. Художник в военном мундире. В кн.: Мечтой крыленные. Фрунзе, 1969, стр. 53—62.

¹⁴³ Н. И. Красовский. Область сибирских киргизов. Мат-лы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, ч. 1—3. СПб., 1968.

¹⁴⁴ Н. И. Красовский. Указ. работа, ч. I, стр. 15—16 и др. Впоследствии еще ряд авторов, писавших о Киргизии (в их числе Н. А. Середа, Н. А. Маев, Е. П. Смирнов и др.), вновь освещали вопрос о борьбе киргизов против вторжения Кенесары Касымова;

¹⁴⁵ [А. В. Каульбарс]. Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба бароном А. В. Каульбарсом в западную часть Тянь-Шаня и в Мусартский проход. «Известия РГО», т. VII,

интересны фактически содержанием, но толкование им исторических событий или современной ему киргизской действительности было нередко весьма далеко от истины. Так, он ошибался, утверждая, что исконными жителями края были калмыки, а лишь затем появились киргизы. Не понимая сущности патриархально-феодалных отношений у последних, он видит причины баранты у киргизов лишь в кровной мести, хотя это социальное зло являлось только одним из производных названных отношений и т. п. В целом же экспедиционный отчет А. В. Каульбарса, вполне соответствующий своему названию «Материалы», по справедливой оценке И. В. Мушкетова, «беден выводами, зато богат фактами», систематизировать и обобщить которые автору было, видимо, не под силу.

Киргизия с ее природой, памятниками, укреплениями, жилищами кочевника и типами населения нашла отображение в творчестве выдающегося русского художника-баталиста В. В. Верещагина (1842—1905), путешествовавшего по Туркестанскому краю в 1867—1868 гг. с целью «этнографических и исторических исследований»¹⁴⁶.

Видное место в историко-этнографическом изучении Южной Киргизии незадолго до ее присоединения к России принадлежит выдающемуся исследователю Средней Азии Алексею Павловичу Федченко (1844—1873). Он был первым европейским ученым, проникшим в Алай в 1871 г. во время путешествия по землям, подвластным кокандскому хану¹⁴⁷. Помимо основных своих научных целей — проведения общегеогра-

СПб., 1872, стр. 173—178; его же. Колесный путь через Тянь-Шань. «Русский инвалид», 1873, № 45. [А. В. Каульбарс]. Материалы для географии Тянь-Шаня, собранные во время путешествия 1869 года членом-учредителем Средне-Азиатского общества бароном А. В. Каульбарс. «Записки РГО по общ. геогр.» (, т. V, 1875, стр. 253—539.

¹⁴⁶ В предписании, выданном 14 марта 1868 г. В. В. Верещагину, указывается, что он командирован «для полного ознакомления с нравами, обычаями и образом жизни оседлого и кочевого населения края» (ЦГА Узб. ССР, ф. И.—I, оп. 32, д. I, л. 1—2). Представляют интерес записки художника о его пребывании в Средней Азии: [В. В. Верещагин]. На войне в Азии и Европе. Воспоминания художника В. В. Верещагина. М., 1894. Еще см: В. Галицкий. В. В. Верещагин в Киргизии. (Сто лет добровольного вхождения Киргизии в состав России). «Советская Киргизия», 1963, 26 октября.

¹⁴⁷ Об А. П. и О. А. Федченко, их пребывании в Киргизии см.: А. П. Федченко. Сб. док. Ташкент, 1965; Э. Мурзаев. А. П. Федченко. В кн.: В далекой Азии. Очерки по истории изучения Средней и Центральной Азии в XI—XX веках. М., 1956, стр. 82—95; Н. Леонов. Впервые в Алай. М., 1951; Н. Л. Леонов, В. Рацек. По Алаю. Ташкент, 1962.

фических и естественно-исторических наблюдений по маршруту — А. П. Федченко стремился также выявить этнографические особенности края и собрать сведения о сопредельных государствах и народах. Естественно, что это отразилось и на содержании сведений о Южной Киргизии в его замечательном труде «В Кокандском ханстве»¹⁴⁸, написанном в результате этого путешествия¹⁴⁹. Публикации А. П. Федченко разительны отличны от прежних, во многом компилятивных, описаний Кокандского ханства, в основе которых лежали расспросные и далеко не всегда точные сведения¹⁵⁰. У А. П. Федченко мы находим немало достоверных сообщений о происходивших в ханстве событиях, живых зарисовок очевидца хозяйственной жизни, своеобразного быта и культуры оседлых и кочевых жителей этой страны, в числе их и южных киргизов.

Рельефно обрисована А. П. Федченко феодально-деспотическая система управления в центре и на окраинах ханства, одной из которых являлась южная часть Киргизии. Описанные им эпизоды борьбы за политическое первенство враждующих феодальных группировок из среды оседлого и кочевого населения ханства проливают свет на активное участие в ней феодальной верхушки киргизов и кыпчаков, точнее Мусульман-кула, Алим-кула, Алим-датхи и др. Упоминание А. П. Федченко о причастности киргизских биев к убийству Малля-хана и возведению на трон Шах-Мурада — лишь один из эпизодов этих длительных межфеодальных усобиц, раздиравших и ослаблявших ханство, от которых в равной мере страдали трудящиеся — и оседлые жители и кочевники.

¹⁴⁸ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, т. I, ч. II. В Кокандском ханстве СПб., 1875, II, 160 стр. (Изв. Общ. любит. естеств., антропол. и этногр., т. XI, вып. 7) и 2-е изд.: М., 1950, стр. 185—384.

¹⁴⁹ Данные о ходе и результатах путешествия супругов Федченко отражены в ряде публикаций: А. П. Федченко. (Доклад о путешествии в Кокандском ханстве). (Изв. РГО, т. VIII, 1872, стд. I, стр. 5—20; его же. Извлечение из сведений о путешествии по Кокандскому ханству в 1871 году. Там же, стр. 7—16; его же. Объяснительная записка к карте Кокандского ханства и прилежащих стран. Там же, стр. 230—244; его же. Из Коканда. Мат-лы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. II, 1873, стр. 384—404, и др.

¹⁵⁰ Таковы, к примеру, краткие сведения о киргизах в обзорной статье «Кокандское ханство по новейшим известиям» («Военный сборник», т. XVIII, № 1, 1869). Впрочем, заслуживают внимания имеющиеся здесь указания на непрерывные волнения киргизов в ханстве и сообщения об их относительной независимости и возможности прервать в любое время сообщения Коканда с Кашгарией. Также см.: А. Нурекян. Очерк истории Кокана с 1841 по 1864 г. «Туркестанские ведомости», 1872, № 35.

Путешественник отметил активное участие во внутривнутриполитических событиях в ханстве Алим-датхи — крупного южно-киргизского феодала.

На страницах его «Путешествия» фигурирует множество различных социальных типов — представителей киргизской родофеодальной знати — от биев и аксакалов, с которыми он встречался в пути, до Измаила-токсобы — начальника кокандского укрепления на Алае, в ведении которого находились местные киргизы. Особую ценность представляют данные А. П. Федченко об усилении ханско-феодального гнета и вызванном этим крупном восстании алайских киргизов весной 1871 г.¹⁵¹

Разнообразны этнографические сведения А. П. Федченко о киргизском населении Алая — постоянном и прикочевывавшем, — в частности, о его родоплеменной принадлежности и расселении, хозяйстве, общественном быте, материальной культуре и религии. Наиболее подробно описана, пожалуй, хозяйственная деятельность алайских киргизов.

Приводимые им наблюдения позволяют выделить наличие на Алае двух культурно-хозяйственных типов: кочевого скотоводства с использованием сезонных пастбищ при вертикальном кочевании (характерно для прикочевывающего киргизского населения) и комплексного хозяйства (присущего полукочевому населению), в котором земледелие сочеталось с отгонным скотоводством. Ученого интересовали состав стада, место отдельных видов скота (верблюдов, яков) в хозяйственной жизни киргизов-скотоводов, облюбованные ими местности для летовок и зимовок, время появления и откочевок из них киргизов, порядок пастбищепользования и т. п.

Внимание исследователя привлекали также оседлые киргизские поселения и занятия их жителей. Им отмечены характерные отличия южнокиргизского жилья и поселений от жилья и поселений соседних узбеков и влияние культуры последних на развитие киргизского земледелия. Не безынтересны и сообщения о характере и масштабах земледелия у южных киргизов, наборе сельскохозяйственных культур и их ареале. Особенно важны наблюдения пытливого путешественника о социальном составе алайских земледельцев.

¹⁵¹ Автор освещает давние политико-экономические связи киргизов Алая с населением Каратегина и Кашгарии, где также проживали некоторые киргизские племена. Характерно, что если для конвоирующего путешественника кокандцев повстанцы — не кто иные как страшные разбойники — «караки», то для самого Федченко — это свободолюбивые сыны гор, достойные сочувствия из-за жестоких притеснений, поборов и варварской расправы над их предводителями.

А. П. Федченко охарактеризовал значение отдельных видов хозяйства, в частности домашних ремесел и отхожих промыслов, в жизни алайских киргизов. Интересны заметки с описанием и зарисовками ряда исторических памятников и местностей, таких, как Узген, Чаувай и Баткен, Хайдаркан или Шахимардан, — немаловажные для исторической географии края¹⁵². Все изложенное бесспорно свидетельствует о важности «Путешествия в Туркестан» А. П. Федченко как исторического и этнографического источника.

Многие историко-этнографические подробности о киргизском народе 60—70-х годов XIX в. содержатся в публикациях Георгия Семеновича Загряжского (род. в 1838 г.). Служа в эти годы начальником Токмакского, Иссyk-Кульского и Перовского уездов он собрал немало статистико-экономических данных, этнографических сведений и юридических материалов о киргизско-казахском населении этих районов. Наибольший интерес представляют его «Очерки Токмакского уезда (1869). Этнографический очерк» и «Кара киргизы»¹⁵³.

Основываясь на статистических сведениях, исследователь отразил в очерках социально-экономическое положение киргизов Чуйской долины и Центрального Тянь-Шаня. В статье «Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи» им дано общее описание домашнего и общественного быта, отдельных сторон культуры киргизов и казахов¹⁵⁴. Правда, этот очерк, как и другие его статьи и заметки, в основном носит описательный характер. О силе патриархально-феодалных обычаев в киргизском аиле, власти манапов и баев над букарой, о проектах и административных мероприятиях царизма по устройству киргизского населения, проводившихся при участии Загряжского, можно судить по его «Заметкам о народном самоуправлении у кара киргиз»¹⁵⁵. Для выяснения особенностей словесной структуры киргизского общества и неравноправности населения важны статьи Г. С. Загряжского о суде и юридическом праве у среднеазиатских кочевников¹⁵⁶. Но их недоста-

¹⁵² Таковы рисунки О. А. Федченко, сопутствовавший мужу во всех путешествиях по Туркестану. См.: Г. Ч а б р о в. Художник Ольга Александровна Федченко. Ташкент. (Литературный альманах), вып. 2, Ташкент, 1947, стр. 117—119.

¹⁵³ «Туркестанские ведомости», 1873, № 9—10; 1874, № 41—42, 44—45.

¹⁵⁴ Там же, 1874, № 25, 27—32.

¹⁵⁵ Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. III, 1874, стр. 362—371.

¹⁵⁶ Г. С. Загряжский. О народном суде у кочевого населения Туркестанского края, по обычному праву (зан). Мат-лы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV, 1876, стр. 191—202 (I-я пар); е г о ж е.

ток — общий и фактологический характер изложения, без подробностей и специального упора на особенности киргизских обычаев, на которые автор указывает лишь при резком отличии их от казахских.

В целом статьи и заметки Г. С. Загряжского являются удачным дополнением к разработке многих вопросов киргизской этнографии В. В. Радловым и другими исследователями, упущенных ими из-за кратковременности их общения с киргизами¹⁵⁷. Ценные фактическим материалом, особенно статистическим, публикации Г. С. Загряжского носят, однако, определенный отпечаток его идеалистического мировоззрения, на них также не могла не сказаться его служба в органах колониального управления.

Среди историко-этнографических и краеведческих публикаций конца третьей четверти XIX в. о Среднеазиатском Востоке и его народах обращают на себя внимание заметки, очерки и книги Александра Павловича Хорошхина (около 1842—1875)¹⁵⁸, Николая Александровича Маева (1835—1896)¹⁵⁹ и Павла Матвеевича Зенкова¹⁶⁰. Некоторые из них целиком или отчасти были посвящены киргизам и Киргизии времени господства Кокандского ханства, вхождения края в состав России и начального периода его колониальной истории.

Юридический обычай киргиз. О различных родах состояний и о правах им присвоенных. Там же, стр. 151—190.

¹⁵⁷ См.: напр., Г. Загряжский. Киргизские очерки: аш или тризна по умершем. «Туркестанские ведомости», 1873, № 1.

¹⁵⁸ А. П. Хорошхин — казачий офицер-туркестанец, участник русских посольств и походов в среднеазиатские ханства. См. его публикации: Из дорожных заметок. Нагорный край (Туркестанского генерал-губернаторства). «Русский инвалид», 1868, № 203, 209; Заметки о Кокане. Там же, 1869, № 75—86; Байтук-батур (Рассказ из кара-киргизской жизни, 1867 года). «Туркестанские ведомости», 1872, № 43. Большинство его заметок и статей за 1870—1874 гг. опубликовано уже после его смерти в кн.: А. П. Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края с предисловием Н. А. Маева (СПб., 1875, 6, 532 стр.).

¹⁵⁹ Н. А. Маев. (М—в Н., Н. М.) — первый редактор «Туркестанских ведомостей», автор многих публикаций о природе, жизни и быте разнонационального населения Средней Азии, в том числе о киргизах и Киргизии. См. его: Путеводитель от С.-Петербурга до Ташкента. СПб., 1870, 53 стр.; путевые очерки: от Ташкента до Верного. «Туркестанские ведомости», 1870, № 14; также: От Ташкента до Верного. Путевые заметки. Мат-лы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. II, 1873, стр. 336—350; От Ташкента до Кульджи. Путевые заметки. Там же, стр. 294—325; Топографический очерк Туркестанского края. Там же, вып. I, стр. 7—115; Туркестанский край в 1876 г. «Туркестанские ведомости», 1877, и другие сочинения.

¹⁶⁰ П. М. Зенков — знаток Семиречья, верненский городской голова. См., напр.: Экономические заметки по Киргизской степи от Иртыша до Исык-Куля. «Туркестанские ведомости», 1874, № 46, и др.

Со Средней Азией и Киргизией тесно связана научно-исследовательская деятельность выдающихся геологов-путешественников Ивана Васильевича Мушкетова (1850—1902), Геннадия Даниловича Романовского (1830—1906) и Дмитрия Львовича Иванова (1846—1924)¹⁶¹. «Туркестанская» часть их научно-документального и литературного наследия — существенно важный источник сведений об экономике Киргизии и сопредельных районов, а также о хозяйственном быте коренного населения, с одной стороны, и экономической политике царизма — с другой¹⁶². На страницах их публикаций и дневников, особенно у И. В. Мушкетова¹⁶³ и Д. Л. Иванова¹⁶⁴, мы встречаем множество заметок об образе жизни и хозяйственных занятиях киргизских кочевников и полукочевников. Особый интерес при изучении истории края представляет фундаментальное, сопровождаемое историографией вопроса сочинение И. В. Мушкетова о Туркестане¹⁶⁵.

Ряд немаловажных сведений о киргизах, их взаимоотношениях с Кокандом и Восточным Туркестаном, а также другие различные данные о Киргизском крае и его жителях (о путях сообщения и торговле, антицинских выступлениях киргизов) содержатся в записках и отчетах участников трех посольств к кашгарскому правителю Якуб-беку капитанов Рейнталя (1868) и А. В. Каульбарса (1872), полковника А. Н. Куропаткина (1876). Книга А. Н. Куропаткина (1848—1924) вместе с приложениями, составленными его спутниками, — дополненный несколькими главами отчет о результатах посольства и путешествия по стране, представлявший туркестанскому ге-

¹⁶¹ См.: И. В. Мушкетов. Сборник документов. Ташкент, 1960; Г. Д. Романовский. Сборник документов. Ташкент, 1961; О. Д. Л. Иванове см. в кн.: Б. В. Лукин. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Ташкент, 1962, стр. 34—38; С. Аттукуров. К истории геологического изучения Киргизии. Тр. КГУ, серия историч. наук, вып. X. Фрунзе, 1967, стр. 30—51.

¹⁶² Заметим, что выполняя запросы колониальных властей Туркестана по выявлению полезных ископаемых и даже рекомендаций для их разработки, эти исследователи пытались оградить насущные нужды и интересы коренных жителей от хищнических посягательств торгово-промышленного капитала.

¹⁶³ См., в частности: В. Галицкий, В. Плоских. Подвиг исследователя. «Мугалимдер газетасы», 1967, 7 декабря.

¹⁶⁴ Многочисленные публикации и записки последнего ценны для сравнительного изучения исторических судеб, образа жизни, хозяйства, быта и культуры киргизов Тянь-Шаня и Памиро-Алая. В этом же плане интересны также и более поздние публикации Б. Л. Тагеева (Рустамбека).

¹⁶⁵ И. В. Мушкетов. Туркестан, т. I. СПб., 1886.

нерал-губернатору¹⁶⁶. Этим во многом определяется и казенная точка зрения автора, труд которого, не лишенный многих интересных, имеющих познавательное значение историко-географических подробностей, содержит малоудовлетворительный в научном отношении исторический материал.

Ценным источником сведений об экономическом положении южных киргизов и их роли во внутривосточной жизни Кокандского ханства в последний период его истории являются труды эрудированного ориенталиста Александра Людвиговича Куна (1840—1888)¹⁶⁷. Правда, в его очерках о Кокандском ханстве и в «Сведениях» о ферганской долине, сквозит идея о предрешенности ликвидации ханства и включения его земель в состав России¹⁶⁸. Для изучения истории Южной Киргизии ханского времени наибольшее значение имеют его названные выше «Некоторые сведения». А. Л. Кун сообщал в них об антикокандском восстании казахско-киргизского населения Семиречья в 1857 г. против Мирзы-Ахмеда и последующем участии киргизской феодально-родовой верхушки в политических событиях в ханстве, предшествовавших Кокандскому восстанию 1873—1876 гг. При этом нельзя, однако, обойти молчанием вульгаризаторско-упрощенческую трактовку автором характера, целей и движущих сил народных выступлений в Средней Азии. Так, единственным стимулом всех среднеазиатских народных восстаний против ненавистного хана или даже внешних врагов являлся, по его убеждению, грабеж, явно выраженный у кочевого населения и вуалируемый религиозным фанатизмом — у оседлого. Но детальное описанная им система феодально-деспотического управления в центре и на окраинах ханства (одной из которых являлась Киргизия) и картина изощренного налогового гнета все же подводят читателя к мысли о социально-экономических корнях народных движений в ханстве.

¹⁶⁶ А. Н. Куропаткин. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

¹⁶⁷ А. Л. Кун — участник военно-научных экспедиций и походов в Среднюю Азию, впоследствии заведовал учебной частью в Туркестане; член ряда научных обществ. Подробнее см. ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч. 1, 1884 г., д. 65—«О зачете д. с. Куну времени нахождения в Туркестанских походах и выслуге пенсии». О. В. Маслова. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию, ч. III. Ташкент, 1962, стр. 100—101. Б. В. Лукин. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965, стр. 114—119.

¹⁶⁸ А. Л. Кун. Очерк Кокандского ханства. «Известия РГО», т. XII, 1876, стр. 59—70; его же. Некоторые сведения о Ферганской долине. «Военный сборник», 1876, № 4, стр. 417—448.

Некоторые исторические, этнографические и статистические сведения о Киргизии периода вхождения ее в состав России содержатся в трудах представителей монархическо-колониаторского направления в историографии Средней Азии: военного историка, генерал-лейтенанта Михаила Африкановича Терентьева (1837—1908)¹⁶⁹, «старого туркестанца» генерал-майора Льва Феофиловича Костенко (1841—1891)¹⁷⁰ — действительного члена РГО, и полковника А. Г. Серебренникова, публикации которого о Кокандском походе, Памире и местных киргизах, а также многотомная подборка официальных документов по истории присоединения Туркестанского края к России¹⁷¹ широко известны в научном мире.

Собранные еще в 70-е годы XIX в. в различных краевых учреждениях документальные материалы (в том числе о действиях царских войск в Киргизии) отложились в сводной работе М. А. Терентьева — «Истории завоевания Средней Азии» (СПб., 1906)¹⁷². Военные события и колониальная политика царизма в Туркестане освещены им с позиций официальной историографии, а вопросы экономики и социально-политических отношений у киргизов и других среднеазиатских народов почти начисто опущены. Наибольшую познавательную ценность среди сочинений Л. Ф. Костенко имеют, пожалуй, его заметки о военно-научной экспедиции на Алай и Памир. В них он довольно подробно описал родо-племенной сос-

¹⁶⁹ М. А. Терентьев. Статистические очерки Среднеазиатской России. Зап. РГО по отд. статистики, т. 4, 1874, стр. 1—129; его же. Туркестан и туркестанцы. «Вестник Европы», кн. IX, X, XI, 1875; его же. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875.

¹⁷⁰ Л. Ф. Костенко. Экспедиция в Алайские горы. «Русский инвалид», 1876, № 206, 211, 235, 239, 244, 250; его же. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир. «Военный сборник», 1877, стр. 375—382; его же. Экспедиция в Алайские горы. «Туркестанские ведомости», 1877, № 16.

¹⁷¹ А. Г. Серебренников. К истории Кокандского похода. «Военный сборник», 1897, № 9; 1899, № 4; 1901, № 4, 8, 9, 10, 11; 1904, № 1, 2; его же. Памир (Краткий очерк). «Ежегодник Ферганской области», т. 1, 1902, стр. 90—158; его же. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания. Собрал полковник А. Г. Серебренников. 1847 г. Ташкент, 1914; то же, ч. I—II, 1864 г., Ташкент, 1914; то же, ч. I—II, 1865 г. Ташкент, 1914; то же, ч. II, 1866 г. Ташкент, 1915.

¹⁷² История ее создания и историографическая оценка даны Н. А. Халфинным (Политика России в Средней Азии. М., 1960, стр. 5—6) и Н. Мулладжановой (К вопросу о дореволюционной историографии вхождения Киргизии в состав России. Тр. КГУ, вып. 4. Фрунзе, 1967, стр. 121—122). См. также: А. М. Аминов. Экономическое развитие Средней Азии (колониальный период). Ташкент, 1959, стр. 13; В. Я. Непомнин. Историография Узбекистана. Очерки истории исторической науки в СССР; т. II. М., 1960, стр. 794.

тав, расселение и занятия алайских киргизов, отметил их зависимость от Коканда и Каратегина и т. д.

В одной из его работ об укреплении позиций царской России в Средней Азии¹⁷³ освещаются различные аспекты колониальной политики русского самодержавия в крае, в том числе на территории Киргизии и сопредельных с нею районов. Приводимые здесь же общен исторические сведения о киргизах во многом поверхностны, а этнографическая характеристика киргизского народа, определение уровня его развития даны в духе официальной этнографии. К тому же автор, как впрочем, и М. А. Терентьев, пользовался главным образом канцелярскими материалами, не подвергая их критической проверке и строго научной обработке. Эти же недостатки присущи и его довольно капитальному военно-статистическому описанию Туркестана¹⁷⁴.

Важны для исторического киргизоведения и краткие заметки о хозяйственных занятиях алайских киргизов (а также их памирских и каратегинских соплеменников) известного естествоиспытателя Туркестана Василия Федоровича Ошанина (1844—1917)¹⁷⁵, участника экспедиции на Алай (1876 г.), а затем на Памир, совершившего ряд путешествий и по другим районам Средней Азии.

Так при содействии путешественников и исследователей Киргизии времени вхождения её в состав России, расширялся круг познавательных материалов с киргизах и их истории, собранных в третьей четверти XIX в.

3. История киргизов в трудах русских авторов конца XIX в.

Изучение Средней Азии в целом и Киргизского края, в частности, в последней четверти XIX в. характеризовалось нарастающим оживлением научно-исследовательских работ. Это объяснялось усилением интереса правящих, военных и торгово-промышленных кругов царской России и туркестанской администрации к более выгодному и широкому хозяйст-

¹⁷³ Л. Ф. Костенко. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1870.

¹⁷⁴ Л. Ф. Костенко. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. В кн.: Материалы для географии и статистики России. Составил полковник Генштаба Л. Ф. Костенко, т. I—III. СПб., 1880.

¹⁷⁵ В. Ф. Ошанин. Алайская долина. «Туркестанские ведомости», 1887, № 1, 2, 9. О жизни и деятельности В. Ф. Ошанина см.: Л. Ф. Ошанин, А. А. Азатьян. Василий Федорович Ошанин. М., 1961, 95 стр.

венному освоению среднеазиатских колоний в интересах метрополии.

С ликвидацией в 1876 г. Кокандского ханства и присоединением к России его земель объектом топографических, историко-статистических и других научных работ стала и Южная Киргизия. Наряду с г. Пржевальском (б. Каракол), служившим базой для центральноазиатских экспедиций или конечным пунктом их маршрутов, г. Ош стал играть ту же роль для экспедиций и путешественников, направляющихся на Памиро-Алай и в сопредельные районы. Всё это способствовало изучению территории и населения Южного Киргизстана.

В организации и осуществлении комплексных экспедиций и специальных исследований в крае, как и прежде, видную роль играли Русское географическое общество и другие научные общества страны, выдающиеся ученые и путешественники. Созданные по их инициативе или при их содействии среднеазиатские научные общества и входившие в их состав туркестанские энтузиасты науки, со своей стороны, включались в проведение разных краеведческих исследований, в том числе историко-этнографического, статистического и экономического характера¹⁷⁶. Представители прогрессивной русской интеллигенции в Киргизии, связанные с нею и её населением многими годами жизни и научно-практической деятельности (Ф. В. Поярков, А. М. Фетисов, Р. И. Метелицын, Я. И. Корольков, В. П. Ровнягин и др.), сыграли заметную роль в накоплении разного рода краеведческих материалов и в первоначальном изучении исторического прошлого края и киргизской этнографии. Исторические материалы и статистико-экономические данные стали появляться в «Обзорах», и других изданиях областных статистических комитетов¹⁷⁷, а также на страницах среднеазиатских газет и журналов¹⁷⁸.

Не преувеличивая, можно сказать, что к концу XIX в. от среднеазиатского востоковедения стало отпочковываться собственно киргизоведение, а в последнем отчётливее выделялось историческое направление. Наиболее рельефно это отра-

¹⁷⁶ Подробнее см.: Б. В. Луни. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане: Туркестанский кружок любителей археологии (1895—1917 гг.). Ташкент, 1958.

¹⁷⁷ Б. В. Луни. Из истории деятельности статистических комитетов Туркестанского края. «Общественные науки в Узбекистане». Ташкент, 1962, № 6, стр. 30—39.

¹⁷⁸ См.: М. П. Авшарова. Русская периодическая печать в Туркестане (1860—1917). Библиографический указатель литературы. Ташкент, 1960, 198 стр.

зилось в трудах выдающегося русского историка-ориенталиста Василия Владимировича Бартольда.

Сочинения крупнейшего русского востоковеда-индолога Ивана Павловича Минаева (1840—1890) о странах и народах, проживающих по верховьям Аму-Дарьи, как бы подводили итог тому, что было ранее известно о них по скудным источникам — географическим, этнографическим и лингвистическим¹⁷⁹. Среди сведений, помещённых здесь автором, знатоком среднеазиатской исторической географии и этнографии, встречаются немногочисленные сообщения о киргизском населении и истории Памиро-Алая. Это — краткая, но удачная этнографическая сводка о местных киргизах, составлена по данным кратковременно посещавших этот регион русских и иностранных путешественников. В целом труд И. П. Минаева имел немаловажное научно-познавательное значение.

На долю выдающегося отечественного естествоиспытателя-путешественника по Западному Тянь-Шаню в 1878 г. академика Александра Федоровича Миддендорфа (1815—1894)¹⁸⁰ выпало первым сказать «свое слово об естественных условиях Ферганы по отношению к её сельскохозяйственной обстановке». Вскоре после путешествия в «благодатную Фергану», во время которого он посетил и киргизские кочевья, А. Ф. Миддендорф опубликовал блестящее монографическое описание Ферганской долины¹⁸¹. Для киргизоведов работа Миддендорфа ценна как важный исторический источник о времени последнего периода Кокандского ханства и первых годах после присоединения южнокиргизских земель к России. В нем немало достоверных сведений о положении народных масс, эксплуатируемых кокандскими феодалами. Особенно важны сообщения о состоянии сельского хозяйства в крае, в частности о хозяйственно-культурных связях между киргизскими скотоводами и узбекскими земледельцами, первоначальных шагах колонизации Ферганы и т. д. Монография А. Ф. Миддендорфа, представляющая сегодня историко-этнографический интерес, в свое время имела научно-практическое значение для выяснения вопросов землепользования и перспектив развития сельского хозяйства края¹⁸².

¹⁷⁹ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи (по 1878 год). СПб., 1879. О Минаеве см.: Иван Павлович Минаев. Сб. статей. М., 1967.

¹⁸⁰ Н. И. Леонов. Александр Федорович Миддендорф. М., 1967; П. Б. Юргенсон. Неведомыми тропами Сибири. М., 1964.

¹⁸¹ А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882.

¹⁸² А. П. Савицкий. Академик А. Ф. Миддендорф в Фергане. В кн.: Земельный вопрос в Туркестане. Ташкент, 1963, стр. 84—90.

Немалую историко-культурную ценность имеют краеведческие публикации (материалы археологических разведок и раскопок, этнографические наблюдения над хозяйственными занятиями, жизнью и бытом киргизов) пишпекского учёного-садовода Алексея Михайловича Фетисова (1842—1894), совершившего несколько геоботанических экскурсий по Тянь-Шаню в 1877—1882 гг.¹⁸³

Заслуживают также внимания этнографические штрихи о киргизах и их крае в записках и публикациях известных путешественников-натуралистов 70—80-х годов XIX в., в том числе заметки А. Э. Регеля, Е. И. Алфераки, А. И. Вилькинса, А. А. Кушакевича¹⁸⁴ и других.

Результатом поездки с научной целью по Семиречью в 1884 г. профессора ботаники Казанского университета Николая Васильевича Сорокина (род. в 1846 г.) явился его краткий отчёт РГО, а затем и обширное повествование о путешествии по горам и по долинам Киргизии¹⁸⁵, в котором живо переданы наблюдения автора над отдельными киргизскими народными традициями, обычаями и играми. В целом же, по объективной оценке М. В. Мушкетова, это в сущности «простой рассказ о путешествии с некоторыми историческими компиляциями, очень краткими»¹⁸⁶.

Накопленные известным туркестановедом Владимиром Петровичем Наливкиным (1852—1918)¹⁸⁷ и его женой Марией Васильевной (урожд. Сарторий) за время пребывания в глухом селении Нанай Наманганского уезда (1878—1884 гг.) историко-этнографические, экономические и другие наблюде-

¹⁸³ А. М. Фетисов. Экскурсия в горы Заилийского, Терской и Кунгей Алатау. «Туркестанские ведомости», 1879, № 44, 47, 51; 1878, № 1; его же: Экскурсии в За-Нарынские горы в 1879 г. Там же, 1881, № 35, 37, 38, 45, 46, 51, и другие его статьи и заметки. См. также: В. Я. Галицкий, С. У. Умурзаков. Научно-исследовательская деятельность А. М. Фетисова в Киргизии. Вопросы физической географии Тянь-Шаня. Тр. геогр. фак-та КГУ, вып. 4. Фрунзе, 1964, стр. 21—34; В. Мышинский. Шуми, шуми, роша «Литературный Киргизстан», 1969, № 2, стр. 98—101.

¹⁸⁴ Одни из этих работ (к примеру, данные из статей Кушакевича) неоднократно использовались в трудах современных киргизских историков и этнографов, другие (рукописные заметки Ларионова) еще ждут ввода в научный оборот.

¹⁸⁵ Н. Сорокин. Путешествие по Русскому Тянь-Шаню в 1884 г. Предварительный отчет. «Известия РГО», т. XXI, 1885, стр. 113—130; его же. В горах и долинах Русского Тянь-Шаня. «Исторический вестник», т. XXIV, 1886, № 5, стр. 360—386; № 6, стр. 628—655.

¹⁸⁶ И. В. Мушкетов. Сборник документов. Ташкент, 1960, 287 стр.

¹⁸⁷ О В. П. Наливкине (и других русских востоковедах) и его вкладе в отечественную ориенталистику см. подробнее: Б. В. Лунин. Средняя Азия., стр. 224—226, 375, 405—406.

ния об оседлом узбекском и киргизском полукочевом населении были использованы ими в ряде работ и публикаций на страницах «Туркестанских ведомостей». Интересны, к примеру, статьи и заметки В. П. Наливкина о киргизах и их сельскохозяйственных занятиях в Наманганском уезде (где он служил помощником уездного начальника), о лесном хозяйстве в Фергане и др.¹⁸⁸.

Его описания жизни местных киргизов (багыш, сары и кытай) в ханское и последующее время, их хозяйства, тяжелого экономического положения и полунищенского домашнего быта, празднеств и т. п. — один из наиболее достоверных источников о былой жизни киргизского народа. Постепенное, но неотвратимое разорение киргизского народа при царизме вело, по верным наблюдениям Наливкина, пожалуй, почти к фатальному вымиранию кочевников, если только они, как он наивно полагал, не перейдут к земледелию.

После обстоятельной рецензии на труд А. Ф. Миддендорфа о Ферганской долине¹⁸⁹ появилась монография В. П. Наливкина по истории Кокандского ханства¹⁹⁰. Книга вызвала как положительные, так и критические отклики отечественных и зарубежных ориенталистов.

Для историографии Киргизстана наиболее важны указанные Наливкиным пути проникновения киргизов в Фергану и на Алай, описания походов кокандских феодалов против кетмень-тюбинских киргизов и сарыбагышей (1821 г.), сведения об антикокандском выступлении ошских киргизов в 1845 г. и т. п. Отражая участие кочевых киргизов и оседлого населения ханства в военно-политических событиях в Коканде и Восточном Туркестане, В. П. Наливкин сравнительно мало касается вопроса о развитии социально-экономических отношений у тех и других. Впрочем, отдельные штрихи из экономической жизни разноплеменного населения Кокандского ханства в книге всё же встречаются. По обилию и разнообразию исторических сведений о киргизах, особенно из нарративных источников, ни одна работа дореволюционных востоковедов Туркестана не может соперничать с книгой В. П. Наливкина. К сожа-

¹⁸⁸ В. Наливкин. Киргизы Наманганского уезда. «Туркестанские ведомости», 1881, № 20; его же. Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане. Там же, 1883, № 6; В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, 245 стр. В сравнительном плане небезынтересно также сочинение В. П. Наливкина «Туземцы раньше и теперь» (Ташкент, 1913, 144 стр.).

¹⁸⁹ «Туркестанские ведомости», 1883, № 35—39.

¹⁹⁰ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1886.

нию, почти повсеместное опущение ссылок на использованные источники и документы, нередко их некритический пересказ при отсутствии чёткой и определённой системы изложения на- много снижают ценность приводимых В. П. Наливкиным важных сведений и фактов из истории Киргизии ханского времени и его исторических экскурсов в более ранний период. Таким образом, при многих своих достоинствах труд В. П. Наливкина в строго научном отношении оказался не совсем полноценным.

Одно из первых для своего времени этнографических исследований о киргизском народе принадлежит верненскому врачу Николаю Львовичу Зеланду. В его книге даётся обобщённое описание хозяйства казахско-киргизского населения Семиречья, отдельных сторон его материальной и духовной культуры, нравов и обычаев¹⁹¹. Это, видимо, объясняется переоценкой им этнографических связей и близости казахов и киргизов, которые, по его неверному представлению, «в сущности один народ». Интересны наблюдения Н. Л. Зеланда и его высказывания как очевидца о манапах и социальном устройстве у киргизов, о положении у них женщины и т. п. Однако антропологические выводы автора требуют критического к себе отношения¹⁹².

Научное наследие видного учёного-путешественника по внутренней Азии, Алтаю и Казахстану Григория Николаевича Потанина (1835 — 1920) ценно для киргизоведов в первую очередь материалами по киргизскому эпосу и этнографии, собранными им во время путешествий, а также находками архивных документов из истории средневекового Киргизстана¹⁹³. Среди фольклорных материалов, привезенных им из центральноазиатских экспедиций, важны исторические предания киргизов об их легендарных предках (Киргизбае с сыновьями), богатыре Манасе, об образовании оз. Иссык-Куль и т. п. Учёный нередко находил параллельные сюжеты в легендах и сказках

¹⁹¹ Н. Л. Зеланд. Киргизы. Этнологический очерк Н. Зеланда. «Записки Зап.-Сиб. отд. РГО», 1885, кн. VII; вып. II, стр. 1—78; его же. С берегов Иссык-Куля. «Туркестанские ведомости», 1891, № 35, 36.

¹⁹² Н. Н. Миклашевская. Соматологические исследования Киргизии. Тр. Киргиз. археол.-этногр. экспедиции, т. III, М., 1956, стр. 19.

¹⁹³ См. Показания сибирского казака Максимова о Кокандском ханстве. «Вестник РГО», т. 28, кн. 3, разд. 2, СПб., 1860. «О рукописи капитана Андреева...» мы указывали ранее. Сведения об участии киргизов Кетмень-Тюбе в отражении нападения джунгар в 1732 г. и в антиципических выступлениях в Восточном Туркестане можно встретить в «Материалах для истории Сибири» («Чтения Общества Ист. и Древн. Российских», 1866, т. IV, 1867, кн. 1, 2) и статье Г. Н. Потанина «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетия» (там же, 1868, кн. 2).

монголов, казахов и других тюркских народов (предания о происхождении киргизов, алтайская сказка о киргизском богатыре Кочкорбае и т. д.). Эти фольклорные данные при изучении и сопоставлении их с другими источниками могут быть полезны и сейчас при исследовании истоков этногенеза и этнических связей киргизов.

Неспоримы заслуги в изучении природы и меткие наблюдения над жизнью и бытом населения Киргизии в конце XIX в. первого исследователя природы Центральной Азии Николая Михайловича Пржевальского (1839—1888), а также его сподвижников: В. И. Роборовского, П. К. Козлова, М. В. Певцова и К. И. Богдановича (1864—1947), маршруты которых проходили по Киргизскому краю. В одном из писем в конце января 1885 г. Пржевальский писал с берегов Лоб-Нора о своем, как известно, несбывшемся намерении исследовать природу Киргизии: «Если же... не пустят нас в Тибет, что также весьма возможно, тогда на Иссык-Куль мы придём раньше и займёмся исследованием Центрального Тянь-Шаня»¹⁹⁴. В его лаконичных дневниковых записях¹⁹⁵ времени возвращения из четвертого путешествия по Центральной Азии (1885 г.) и подготовки к новому, пятому, странствию зафиксированы особенности природы и населения Киргизии.

Отдельные сведения о древностях Киргизстана, беглые заметки об экономике края, некоторые штрихи, характеризующие образ жизни и нравы коренных жителей Киргизии и их кашгарских соплеменников, встречаются на страницах трудов Михаила Васильевича Певцова (1843—1902), свидетельствующих о склонности автора к истории и бытописательству, а также в работах Всеволода Ивановича Роборовского (1856—1910) и Петра Кузьмича Козлова (1863—1935)¹⁹⁶. Они привлекают

¹⁹⁴ «Известия РГО», т. XXI, вып. 6, СПб., 1885, стр. 241.

¹⁹⁵ Таковы записи: об охоте и теплой киргизской осени; о «плохой юрте» в Бооме, где его настиг буря; о радушии и гостеприимстве простых людей; «Встречи крестьян в Токмаке», «О дунганах» (1885 г.) и, наконец, о покупке верблюдов у кочевявших в окрестностях Пишпека киргизов (1888 г.) и т. п. (Дневник Н. М. Пржевальского. Архив Геогр. о-ва СССР, ф. 13, оп. 1, д. 26, л. 1).

¹⁹⁶ М. Певцов. Путешествие по Восточному Туркестану, Кун-Луню, северной окраине Тибетского нагорья и Чжунгарии в 1889 и 1891 гг. (Тр. Тибетской экспедиции 1889—1890 гг., ч. 1); [В. И. Роборовский]. Предварительный отчет об экспедиции в Центральную Азию капитана В. И. Роборовского в 1893—1895 гг. «Известия РГО», т. XXXIV, вып. 1, 1898; П. К. Козлов. Тянь-Шань, Лоб-Нор и Нань-Шань. Отчет помощника начальника экспедиции (1893—1895 гг.). В кн.: П. К. Козлов. Русский путешественник в Центральной Азии. М., 1963.

внимание многообразием и тонкостью путевых наблюдений о природе и местном населении.

Очень своеобразны также заметки о южных, памирских и восточнотуркестанских киргизах, встречающиеся в дневниках и других материалах (большой частью неопубликованных) отважного и несправедливо полузабытого путешественника по малоизвестным районам Средней и Центральной Азии Бронислава Людвиговича Громбчевского (1855—1926)¹⁹⁷.

Заметное место в русской востоковедческой литературе, посвящённой истории стран и народов Средней и Центральной Азии, занимают труды известного путешественника и исследователя Григория Ефимовича Грум-Гржимайло (1860—1936).

В кратком предварительном отчёте о результатах экспедиции 1884 г. из Оша на Алай и далее на оз. Яшил-Куль он описал киргизские празднества. В 1886 г. Г. Е. Грум-Гржимайло вновь путешествует по Центральному Тянь-Шаню, направляясь в Кашгарию, а в следующем году возглавляет экспедицию по географическому изучению восточных районов Памира, в которой участвовал и его брат Михаил Ефимович (род. в 1861). Итоги их четырехлетних путешествий по Тянь-Шаню и Памиро-Алаю изложены Григорием Ефимовичем в интересных «Очерках» (1886 г.)¹⁹⁸, содержащих, в частности, историко-этнографические заметки и наблюдения о киргизском населении Алая и Ферганы (разделение труда в киргизской семье, фольклор и музыка киргизов). Результаты последующей центральноазиатской экспедиции братьев Грум-Гржимайло изложены в трёхтомном «Описании путешествия в Западный Китай» (СПб., 1898—1907), удостоенном высшей награды РГО — Большой золотой медали.

Г. Е. Грум-Гржимайло показал себя не только глубоким исследователем географии, но и эрудитом, большим знатоком истории, особенно стран Средней и Центральной Азии. Его дорожные записки в «Описании» переплетаются с большим количеством сведений по древней и средневековой истории киргизов и других восточных народов¹⁹⁹, не раз, впрочем, вы-

¹⁹⁷ Ср: Я. Худзиковская, Я. Ястер. На «Крыше мира». В кн.: Люди великой отваги. М., 1957, стр. 247—273.

¹⁹⁸ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерк Припамирских стран. «Известия РГО», XXII, 1886, стр. 82—109. Для поездок в окрестности Оша путешественнику выделялся переводчик. ЦГВИА, ф. 1430, оп. 1, д. 70, л. 1.

¹⁹⁹ Так, он, в частности, описывал наступление ойратских феодалов при Бошохту-хане на Семиречье и Фергану, освещал участие киргизов в выступлении Джангира-ходжи против Цинов в Восточном Туркестане и т. п.

зыравших критические высказывания востоковедов по поводу обобщающих выводов автора.

Интересно мнение ученого по вопросу об этногенезе и переселении киргизов с Енисея на Тянь-Шань. Он, например, был прав, считая, что тянь-шаньские киргизы, или буруты, не относятся к киргизам, которые в XVII в. обитали в верховьях Енисея; автор предполагал, что последние переселились на Тянь-Шань еще в XIII в.²⁰⁰ Следует, однако, отметить компилятивный характер ряда исторических сведений Г. Е. Грум-Гржимайло о киргизах в некоторых его трудах и ошибочность суждений автора об их роли в общенсторическом процессе и развитии мировой культуры.

Научно-литературное наследие Андрея Николаевича Краснова (1862—1914) — одного из классиков ботанической и физической географии России, страстного популяризатора науки — подтверждает весомость вклада, внесённого им (наряду с другими деятелями РГО) в историко-этнографическое изучение Киргизстана²⁰¹. Вскоре после возвращения из Тянь-Шаньской экспедиции инженера И. В. Игнатьева, в 1886 г., А. Н. Краснов выступил в Петербурге с докладом «О природе и жизни на ледниках Хан-Тенгри в Тянь-Шане»²⁰². Затем им была опубликована отдельная работа, касающаяся преимущественно киргизов северной части края, этнографическое описание которых дано в сравнении с казаками²⁰³. Автор приводит некоторые сведения о хозяйственных занятиях киргизов, и при этом проникновенно говорит о киргизском народном эпосе, повествует о далёком прошлом Прииссыккуля, где он нашёл несколько древних наскальных рисунков. В рассказе об экспедиции в Небесные горы²⁰⁴, в специальном ботаническом исследовании А. Н. Краснова анализируется сильное воздействие

²⁰⁰ Сжатое изложение концепции Г. Е. Грум-Гржимайло о формировании киргизской народности см.: История Киргизской ССР, т. 1, Фрунзе, 1968, стр. 143.

²⁰¹ Подробнее о нем и его путешествиях см.: Ф. Н. Мильков, А. Н. Краснов — географ и путешественник, М., 1953, 176 стр.; И. Г. Бейлин, В. А. Парнес, Андрей Николаевич Краснов, М., 1968, 258 стр.

²⁰² «Известия РГО», т. XXII, вып. V, стр. 584—585.

²⁰³ А. Н. Краснов, Очерк быта семиреченских киргизов. «Известия РГО», т. XXIII, 1887, стр. 436—481. Этот интересный труд носит, однако, следы некоторой поспешности в описаниях и выводах, на что в свое время справедливо указали В. В. Радлов и В. П. Васильев; Н. Аристов, Западный Тянь-Шань, Архив Геогр. о-ва СССР, ф. 65, оп. 1, д. 11, л. 635.

²⁰⁴ А. Н. Краснов, В снегах и льдах Восточного Тянь-Шаня. (Из записной книжки путешественника), «Книжки недели», 1887, № 8.

человека на растительность Центрального Тянь-Шаня²⁰⁵. А. Н. Краснов делится впечатлениями о природе и жителях высокогорного Киргизского края.

Перу замечательного туркестановеда Петра Ивановича Хомутова (ум. в 1908)²⁰⁶ принадлежит довольно серьезное исследование по истории административного устройства и социально-экономической жизни всего Туркестанского края, включая и Киргизию. Особенно важны приведенные им статистико-экономические материалы, которые даже при отмеченной самим Хомутовым приблизительности являются ценным сводом выкладок о численности народонаселения, его имущественном положении и т. п.²⁰⁷ Заслуживают внимания и сведения о переходе в русское подданство казахско-киргизского населения, поездные данные о численности и занятиях оседлых и кочевых жителей края, а также о влиянии переселенцев на быт кочевого населения и т. п.

Однако следует отметить, что, несмотря на прогрессивность личных взглядов и убеждений П. И. Хомутова, официальный характер его труда не мог не сказаться на многих выводах и соображениях, отразивших точку зрения колониальной администрации (о дальнейшем направлении колонизации и по другим проблемным вопросам)²⁰⁸.

Ряд дореволюционных авторов (в их числе М. Михайлов, И. Козлов, Ш. Ибрагимов, Р. Метелицын, капитан Давлетшин и др.) собрали и частично опубликовали материалы о юридических обычаях, суде биев и казиев у киргизов и соседних с ними тюркских народов. Они изучали обычное право и судопроизводство у киргизского народа вместе с правовыми нормами у казахов, лишь иногда указывая на существенные их отличия. К тому же эти исследователи, зачастую будучи цар-

²⁰⁵ А. Н. Краснов. Опыт истории развития флоры южной части Восточного Тянь-Шаня. «Записки РГО по общ. геогр.», т. XIX, СПб., 1888.

²⁰⁶ О незаурядной личности П. И. Хомутова и его научной деятельности см.: Б. В. Лукин. Научные общества Туркестана..., стр. 38—43.

²⁰⁷ П. Г. Галузо. Аграрные отношения на юге Казахстана (1867—1971). Алма-Ата, 1965, стр. 44.

²⁰⁸ П. И. Хомутов. Проект всеподданнейшего отчета генерал-адъютанта К. П. Фон-Кауфмана, I-го по гражданскому управлению и устройству в области Туркестанского генерал-губернаторства. СПб., 1885. Сведения П. И. Хомутова существенно дополняют данные о Киргизии, имеющиеся в «Отчете ревизирующего по высочайшему повелению Туркестанский край тайного советника Гирса» (СПб., 1883). Данные обоих изданий зачастую перекрываются последующими материалами сенаторской ревизии Туркестанского края К. К. Паленом. Ср.: Отчет о ревизии Туркестанского края, составленный по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом, вып. 1—18. СПб., 1909—1910.

скими чиновниками, рассматривали юридические обычаи у киргизов с колонизаторских позиций, чрезмерно преувеличивая влияние патриархально-родовых отношений²⁰⁹. Их труды важны преимущественно своим фактическим содержанием.

Это отчасти относится и к обстоятельным материалам о юридическом праве таласских киргизов, собранным А. Ф. Вышнегорским²¹⁰ и опубликованным одним из «устроителей» Туркестана Николаем Ивановичем Гродековым (1843—1913)²¹¹. Этот труд несомненно интересен и как обширный свод историко-этнографических данных о дореволюционных киргизах, отразившихся в нормах обычного права.

Ценным дополнением к описательным материалам русских ученых и путешественников о киргизах явились публикации начавшихся в конце XIX в. массовых статистических обследований кочевых скотоводческих и оседлоземледельческих хозяйств Киргизии, а также итоги двух больших ревизий, проведенных в Туркестане Гирсом и Паленом. Опубликованные в конце XIX — начале XX вв. статистические сборники и материалы представляют собой богатый источник всесторонних сведений о Киргизии и с успехом используются советскими историками. Однако при этом всегда необходимо учитывать некоторую тенденциозность и односторонность обобщенных («средних») данных, приводимых в сборниках, что вообще присуще дореволюционной статистической службе.

Заметный след в историческом киргизоведении оставил Николай Николаевич Пантусов (1849—1909). Он немало потрудился на поприще отечественной ориенталистики, удачно совмещал административную службу во многих местах Туркестанского края (1872—1908 гг.) с многообразными востоковедческими интересами. По характеристике академика И. Ю. Крачковского (1883—1951), его интересовали «в Туркестане и древности края, и своеобразные особенности жизни и быта современного населения»²¹². Пожалуй, более все-

²⁰⁹ С. К. Кожоналиев. Суд и уголовное обычное право киргизов до Октябрьской революции. Фрунзе, 1963, стр. 4.

²¹⁰ А. Ф. Вышнегорский — питомец Петербургской высшей школы, преподаватель Туркестанской учительской семинарии, хорошо владевший киргизским, узбекским, персидским языками.

²¹¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889. А. Ф. Вышнегорским записаны и предания киргизов о притеснениях их ойратами. См.: А. Вышнегорский. Предания из калмыцкого времени у современных каракиргизов Аулиеатинского уезда. Тр. Сыр-Дарьинского Областного Статистического Комитета в 1887—1888 гг. Ташкент, 1888, 9 стр. (особ. pag.).

²¹² И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. Избранные произведения, т. V. М.—Л., 1958, стр. 134.

го это относится к области киргизоведческих интересов Н. Н. Пантусова.

В истории археологического изучения Киргизстана с его именем ассоциируются в первую очередь раскопки несторианских погребений, находки несторианских надмогильных надписей близ Пишпека (отчасти совместно с А. М. Фетисовым) и их описание²¹³.

Среднеазиатско-киргизское источниковедение позднесредневекового времени обязано Н. Н. Пантусову комментированными публикациями столь ценных материалов, как «Фергана по Запискам султана Бабура» (1880), «История владельцев Ферганы» (1885) или «История владельцев Кашгарии» (1905). В связи с изучением податной системы в Кокандском ханстве²¹⁴ он интересовался также и архивом кокандских ханов и опубликовал в нем первое сообщение²¹⁵. Любопытны и его этнографические наблюдения.

Отдельные проблемы исторической географии древнего и средневекового Киргизстана, а также вопрос о роли южных и кашгарских киргизов в политических событиях в Фергане и Восточном Туркестане в новое время затрагивает в своих трудах востоковед-коллекционер Николай Федорович Петровский (1837—1908), служивший в туркестанской администрации, а затем ставший русским генеральным консулом в Кашгаре (1882—1904 гг.). Так, сведения о древних торгово-караванных дорогах, проходивших и по территории Киргизии, приводятся и в его работах о древних путях и местностях по материалам арабских дорожников, и в заметке к статье В. В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период»²¹⁶. Правда, их содержание устарело в связи с поступательным развитием исторических знаний. Сейчас они представляют чисто исторический интерес²¹⁷. В то же время

²¹³ См. изданное им на правах рукописи «Описание припишпекского кладбища». Верный, 1887.

²¹⁴ См. его статьи: О податях и повинностях, существовавших в бывшем Кокандском ханстве, в последнее время Худояр-хана. «Туркестанские ведомости», 1876, № 17; Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. Там же, № 16.

²¹⁵ См.: «Туркестанские ведомости», 1876, № 12.

²¹⁶ Н. Ф. Петровский. Древние арабские дорожники по среднеазиатским местностям, входящим в настоящее время в состав русских владений. Извлечение из сочинения Шпрингера. Пособие для разыскания древних путей и местностей. Ташкент, 1894; его же. Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в домонгольский период». «Записки Вост. отд. Русск. археол. о-ва», т. VIII, 1893—1894, СПб., 1894, стр. 354—358.

²¹⁷ И. Ю. Крачковский. Указ. работа, стр. 134.

его консульские отчеты и «Очерки Кокандского ханства» сохраняют известное значение в качестве вспомогательных исторических пособий и источников о внешнеполитических и торговых связях киргизов в ханский и последующий колониальный периоды истории Киргизстана²¹⁸.

Работы некоторых представителей местной колониальной администрации в Киргизии (например, опубликованные труды и служебные записки Чайковского, Смирнова, Каллаура Нарбута, Резника, Затинщикова и др.), вольно или невольно приукрашивавших истинное положение дел в крае и затушевывавших теневые стороны его колониального положения, нередко ценны фактическим материалом.

Так, главное содержание, хронологические рамки и общая направленность исторического очерка А. Талызина о Пишпекском уезде²¹⁹ так определены им самим: «Период перед покорением этого края, история его присоединения к России и введение гражданского управления...». Автором использованы расспросные сведения и документы уездной канцелярии, большей частью теперь не сохранившиеся. Однако степень ценности и достоверности сообщаемых автором фактов неодинакова. Представляют интерес его данные о расселении и численности киргизов в уезде, их социально-экономическом положении, о значении и роли манапства и, наконец, сведения о системе осуществления власти царизма над киргизским населением. Однако в целом вся работа подчинена стремлению доказать мнимое благоденствие киргизского народа под властью русского самодержавия.

Отдельные стороны экономической жизни киргизского айла и кыштак в конце XIX — начале XX вв. затрагивались в статьях Ореста Авенировича Шкапского, служившего в органах Переселенческого управления в крае, а также в работах некоторых специалистов сельского хозяйства, написанных в соответствии с устремлениями царизма, выражавших интересы русской буржуазии в Туркестанском крае²²⁰.

Немало потрудился в области среднеазиатской истории,

²¹⁸ Н. Ф. Петровский. Отчет консула в Кашгаре Н. Петровского. 1885. В кн.: Сборник материалов по Азии, вып. XXII. СПб.; 1886; его же. Очерки Кокандского ханства. «Вестник Европы», 1875, кн. X, 722—657.

²¹⁹ А. Талызин. Пишпекский уезд. Исторический очерк (1855—1868 гг.). Памятная книжка Семиреченского Областного Статистического Комитета на 1898 год, т. III. Верный, 1898, стр. 25—41.

²²⁰ Историографическую оценку работ О. А. Шкапского, В. И. Юферева, А. И. Шахнизарова, В. И. Масальского и других авторов, сочинения которых тематически, да и хронологически, «выклиниваются» из рамок данной книги. См.: Историография народов Средней Азии и Казахстана.

особенно этнографии киргизов и других тюркских народов, действительный член РГО Николай Александрович Аристов (род. в 1847 г.). Ему принадлежат крупные исследования по этнической истории и родоплеменному составу киргизского народа²²¹ и казахов Большой орды, а также других тюркских племён и народностей²²². К ним примыкает оставшееся в рукописи, но известное специалистам большое историко-географическое исследование Н. А. Аристова «Западный Тянь-Шань», задуманное как дополнение к одному из томов «Землеведения Азии» К. Риттера. В нем широко представлена история Киргизстана с рубежа нашей эры до второй половины XIX в. и намечена ее периодизация, которая в основном принималась позднейшими историками, в том числе В. В. Бартольдом.

Для этнографических трудов Н. А. Аристова характерен комплексный подбор огромного количества разнообразных источников в целях научного изучения родоплеменного деления киргизского и других тюркских народов, в чем он видел ключ к выяснению их происхождения. Н. А. Аристов — автор нового для своего времени предположения о происхождении среднеазиатских киргизов от древних усуней. Эта аристовская концепция основывалась преимущественно на тождестве наименований древних обитателей Западного Тянь-Шаня — усуней и других его насельников — и родоплеменных групп у киргизов конца XIX в.²²³ Но собранные автором для доказательства своего гипотетичного и научно не подтверждаемого предположения историко-этнографические данные, генеалогические народные предания, сведения о родоплеменных подразделениях киргизов и их численности и т. п. представляют и поныне значительный источниковедческий интерес. Во втором упомянутом труде Н. А. Аристов предпринял довольно удачную попытку определить место киргизов в тюркской сре-

В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. III. М., 1963, стр. 727—760.

²²¹ О месте и значении трудов Н. А. Аристова в историографии Киргизии позднего средневековья см.: М. Джамгерчинов. К изучению Киргизии XVI—XXVIII вв. Тр. КГУ, серия историч. наук, вып. X. Фрунзе, 1967, стр. 10.

²²² Н. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и обычаях, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», 1894, вып. III—IV, стр. 391—486; его же. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Там же, 1896, вып. III—IV, стр. 227—456.

²²³ С. М. Абрамзон. Киргизы. В кн.: Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки, т. II. М., 1963, стр. 154—320.

де на основе выделения их этнического состава. Таков вкратце весомый вклад Н. А. Аристова в изучение этнической истории киргизского народа, хотя, конечно, многие поднятые им вопросы не могли быть решены исследователем до конца при тогдашнем уровне исторической науки²²⁴.

«Изучение человека в его прошлом и настоящем я ставлю для себя высокой задачей, которую по мере своих слабых сил и средств стараюсь осуществить», — писал в 1888 г. Фёдор Владимирович Поярков (ок. 1852—1910 г.), врач по профессии, один из немногих в прошлом энтузиастов киргизского исторического краеведения²²⁵. Связанный многими годами жизни и многопользой деятельности с Киргизским краем, его разнонациональным населением, он внес свою долю в их первоначальное исследование в археологическом и антрополого-этнографическом отношении²²⁶.

Достоинны внимания вкрапленные в его печатные работы и ещё более в многочисленные рукописные этнографические материалы сведения позднесредневековой истории киргизов (к примеру, упоминания, что по некоторым преданиям пишпекских и иссык-кульских киргизов, они перекочёвывали в северные районы Киргизии в конце XVII в.) и о социально-экономических отношениях у них в конце XIX в. Важны, в частности, его наблюдения, о том, что после голодной зимы 1886 г. киргизы так называемых загорных волостей Пишпекского уезда начали более заниматься хлебопашеством, делать небольшие запасы сена на зиму для скота и, по-видимому, не без

²²⁴ Б. Д. Джамгерчинов. О прогрессивном последствии значения вхождения киргизов в состав России. Фрунзе, 1963, стр. 48.

²²⁵ Цит. по кн.: Б. В. Лунии. Средняя Азия, стр. 280. О Ф. В. Пояркове как ученом и друге киргизского народа, см. также: Ю. Юсупов. Так начиналась дружба. В кн.: Родная Россия, ты наш утренний век. Фрунзе, 1964, стр. 50—53.

Определенный вклад в киргизоведение внесли также коллеги Ф. В. Пояркова В. Вышпольский, З. Беспалец, И. Л. Яворский, И. С. Колбасенко, В. И. Кушелевский, Г. А. Колосов и др. Подробнее о них и их трудах см.: А. А. Айдаралиев. Дружба навеки. «Советское здравоохранение Киргизии», 1963, № 4—5.

²²⁶ См.: Ф. Поярков. Об открытии христианских памятников в долине Чу. «Восточное обозрение», 1885, 14 ноября, № 44, отд. хрон.: е го же. Из области киргизских верований. «Этнографическое обозрение», кн. IX, 1891, № 4, стр. 21—43; 1894, № 1, стр. 88—99; е го же. Из археологических экскурсий по Пишпекскому уезду и по берегам оз. Иссык-Куль. Памятная книжка Семиреченского Областного Статистического Комитета на 1898 г., т. II, Верный, 1898, стр. 42—73; е го же. Каракиргизские легенды, сказки и верования. Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1900 г., стр. 1—42 и др.

влияния русских и украинских крестьян-переселенцев, стали более тщательно устраивать свои зимние стойбища.

«Теперь (в 1900—1901 гг. — В. Г.) кочуют только те, кто имеет возможность, т. е. более богатые, бедняки же всё лето живут почти на одном и том же месте, ведя свое незамысловатое хозяйство и ухаживая за своими полями»²²⁷. Во всех исследованиях Ф. В. Пояркова проявляется его глубокий интерес и уважение к самобытной культуре и истории киргизского, дунганского и других народов Средней Азии. Он непоколебимо верил в их светлое будущее, в их созидательные творческие силы²²⁸.

Среди разнообразных дорожных описаний путешествовавших по Киргизии различных авторов конца XIX — начала XX вв. (Ю. Россель, Ю. Головнина, Н. Федоров, М. Воскобойников, Е. Марков, В. Вега, В. Липский, Г. Гинс и многие другие) подкупает содержательностью и критической направленностью книга П. И. Шрейдера, подвергшаяся цензурным утеснениям²²⁹.

Весьма ценные историко-этнографические сведения, особенно по культуре киргизского народа, содержатся в трудах туркестанских этнографов Ивана Владимировича Андреева («Алибия») и Абубекра Ахмеджановича Диваева (1856—1933)²³⁰, публиковавших в конце XIX — начале XX вв.

Строже всех дореволюционных исследователей-востоковедов к научной разработке древней и средневековой истории Киргизии подошел выдающийся русский востоковед академик Василий Владимирович Бартольд (1869—1930). Его вклад в историческое киргизоведение весьма значителен²³¹.

²²⁷ Ф. В. Поярков. Последний эпизод дунганского восстания. (Меленькая страничка из прошлой жизни Семиречья). Верный, 1901, стр. 65.

²²⁸ «...При благоприятных условиях жизни, созданных Россией для приобщенных ею народов Средней Азии, духовные силы и способности этих народов разовьются, и они также примут деятельное участие в культурной работе совместно с другими цивилизованными народами, гораздо ранее их вступившими на путь прогресса и цивилизации, и настанет время, что эти, теперь жалкие, забитые и запуганные народы внесут долю своего оригинального труда и своей самобытной мысли в общую сокровищницу человеческих знаний и на благо всех и займут также почетное место наравне с другими народами, достигшими уже ныне высокой степени цивилизации и культуры...» (Ф. В. Поярков. Последний эпизод дунганского восстания..., стр. 72)

²²⁹ П. И. Шрейдер. По окраине. Путевые очерки. СПб., 1893, 192 стр.

²³⁰ Их киргизоведческие интересы прослеживаются уже по перечню сочинений. См.: З. Л. Амитин-Шапиро. Аннотированный указатель литературы по истории, археологии и этнографии Киргизии. Фрунзе, 1953.

²³¹ См.: А. Н. Бернштам. Академик В. В. Бартольд как историк Киргизстана. В кн.: В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. Фрун-

Непосредственным поводом к изучению В. В. Бартольдом истории Семиречья, в том числе Киргизии, явилась его научная поездка в 1893—1894 гг. в Туркестанский край совместно с художником-этнографом С. М. Дудиным (1863—1929). Эта поездка была организована Русским археологическим обществом по инициативе В. В. Радлова и Н. И. Веселовского (1848—1918). Историко-археологическое обследование В. В. Бартольдом Таласской, Чуйской, Иссык-Кульской долин и Центрального Тянь-Шаня в совокупности с привлечением письменных материалов древних и средневековых источников о Киргизстане и его населении нашло отражение в его известном отчете о поездке в Среднюю Азию²³². По мнению проф. А. Бернштама (1910—1956), одного из советских исследователей «киргизстанского» наследия В. В. Бартольда, уже эта работа содержала в себе краткий исторический очерк края, включая и территорию северных районов Киргизии. Вскоре В. В. Бартольд опубликовал сводный труд по истории Семиречья, излагающий главным образом события политической истории в хронологической последовательности с древности и до середины XVIII в. на основе тщательного изучения археологических материалов и средневековых письменных источников (преимущественно арабоязычных авторов)²³³.

Указанные труды В. В. Бартольда положили начало строго научному изучению истории Киргизии, составлению ее хронологии и периодизации основных этапов, а также стимулировали дальнейшее изучение узловых вопросов исторического прошлого киргизского народа²³⁴. Примечательно, что в «Очерке» Бартольд допускал возможность частичного переселения киргизов на Тянь-Шань в IX—X вв., хотя и полагал, что основная их масса переселилась в Семиречье значительно позже. В последующем он вновь затрагивает эту и другие проблемы по истории Киргизского края и киргизов в различных своих трудах начала XX в. и в специальной работе по истории киргизского народа.

зе, 1943, стр. 3—8; В. П. Шерстобитов, К. К. Орозалиев, Д. Ф. Винник. Очерк истории исторической науки в Советском Киргизстане (1918—1960 гг). Фрунзе, 1961, стр. 10—11.

²³² В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894. Записки Академии наук по ист.-фил. отд., VIII серия, т. I, вып. IV, 1897.

²³³ В. В. Бартольд. Очерк истории Семиречья. В кн.: Памятная книжка Семиреченского Областного Статистического Комитета на 1868 г., т. II. Верный, 1898, стр. 74—175. (Ср.: В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I. М., 1963, стр. 20—106).

²³⁴ См., в частности: О. Караев. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии. Фрунзе, 1968, стр. 7—10.

Источниковедческой базой выдвинутых В. В. Бартольдом положений из области киргизской истории послужили материалы, собранные им в конце XIX — начале XX вв., отчасти в период между его первыми двумя поездками по Средней Азии и Киргизскому краю (1893—1894 гг. и 1902 г.), когда он посетил г. Ош и повсюду установил научные связи с местными историками и археологами — краеведами, собрал рукописи и познакомился с вакуфными документами²³⁵. Труды В. В. Бартольда о Киргизии — вершина исторического киргизоведения в дореволюционной России, которой достигли отечественные исследователи буржуазной востоковедческой школы.

Подведем кратко итоги изложенному. Следует констатировать, что сама историческая обстановка в России конца XVIII — первой половины XIX вв. требовала усиления сбора разного рода сведений о приграничных землях Средней Азии и Казахстана. При этом естественно, что наряду с первоначальным выяснением физико-географических и экономических особенностей этих территорий, русские путешественники и исследователи живо интересовались и народонаселением этих стран, их внешнеполитическими связями и внутренним положением, историей и этнографией среднеазиатских народов, в том числе и киргизов. Положительное значение дворянской историографии времени непосредственных киргизско-русских торгово-политических контактов для зарождавшегося киргизоведения и состоит в первоначальном сборе ранее неизвестных науке историко-экономических сведений и первых наблюдений над образом жизни и особенностями быта киргизов и отчасти в первичной научной обработке накопленных материалов. Показательны в этом плане очень ценные в источниковедческом отношении сочинения ряда авторов, написанные еще до вхождения Киргизии в состав России, до более близкого и непосредственного знакомства с киргизами русских людей.

С продвижением царской России к границам Киргизии и в условиях столкновения военно-политических интересов царизма, Кокандского ханства и цинского Китая в середине 50 — начале 60-х годов XIX в. изучение Киргизского края и его населения принимает сравнительно более широкий и целе направленный характер.

Круг разнообразных сведений о киргизском народе намного расширился благодаря научному подвигу русских путешественников, самоотверженно и настойчиво исследовавших Киргиз-

²³⁵ Н. М. Акрамов. Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Душанбе, 1963, стр. 39.

стан в ходе присоединения его территории к России в третьей четверти XIX в. Их содержательные записки и отчеты интересны не только обстоятельными конкретно-историческими данными о Киргизии и ее населении, но нередко и попытками объяснить (часто со стихийно-материалистических позиций) общественно-политический строй киргизов, особенности их расселения и занятий, события богатой многовековой киргизской истории, явления самобытной национальной культуры народа.

В последней четверти XIX — начале XX вв. исследования Киргизии при известной поддержке военно-колониальных властей и торгово-промышленных кругов царской России еще более расширились и приобрели сугубо практический характер. Число авторов писавших о киргизах, их прошлом и настоящем значительно приумножилось. Однако историографическое значение их публикаций, конечно, очень неравноценно. Иногда они носили чисто описательный, нередко очень частный или, наоборот, слишком общий характер. Весьма различной была и степень их достоверности, правильности трактовки исторических событий и фактов современной им киргизской действительности. Их общественно-политическая направленность отражала как реакционно-колонизаторские, так и либерально-буржуазные взгляды авторов множества газетно-журнальных заметок, статей и отдельных сочинений о Средней Азии, Казахстане и их народах.

Заметный след в историко-археологическом, этнографическом и экономическом изучении Киргизии в этот период оставили местные (туркестанские) краеведы, бескорыстные энтузиасты науки, прогрессивно настроенные русские интеллигенты. Их публикации, как и труды видных отечественных путешественников и исследователей-специалистов, проникнуты гуманным чувством к обездоленному киргизскому народу, уважением к его оригинальной культуре и живейшим интересом к его прошлому.

Совокупными усилиями многих отечественных ученых и путешественников второй половины XIX в., а также видных представителей либерально-буржуазной востоковедческой школы XIX — начала XX вв., как и трудами их предшественников, закладывался фундамент исторического киргизоведения.

Понятно, что скованные идеалистическим мировоззрением в освещении социально-экономических явлений, уровнем современного им источниковедения и буржуазной методологией общественных наук, они не могли (даже тогда, когда в трудах отдельных авторов проявлялись попытки стихийно-материали-

стического толкования исторических фактов и событий) дать действительно научного объяснения проблемных вопросов исторического прошлого Киргизстана, хотя иной раз более или менее близко подходили к решению этой задачи. Здесь сказывалась и общая недооценка ими социально-экономических факторов исторического процесса, непонимание роли народных масс в истории, места классов и классовой борьбы в общественном прогрессе. Но это вовсе не значит, что дореволюционная историография была бесплодной как в области познания истории края, так и тогдашней действительности киргизского народа. Как показывает уже этот обзор изучения исторического прошлого, жизни и быта киргизов в дооктябрьский период, советское востоковедение получило в целом довольно ценное историографическое наследие для дальнейшего широкого и глубокого, подлинно научного исследования с марксистско-ленинских позиций дореволюционной истории Киргизии.

МАТЕРИАЛЫ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КИРГИЗОВ В XIX В.

1. Политическое положение

Прежде чем перейти к изложению внешне- и внутривосточного положения киргизов, необходимо вкратце остановиться на их расселении и родоплеменном составе (по материалам отечественных исследователей).

На рукописной карте «Путевого журнала» Ивана Унковского места обитания киргизов обозначены между Балхашом и Иссык-Кулем¹.

О расселении киргизов в середине и во второй половине XVIII в. на Тянь-Шане писали П. И. Рычков и его сын Николай. В путевом дневнике Н. П. Рычков называл их «коренными киргизцами»², подчеркивая тем самым отличие их от казахов.

Большой интерес представляют данные о расселении киргизов Филиппа Ефремова. Заслуживают внимания его замечания о различии между киргизами и казахами, которых многие считали единым народом: «Между Ушом и Кашгарою в горах кочуют киргизцы от киргиз-кайсаков особливого роду...»³.

Ценные сведения по истории и географии края и одновременно по расселению киргизов приводятся в работе побывавшего в Казахской степи И. Г. Андреева «Описание Средней орды киргиз-кайсаков...». По его мнению, на востоке киргизы граничат по р. Или с казахами, далее на запад кочуют «между гор, называемых Алатау», и в верховьях Сыр-Дарьи, на юго-западе граница доходит до Коканда⁴.

¹ И. У н к о в с к и й. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану..., стр. 213.

² [Н. П. Р ы ч к о в]. Дневные записи путешествия капитана Н. П. Рычкова в Киргиз-Кайсацкую степь в 1771 году. СПб., 1772, стр. 73—74.

³ Филипп Е ф р е м о в. Десятилетнее странствование..., 1952, стр. 37.

⁴ И. Г. А н д р е е в. Описание Средней орды киргиз-кайсаков..., т. СХII, гл. III, стр. 26—27.

Представляют интерес для нас и данные М. И. Венюкова о расселении киргизов: «Каракиргизы есть главное население гор, окружающих амфитеатром западную половину Джетышара. В Тянь-Шане их восточным пределом нужно считать меридиан Кучи, на севере они распространяются до гор Кунгей Алатау и до северного склона хребта Александровского, на западе переходят в нагорный Туран, к стране Аулие-Ата, Намангана, Коканда, и верховьям реки Аму-Дарьинского бассейна, южнее их пределы лежат в отрогах гор Куен-Лень, т. е. в окрестностях Яркента и даже Хотана. Вся степь между этими пределами также содержит одних каракиргизов, которые, таким образом, являются господами большей части края, конечно, не в политическом и экономическом, а только в пространственном отношении»⁵.

Достаточное внимание расселению киргизов уделено Ч. Ч. Валихановым. Наряду с изучением разных сторон жизни киргизов он пытался определить их месторасположение, отмечая при этом, что в политическом отношении киргизский народ не представляет единого целого государственного объединения: «Определить степень народонаселения всего киргизского племени при современной неизвестности и недоступности земель, ими обитаемых, совершенно невозможно»⁶.

Заслуживает также внимания статья Бардашева на страницах «Туркестанских ведомостей», посвященная вопросу о расселении киргизов. В ней отмечалось, что киргизы беспрепятственно кочевали от оз. Иссык-Куля на восток до бывшей Китайской пикетной дороги из Кульджи в Аксу; на юг они распространяются до независимых мелких владений: Бадахшана и Каратегина; на запад — до Коканда и Ташкента»⁷.

В рассматриваемый период киргизы жили в основном на нынешней территории и делились на несколько крупных родоплеменных объединений.

Некоторые отечественные исследователи не всегда отделяли северных киргизов от казахов, что затрудняет выяснение вопроса о их расселении. Данные о южных киргизах, находившихся в составе Кокандского ханства, также не выделялись из общих источников о Кокандском ханстве.

Из материалов русских исследователей видно, что политическая история киргизов в первой половине XIX в. характеризуется тем, что включает в себе период созревания предпо-

⁵ М. И. Венюков. Опыт военного обозрения..., стр. 304.

⁶ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр., т. I, стр. 302.

⁷ Г. Бардашев. Сведения о дикокаменных киргизах. «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

сылок вхождения Киргизии в состав России. В начале XIX столетия внешнеполитическое положение киргизов продолжало оставаться исключительно сложным. Раздробленному на отдельные племена киргизскому народу угрожала реальная опасность подпасть под жестокий гнет Цинской империи (на востоке), Кокандского ханства (на западе) и казахских ханств (на севере). В тяжелых условиях некоторые киргизские племена закономерно обращали взоры в сторону России.

Официальные контакты северных киргизов с Россией, как известно, стали налаживаться с конца XVIII в. В первый раз посланцы бия Атаке — Абдырахман и Шергазы — явились на линию русских войск в Западной Сибири в 1784 г.

Крупный правитель северных киргизов бий Атаке обращался через своих посланников к российской императрице с просьбой о покровительстве. Поводом к этому послужило ухудшавшееся внешнеполитическое положение киргизов. Через своих посланцев бий Атаке передал императрице подарок — 3 барсовые и 5 рысьих шкур. Посланцы были допущены в Петербург, где пробыли около трех лет и были награждены ценными подарками. Императрица Екатерина II доброжелательно отнеслась к их просьбам и передала подарок бию Атаке — 800 рублей серебром⁸. Основная цель этого посольства в Петербург состояла в том, чтобы способствовать установлению дружественных, отношений киргизов с Россией.

С начала XIX в. связи между киргизами и Россией все более расширяются. Еще одна попытка установить дружественные дипломатические отношения с Россией относится к 1814 г. Во второй книге П. А. Словцова «Историческое обозрение Сибири» (1886) представляют известный интерес сведения о поездке киргизских представителей в Омск: «В 1814 г. явились в Омск в качестве депутатов своей орды два бия — Шералик (Шералы. — А. А.) и Ноязбек (Ниязбек. — А. А.) для утверждения дружественных отношений с омским начальством. Они награждены капитанскими чинами, один золотой медалью, другой — саблей с золотой оправой»⁹. Послы прибыли с тем, чтобы просить защиты от кокандцев, взявших в начале XIX в. Кетмень-Тюбе и разграбивших айлы киргизов. Генерал-губернатор Западной Сибири дружески принял посланцев и выразил готовность русских властей развивать в дальнейшем политические и экономические связи с киргизскими племенами, в частности с северными, что впоследствии значительно

⁸ Г. Потанин. О рукописи капитана Андреева..., стр. 145.

⁹ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири..., стр. 310—311.

улучшило условия торговли. Теперь русские торговые караваны стали чаще бывать в кочевьях киргизов.

Официальные контакты между иссык-кульскими киргизами и русскими властями возобновляются в 20-х годах XIX в. через русских торговцев. В. В. Бартольд приводит по этому поводу заслуживающее внимания сообщение: «...казанский татарин Файзулла Сейфулин, приказчик семипалатинского купца С. Попова, живший в Семипалатинске ишимский мещанин Б. А. Пиленков и Усумбай Шукуров, теленгут казахского султана Галия Адилева, уговорили биев признать себя русскими подданными и отправить с этой целью депутацию...».

Киргизы даже просили прислать на Иссык-Куль специальный русский отряд и разрешить им самим организовать охрану торгового караванного тракта¹⁰.

Принятие в 1824 г. казахами Старшего жуза русского подданства оказало большое влияние на северокиргизские племена, в частности на прииссыккульских киргизов. Киргизские племена Прииссыккуля посылали своих депутатов в Омск в 1821 и 1824 гг. П. А. Словцов приводит следующее сообщение: «В 1821 и 1824 гг. посланцы орды просили в Омске о принятии их в подданство России с предложением доставлять нашим караванам безопасность в пути до Кашгара. Также просили о приписке к ним военного отряда по примеру, как это учреждено во внешних округах»¹¹.

Представители киргизов Алымбек, Абылгазы и Акылбек были приняты омским генерал-губернатором П. М. Капцевичем. От имени прииссыккульских киргизов они просили покровительства Российской империи и выражали надежду, что с установлением дружеских отношений улучшится и внутривнутриполитическое положение иссык-кульских киргизов. Относительно принятия русского подданства они, как отмечает Н. Коншин, заявляли: «Мы же известились, что подданные государя императора киргизы (т. е. казахи), пользуясь покровительством, живут, спокойно, а потому и мы изъявляем свое желание быть подданными государя...»¹².

Эти примеры показывают, что прииссыккульские киргизские племена стремились в это время не только установить дружественные отношения с Россией, но и добиться принятия их в ее подданство.

¹⁰ В. В. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1943; Путевые записки лекаря Зибберштейна, стр. 249—250.

¹¹ П. А. Словцов. Указ. работа, стр. 310.

¹² Н. Коншин. Каракиргизская депутация 1824 г. Памятная книжка Семипалатинской области на 1900 г., вып. 4. Семипалатинск, 1900, стр. 72.

Генерал-губернатор Западной Сибири П. М. Капцевич доброжелательно отнесся к просьбам представителей киргизов. Все посланцы были награждены¹³. Было также решено отправить их обратно вместе с военным отрядом. П. М. Капцевич в 1825 г. организовал отправку военного отряда в Большую орду. К биям иссык-кульских киргизов посылались письма, в которых объявлялось, что «Россия принимает их под свое покровительство, предлагает могущество свое им на защиту, но взаимно и со своей стороны требует, чтобы они «...препровождали купеческие наши караваны, через обитаемую ими землю» П. М. Капцевич предложил полковнику Шубину вместе с отрядом, который будет отряжен в кочевья иссык-кульских киргизов, отправить лекаря Фаддея Карловича Зибберштейна.

Территория Киргизии, где удалось побывать Зибберштейну, в то время была в научном отношении еще неисследованной. Поэтому все заметки «лекаря-путешественника» представляют исключительную ценность для характеристики политического положения киргизов в первой четверти XIX столетия.

Значительный интерес в «Путевых записках» представляют те места, в которых излагается факт принятия приссык-кульскими киргизами покровительства России¹⁴. С большой теплотой Зибберштейн рассказывает о встрече в аиле с доброжелательным бием Ульжебаем, о симпатиях киргизов к русским, откликнувшимся на их просьбу: «...бий Ульжебай с подчиненными ему киргизами выехал к нам навстречу сам; сей почтенный и достойный всякого уважения родоначальник при первоначальном с нами свидании доказал, что он умеет понимать милостивое к нему внимание нашего правительства; доброе, вместе чувствительное его сердце, было растрогано пребыванием его сына в России»¹⁵.

Весьма дружелюбно русские были приняты и бием Джапалаком. Об этих встречах Зибберштейн вспоминает: «...отряд, достигая аулов Джапалака, был встречен им самим со множеством народа и был принят с хорошим уважением и дружбою... Он с таким духом говорил собравшемуся к нему народу, что все бии и почтенные киргизы из благодарности своей к России приняли нашу сторону»¹⁶.

¹³ В. В. Бартольд. Указ. работа, стр. 68—69.

¹⁴ См.: Н. Мулладжанова. Историография вхождения Киргизии в состав России. Автореф. Фрунзе, 1967, стр. 5.

¹⁵ Путевые записки лекаря Зибберштейна, стр. 241—242.

¹⁶ Там же, стр. 245.

«...Кончив обозрение озера Иссык-Куль,— сообщает далее Зибберштейн,— я возвратился обратно в аулы бия Джапалака, там, согласившись с ним, в сопровождении многих почетных биев и киргиз мы отправились в аулы бия Ульжибая, где положено было сделать народное собрание для исполнения известного поручения... В собрании том с достойною возможностью отданы были письма (генерал-губернатора Западной Сибири. — А. А.) и объявлены самые обстоятельства, для которых отряд был к ним послан. Все предложения наши были приняты обществом старейшин с знаками хорошего расположения в их пользу»¹⁷.

На собрании все бии бугинцев выразили дружественное отношение к России.

К этому времени к киргизам Прииссыккуля прибыло посольство от кокандского хана с требованием признать его власть. Об этом Зибберштейн говорит: «Кокандский владетель, изыскивая, как видно, случай расширить свои владения и дать некоторые способы оборота в торговле своей, отправил от себя трёх посланников. Они приезжали склонять означенных родоначальников войти в подданство Кокании... Бии Ульжебай и Джапалак первые отторгнули всякую мысль о Кокании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы увлекли с собой и всех прочих родоначальников, которые в исполнении требований наших дали подписки и благодарные письма к генерал-губернатору Западной Сибири»¹⁸.

Русское правительство было заинтересовано в расширении и укреплении торговых связей со Средней Азией и соседними странами. Россия искала удобные пути, которые дали бы возможность установить взаимовыгодные отношения с этими странами.

Распространение влияния России на казахов Старшего жуза и иссык-кульских киргизов в первой четверти XIX столетия было несколько приостановлено в силу ряда внешнеполитических причин: обострения «восточного вопроса», русско-иранской войны 1826—1828 гг., русско-турецкой войны 1828—1829 г., обострения англо-русских противоречий. Пользуясь этим, Кокандское ханство стремилось распространить и укрепить свое господство над северными киргизами.

В трудах отечественных исследователей достаточно ярко показана завоевательная политика Кокандского ханства при покорении северных киргизов в первой половине XIX в. Так,

¹⁷ Путевые записки лекаря Зибберштейна..., стр. 248.

¹⁸ Там же, стр. 249.

в книге известного туркестановеда Владимира Петровича Наливкина «Краткая история Кокандского ханства» приведены факты захватнической политики кокандских ханов. Еще в 1821 г. Омар-хан посылал в Кетмень-Тюбе военный отряд для покорения киргизских племён. «Произведя страшные грабежи и убийства, не щадя ни женщин, ни детей, собрав большую добычу и массу пленных, Бек-Назар-бий вернулся в Коканд, где получил большие награды от хана»¹⁹.

Кокандский владыка Омар-хан намеревался продолжить дальнейшее покорение районов киргизских кочевий. Однако осуществить эти планы ему помешала смерть (1821 г.). На ханский престол вступил его сын Мадали, правивший до 1842 г. В самом начале правления Мадали-хан решил окончательно подчинить своему влиянию киргизов севера и Центрального Тянь-Шаня. С этой целью Мадали-хан в 1822 г. основал крепость Аулие-Ата. Кроме того, в это время усилилась междоусобная война среди северокиргизских племен, в частности между солто и сарыбагышами, и участились стычки киргизов и казахов Большой орды. Все эти обстоятельства позволили Мадали-хану легко распространить свою власть на северных киргизов.

История завоевания Киргизии кокандскими ханами получила освещение и в трудах Ч. Ч. Валиханова. Он описал походы кокандских военачальников против киргизов и казахов в 20—30-х годах XIX в. «Два полководца: мин-баши Хак-Кулы — узбек из племени юз, и кушбеги Ляшкер — из персидских рабов, подчинили все киргизские племена; Хак-Кулы усмирил и обложил ясаком восточные племена дикокаменных от Чу до Или»²⁰.

Во время завоевания тянь-шаньских киргизов кокандскими захватчиками сильное сопротивление оказывало племя саяк, которым руководили родоначальники Атантай и Тайлак. Хак-Кулы разбил их и установил над ними господство кокандского хана. Характеризуя этот поход, Ч. Ч. Валиханов отмечал, что «весной 1831 г. кокандцы начали войну с киргизами. Хак-Кулы с 7000 сипаев в 1832 г. разбил в верховьях Нарына улусы саяков, а предводителей их — братьев Атантая и Тайлака — взял в плен и привез в Коканд; обложил саяков, чериков, бассызов, мональдыров и основал крепость Куртку. Укрепление Тугуз-

¹⁹ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства..., стр. 121.

²⁰ Ч. Ч. Валиханов. Описание пути в Кашгар и обратно в Алтаевский округ. Собр. соч., т. I, стр. 253.

Тарау было построено еще прежде. Атантай и Тайлак не захотели подчиниться кокандцам и после освобождения из плена откочевали на Или к киргизам, (т. е. казахам, — А. А.) Большой орды, но впоследствии, разграбленные кайсаками, они вернулись на родные кочевья»²¹.

Жестокость завоевательной политики кокандских ханов отмечалась многими русскими исследователями. В. П. Наливкин подчеркивал, что «подчинение киргизских родов сопровождалось исключительными жестокостями кокандских властей»²².

С покорением южных и северных киргизов завоевание Киргизии кокандским ханом завершилось.

Обстоятельные факты о зависимости киргизских племен от Кокандского ханства мы находим и у Ч. Валиханова. «По отношениям к Коканду киргиз можно разделить на поданных Коканда и на признающих его власть, первые (южные киргизы.— А. А.) пользуются одинаковыми правами с узбеками, служат в войске и занимают военные и гражданские места. Другие (северные.— А. А.) платят зякет и обязаны давать вспомогательные войска в случае надобности»²³. «Относительно гражданского управления и в военном отношении Кокандское ханство разделяется на несколько наместничеств, или военных округов»²⁴, — пишет Ч. Ч. Валиханов.

Всю эту систему он определяет как особую форму управления, заключающуюся в том, чтобы держать в повиновении киргизов и взимать с них налоги. Так, киргизские племена были приписаны к определенному наместничеству по месту кочевок. «Для наблюдений за киргизами кокандцы имеют в их кочевках укрепления и особых чиновников — ильбеги, которые живут в их улусах»²⁵.

Далее Валиханов сообщает, что в управлении завоеванными землями царили полный произвол и самовластье сборщиков зякета. Положение осложнялось еще тем, что киргизские племена имели довольно неопределенные районы кочевок. «При всем том власть Коканда над киргизами слаба, и они мало слушаются хакимов, особенно в последнее время»²⁶.

Кокандские власти для укрепления своего владычества при-

²¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 253.

²² В. Н а л и в к и н. Краткая история..., стр. 78.

²³ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. II, стр. 379.

²⁴ Там же.

²⁵ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Собр. соч., т. I, стр. 379.

²⁶ Там же.

держивались политики разжигания вражды между киргизскими племенами.

Валиханов отмечает, что положение в Кокандском ханстве становилось все более тревожным, особенно в период падения власти Худояр-хана.

Иногда отдельные киргизские племена стремились принять подданство России. «Этот киргиз (Табылды) два года с Мамразаком, не платил ему закят, откочевал на Тарагай и, как сам рассказывал, хотел уехать в укрепление Верное, чтобы просить покровительства русских. Вообще тянь-шаньские бугу много говорят и расспрашивают об условиях русского подданства и, как кажется, готовы последовать примеру своих иссык-кульских родовичей, но не находят случая», — пишет Валиханов. Он же говорит и о неповиновении тянь-шаньских киргизов: «Более удобная дорога по долине Атбаша была отвергнута нашими кокандцами, потому что в это время на ней стояли черики, которые, хотя принадлежат к ведомству Куртки, но, по-видимому, мало слушают кокандцев»²⁷.

Подробно анализируя все события, происходившие в Киргизии в 50-е годы XIX в., Чокан Валиханов пришел к заключению, что коренные нужды киргизского народа требуют его вступления в подданство России²⁸. В письме к другу К. К. Гутковскому он писал: «Во всяком случае, лучше было бы для нас, какие бы мы не имели виды на кокандские владения, не возбуждать против себя дикокаменных киргиз, которые после обременительных налогов и зекета, положенного в три раза более против прежних годов, ждут русских как избавителей»²⁹.

Несомненно, что Ч. Валиханов внес значительный вклад в изучение политической истории Киргизии периода ее присоединения к России³⁰.

Исследователи значительное внимание уделяли присоединению территории Киргизии к России и изучению междоусобных войн киргизских племен, особенно с соседними казахскими султанами. Например, Е. Т. Смирнов по поводу войны киргизов с султаном Кенесары Касымовым оставил ряд метких замечаний. В его книге³¹ мы находим письмо Кенесары

²⁷ Ч. Ч. Валиханов. Описание пути в Кашгар и обратно в Ала-тавский округ. Собр. соч., т. II, стр. 251.

²⁸ Мулладжанова. К вопросу о дореволюционной историографии... стр. 119.

²⁹ Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. IV, стр. 57.

³⁰ Н. Мулладжанова. К вопросу о дореволюционной историографии... стр. 120.

³¹ Е. Т. Смирнов. Султаны Кенесары и Садык. Биографический очерк султана Ахмета Кенесарина. Ташкент, 1889.

Касымова к киргизским влиятельным манапам, в котором говорится: «Цель моего прихода сюда — не враждовать и проливать кровь, но соединять силы казахов и киргиз в одно, отделить их от Коканда и вообще освободить от притеснений кокандцев. Между тем случились некоторые нежелательные дела; теперь на все, происшедшее между нами, я объявляю салават и прощаю вам неразумие. Что я не питаю злобы, можете видеть из того, что выпускаю на свободу невредимым Калча-бия и его 200 джигитов. Если же это предложение не придется вам по сердцу и вы не откажетесь от вражды, то отвечайте сами за свою судьбу»³².

Однако киргизские манапы, посоветовавшись, решили не выполнять требований Кенесары, а начали готовиться к войне, чтобы не подпасть под иго нового завоевателя.

Тогда Кенесары напал на сарыбагышский аил и жестоко истребил мирных жителей. Характеризуя жестокость и варварство Кенесары, Н. А. Серeda отметил, что «верный своему обещанию, Кенесары с редкой жестокостью принялся за истребление дикокаменных киргизов. Покоряя аулы непокорных, он ознаменовал свой путь небывалыми примерами варварства...»³³.

В путевых записках Н. А. Маева также содержатся сведения о жестокости Кенесары Касымова по отношению к киргизам: «Жестокость Кенесары еще более ожесточила его врагов. Кенесары хотел подействовать террором; он не щадил даже мертвых. Близ Токмака находятся могилы киргизских батырей Каная и Иса-ходжи. Кенесары вырыл из могил их трупы и приказал обезглавить»³⁴.

Весной 1847 г. Кенесары готовил вторичное наступление на северокиргизские племена. В конце апреля 1847 г. он с 10-тысячной армией вторгся в Киргизию. Бой длился несколько дней. Киргизы героически сражались. Направленный против них сильный отряд во главе с Худайменды был полностью разгромлен, а Худайменды убит. Войска Кенесары начали поспешно отступать, а затем обратились в паническое бегство. Все войско было разгромлено. «Наконец, смертельным врагам Кенесары, манапам Джантаю и Урману, удалось окружить Кенесары, и он был изрублен айбалтами (топорами)»³⁵, — писал Н. А. Маев.

³² Е. Т. Смирнов. Султаны Кенесары и Садык. Биографический очерк султана Ахмета Кенесарина. Ташкент, 1889.

³³ Н. А. Серeda. Бунт киргизского султана Кенесары Касимова. «Вестник Европы», 1871, кн. VIII, стр. 689.

³⁴ Н. А. Маев. От Ташкента до Верного. Мат-лы для статистики Туркестанского края. 1872, вып. II, стр. 347.

³⁵ Там же.

Подобного же рода материалы приводятся и в работе М. И. Венюкова: «...загнанный русскими отрядами на крайний юг степи, Кенесары Касымов встретил здесь новых противников — кара-киргизов, ими был погублен окончательно... Правительство наше изъявило свою признательность главному виновнику истребления мятежника манапу Урману возведением его в чин подполковника, а других участников в битве наградило двенадцатью золотыми медалями»³⁶.

После падения Кенесары отдельные северокиргизские манапы обратились к правительству России с просьбой принять их в подданство. Так, о заявлении некоторых киргизских манапов говорится в рукописи Н. А. Аристов: Манапы Урман, Джантай и Джангарах «заявляли в 1847 г. желание поступить в русское подданство с подвластными им кыргызами в числе до 40 тыс. кибиток, да у манапа Бурумбая, управляющего родом бугу, насчитывалось до 10 тыс. юрт, но просьба их не была удовлетворена, вероятно по отдаленности их земель, так как в это время границы наши едва стали доходить до Каратала и Или»³⁷. Вопрос об оказании «покровительства» со стороны России не был решен в связи с существовавшим тогда сложным внешнеполитическим положением царского правительства и отдаленностью территории киргизов.

Уже упоминавшиеся выше «Мемуары» П. П. Семенова-Тян-Шанского³⁸ представляют интерес и для исследования политического положения в Киргизии в середине XIX в.

Во время путешествия П. П. Семенова в Киргизию обстановка была весьма беспокойной: постоянная междоусобная вражда среди киргизских феодалов, запустение. Меня предупредили, — вспоминал П. П. Семенов в своих «Мемуарах», — что на восточной оконечности Иссык-Куля можно никого не встретить, так как из-за усилившихся усобиц феодалов плодородные пастбища опустели и никто не осмеливался их занимать³⁹.

По словам П. П. Семенова, причины междоусобных войн заключались не только в борьбе за лучшие пастбища, но и в стремлении бугинцев стать независимыми по отношению к сарыбагышам. К 1855 г. положение у бугинцев, принявших подданство России, значительно улучшилось. Теперь старший манап Боромбай не считал себя зависимым от манапа

36 М. И. Венюков. Опыт военного обозрения..., стр. 140.

37 Н. А. Аристов. Киргизы и Западный Тянь-Шань, гл. X, стр. 8. Рукоп. фонд. Отд. обществ. наук АН Киргиз. ССР, инв. № 1696, стр. 35—36.

38 П. П. Семенов-Тян-Шанский. Мемуары. Путешествие в Тянь-Шань в 1856—1857 гг. М., 1948.

39 Там же, стр. 142—143.

Ормона и даже надеялся с помощью русских отрядов вернуть свои утраченные кочевья на берегах Иссык-Куля⁴⁰. Ормон же, всячески подталкиваемый кокандскими властями, решил восстановить утерянное влияние на племя бугу. Летом 1855 г. он, не дожидаясь своих основных сил со стороны Уметалы и Тюрегельды, напал на бугинцев. Произошла ожесточенная битва на берегу р. Шаты. «В темную ночь,— отмечает П. П. Семенов,— на берегах р. Шаты, на Терское произошло самая ожесточенная битва. Ормон, превосходивший всех своей силой и храбростью, нашел, однако, себе соперника в старшем усыновленном племяннике Бурамбая Кылыче, за свою кровожадность и жестокость получившем впоследствии прозвание «иссык-кульского тигра». Оба показали чудеса храбрости, но, наконец, смертельно раненный и сбитый копьем с лошади, Ормон был принесен в юрту сына Бурамбая Эмирзака и умер на руках его жены, своей любимой дочери»⁴¹.

Нас поражает, как поражало это и П. П. Семенова-Тян-Шанского, жестокая бессмыслица феодальных усобиц. Глубокой горечью проникнуты строки Семенова, в которых он описывает один из трагических эпизодов истории киргизского народа.

Разбитые сарыбагыши частью попали в плен, частью спаслись бегством, причем бугинцы преследовали их по южному берегу Иссык-Куля. Наконец, подошли главные силы сарыбагышей во главе с манапом Уметалы, который отправил часть своих сил по северному берегу Иссык-Куля в тыл бугинцам. Аил Боромбая был в то время беззащитен. Отряд сарыбагышей, истребив все в аиле, захватил множество скота, имущества, пленных, в том числе некоторых членов семьи Боромбая. Узнав об этом, Боромбай с основными силами вернулся к своему аилу и на северо-восточном берегу Иссык-Куля напал на сарыбагышей. С обеих сторон было много убитых и раненых, но бугинцы потерпели поражение и остатки их вынуждены были бежать на Текес и Каркыра.

В других работах П. П. Семенова также содержатся сведения о последующих междоусобных войнах. Один из сильных бугинских родов — кыдык, с бием Самсалы во главе, рассорился с влиятельным манапом Боромбаем и, отделившись от него, решил откочевать со всем своим родом (3000 человек, способных носить оружие) за Тянь-Шань, через Заукинский горный проход. Сарыбагыши, уже занимавшие все южное побережье Иссык-Куля (Терской), коварно

⁴⁰ П. П. Семенов-Тян-Шанский. Мемуары..., стр. 142—143.

⁴¹ Там же, стр. 270.

пропустили кыдыков к Заукинскому горному проходу, но когда те со своими стадами и табунами уже поднимались на перевал, «они напали с двух сторон — с тылу от озера Иссык-Куль и спереди — от Нарына», т. е. от верховьев Сыр-Дарьи, и разгромили их совершенно. «Все стада и табуны кыдыков были у них отбиты; множество людей погибло в бою или было захвачено в плен, и только слабые остатки трехтысячного рода спаслись бегством через высокие долины альпийской зоны Тянь-Шаня и вернулись поневоле в подданство Бурамбая»⁴². Разгромленные кыдыки — бугинцы — снова бежали на Текес и Каркыра. В это тяжелое для бугинцев время Боромбай отправил Качыбека в Верный с письмом, в котором просил военной помощи у пристава Большой орды.

Узнав о его тяжелом положении, Хоментовский предпринял ряд мер по оказанию помощи, а 30 декабря 1855 г. обратился со специальным письмом к манапу Уметалы, в котором писал: «Вы называете себя нашими подданными, но, несмотря на это, вы завели бесконечную неприязнь к бугу, нашим действительным подданным. Вы не должны никогда забывать, что наш великий падишах всегда защищает своих подданных, считая врагов их своими врагами. До сих пор много пролито крови за смерть Ормона, и я советую вам прекратить эту неприязнь, оставаясь по-прежнему в дружбе с бугу и с нами»⁴³.

Это письмо оказало определенное влияние на Уметалы.

Однако оно не могло снять глубоких противоречий, возникших между крупными манапами.

П. П. Семенов старался уладить конфликты феодалов и при встрече с сарыбагышами, объявив себя гостем их манапа Уметалы, заявил: «По моему мнению... между русскими и каракиргизами должны установиться добрые соседские отношения...» и что русские никаких враждебных действий против киргизов не предпринимают. Путешественник же приехал к Умбет-але для того, чтобы попробовать сделаться его тамыром. В ответ на переданные подарки, семейство Умбеталы одарило его тремя прекрасными конями. Таким образом, Умбет-ала и П. П. Семенов, согласно киргизскому обычаю, стали «тамырами»⁴⁴.

Накануне второй поездки П. П. Семенова в Центральный Тянь-Шань положение в киргизских кочевьях продолжало

⁴² П. П. Семенов. Первая поездка на Тянь-Шань в 1857 г. «Вестник РГО», 4, 23, отд. II, стр. 11—12; его же. Мемуары..., стр. 243.

⁴³ ЦГА Каз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 32а, л. 73—74.

⁴⁴ П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Мемуары..., стр. 177.

оставаться напряженным, и феодалы никак не могли сами урегулировать свои разногласия и прекратить усобицы. Предпринятое П. П. Семеновым в мае 1857 г. путешествие на Тянь-Шань дало возможность бугинцам вернуться на свои прежние места.

«Слух о появлении сильного отряда у подножья Тянь-Шаня, пришедшего на защиту бугинских владений,— писал Семенов,— облетел, как молния, весь Иссык-Кульский бассейн... Распространившиеся о нас слухи, с обычными преувеличениями о нашей численности и вооружении, произвели магическое действие. Сарыбагыши быстро снялись со своих завоеванных у бугинцев кочевьев на обоих побережьях Иссык-Куля (Герское и Кунгее) и бежали отчасти на западную оконечность озера и еще далее на реки Чу и Талас и даже отчасти за Тянь-Шань на верховья Нарына, вследствие чего я получил полную возможность осуществить свое намерение — проникнуть в глубь Тянь-Шаня...»⁴⁵.

Феодальные усобицы, вражда между собою киргизских манатов тормозили общественное развитие, усугубляли тяжелое внутреннее положение киргизского народа. Своими описаниями П. П. Семенов не только фиксирует факт усобицы, но и осуждает их, представляя перед нами как прогрессивный ученый, гуманист.

В начале июня 1857 г. П. П. Семенов достиг киргизских кочевий на р. Малая Каркыра. Боромбай встретил Семенова с радостью и устроил ему торжественный прием. Это объяснялось критическим его положением, так как вся бывшая во владении Боромбая восточная половина бассейна оз. Иссык-Куль была для него фактически потеряна.

Экспедиция П. П. Семенова, обследовав Внутренний Тянь-Шань и Иссык-Куль, вернулась в аил Боромбая. Боромбай обратился к П. П. Семенову с двумя настоятельными просьбами. Первая просьба заключалась в том, чтобы он помог вернуть Боромбаю всех пленниц из его семейства, находившихся у сарыбагышей, вторая — в том, чтобы помог добиться обеспечения бугинцам надлежащей защиты Российской империи⁴⁶. Боромбай в лице Семенова видел представителя России, на реальную помощь которой он рассчитывал.

Пребывание П. П. Семенова на Иссык-Куле и Тянь-Шане значительно повлияло на дальнейшее укрепление дружественных политико-экономических связей между русским и

⁴⁵ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары..., стр. 244.

⁴⁶ Там же, стр. 288—289, и др.

киргизским народами, а собранный им обширный материал представлял большую познавательную ценность для изучения истории киргизского народа.

Весьма интересными для характеристики политической истории тянь-шаньских киргизов 60—70-х годов XIX столетия являются работы другого крупного русского путешественника — Н. А. Северцова. В своих трудах Н. А. Северцов освещает один из заключительных этапов присоединения северокиргизских племен к России. Его сообщения содержат большой конкретный материал.

Накануне путешествия Н. А. Северцова на Тянь-Шань царским правительством была отправлена в 1863 г. рекогносцировочная экспедиция через Тянь-Шань в сторону Кашгара. Одновременно экспедиция должна была содействовать укреплению власти над тянь-шаньскими киргизами. Отряд под начальством капитана Проценко выступил из Кастека в начале мая 1863 г. и направился к главной кокандской крепости на Тянь-Шане — Куртке. Кокандцы без сопротивления оставили крепость и бежали. Здесь следует указать на позиции Уметалы и Осмона, которые не хотели допустить закрепления русских отрядов на Тянь-Шане. После военных неудач и ухода кокадских гарнизонов с Тянь-Шаня они стали опасаться усиления влияния царизма. Этим и было вызвано организованное нападение на русский отряд Зубарева.

Н. А. Северцов так описывает политическое положение Уметалы: «Возмущение Уметалы, который никогда искренне не придерживался русской ориентации, было вызвано надеждой на расширение своих кочевий за счет чериков, кочевавших в районе Нарына. Уметалы понимал, что добиться этого при помощи царских войск ему не удастся, не было у него надежды и поднять свое влияние при поддержке царской администрации среди соседних киргизских племен... Первоначально Уметалы выжидал исхода битвы отряда Проценко с местным кокандским гарнизоном. Но после падения наиболее сильной из кокадских крепостей — Куртки, надежда на ослабление или на уничтожение отряда Проценко исчезла. Оставалось или отказаться от стремления к расширению кочевий и своего влияния, или попытаться собственными силами уничтожить отряд Проценко. Уметалы и предпринял попытку, потерпев жестокую неудачу»⁴⁷.

Далее Н. А. Северцов отмечает, что самый план действий

⁴⁷ Н. А. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю..., стр. 211—212.

«был недурен»: еще до нападения на Зубарева Уметалы разрушил мост на Нарыне, чтобы истребить зубаревский отряд. К Уметалы присоединились почти все сарыбагыши, даже часть киргизов, управляемых Джантаем; Проценко был бы заперт между скопищем «бунтовщиков» и Нарыном. «Так и вышло, нападение на отряд Зубарева было отражено, хотя нападали 2—3 тысячи лучших джигитов на 30—40 наших стрелков, а Проценко вернулся беспрепятственно, но бунт остался безнаказанным; от него наше внимание на многие года, 1864—1866, было отвлечено соединением сибирской и оренбургской границ у северо-западной подошвы Тянь-Шаня, последовавшими войнами с Кокандом и Бухарой»⁴⁸.

Во время путешествия Северцов обстоятельно изучал внутривосточную обстановку, которая сложилась на Тянь-Шане: «Уметалы прошел по своему Карагоджуру на Малый Нарын, перешел Большой Нарын близ его истоков, оттеснил занарынских чериков и в долине Атбаши нашел себе крепкий приток и центр набегов не хуже карагоджурского, там устроился пашнями и зимовками, а летом бродил по сырту, причем грабил и кашгарские караваны, шедшие торговать с каракиргизами не его аулов, и барантовал со всеми соседями: и с саяками, и с бугинцами, которых оттеснил с верхненарынского сырты беспрепятственными угонами скота во время летнего кочевания. Тут он покорила и переселил на Малый Нарын бугинское отделение монолдур, да и довольно других бугинцев были захвачены в раздроб отдельными аулами. Уметалы, отклонившийся с 5—6 тыс. кибиток, кочевал к 1867 г. слишком с 8 тыс. на огромном пространстве Чатыр-Куля, Аксая, Арпы, Нарына и Атбаши»⁴⁹.

По словам Н. А. Северцова, Уметалы хотел расширить свою территорию за счет соседей восстановить свои прежние позиции. Его больше устраивало состояние феодальной раздробленности, чтобы беспрепятственно осуществлять захват приглянувшихся ему земель. Но его надежды не оправдались, так как взаимоотношения, сложившиеся у Уметалы с соседними государствами, были не в его пользу. Поэтому попытка его искать покровительства других государств потерпела неудачу, «Попробовал было Уметалы принять кашгарское подданство, но кашгарский владетель велел ему убираться из своих владений, пока еще не пойман и не казнен кашгарцами»⁵⁰.

⁴⁸ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 211—212.

⁴⁹ Там же, стр. 212—213.
стр. 212—213.

⁵⁰ Там же, стр. 310.

В то время Уметалы находился в состоянии вражды со всеми киргизскими соседями и с соседними странами — Россией, Кокандом и Кашгарией, поэтому оказался в полной изоляции.

Здесь необходимо отметить, что Уметалы трезво взвесил состояние сил, правильно оценил обстановку: «ему уже и за Нарыном от русских небезопасно»⁵¹.

«Узнавший о моем походе,— писал Н. А. Северцов,— Уметалы собрал свой род и, обсудивши положение дел, объявил решение покориться и вновь вступить в русское подданство — это решение было принято всем родом и, по киргизскому обычаю, утверждено жертвоприношением»⁵².

В это время в лагерь Северцова прибыли два джигита с Малого Нарына с известием о том, что часть беглых бугинцев собирается вернуться на прежние кочевья, а их старшина Кичкине-батыр уже прибыл. Вслед за ним к Северцову явилось четверо сарыбагышей, которые представились как подданные Уметалы. Их возглавлял один из сыновей Уметалы — Чакмакташ. Его советником был доверенный джигит Байбагул. Уметалы через своих посланников подтвердил искренность своего решения покориться. Кроме того, посланные сказали Н. А. Северцову, что для переговоров Уметалы уже отправил в Верный другого сына — Акташа⁵³.

Когда посланные передали Северцову заявление Уметалы о добровольном возвращении подвластных ему айылов в подданство России, он написал: «Я потребовал от посланников личного свидания с Умбет-алой, чтобы переговорить с ним, и, если найду его покорность искренней, поддержать перед генерал-губернатором его просьбу о помиловании за бунт. Посланные согласились, что это будет полезно, и Чакмакташ в тот же день, как только мы остановились, отправил к отцу своих двух джигитов. На следующий день Умбет-ала прибыл к нам на Оттук и доставил мне зоологический подарок, трех кутазов (яков), а в ответ на это я одарил Умбет-алу серебряной чашей для кумыса, внутри вызолоченной»⁵⁴.

Н. А. Северцов подчеркивает, что все племя Уметалы было за принятие подданства России. «Относительно же своего подданства он объявил его безусловным, согласился на возна-

⁵¹ Н. А. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю..., стр. 307.

⁵² Там же, стр. 308.

⁵³ Там же, стр. 341—342.

⁵⁴ Там же, стр. 343.

граждение за принесенные убытки, и вообще на уплату штрафа, какой начальство положит, прося только, чтобы ему были возвращены его прежние кочевья»⁵⁵. Уметалы отправил с Северцовым к генерал-адъютанту К. П. Кауфману Чакмакташа и Байбагула и дал им свою тамгу — чистый лист бумаги с печатью, чтобы на нем написать обязательство, какое от него потребует генерал-губернатор. По киргизским обычаям, такая тамга уже сама по себе выражала обязательство о безусловной покорности.

Но с Чакмакташем Н. А. Северцов доехал только до Токмака, куда на следующий день отправил двух джигитов с доставкой туркестанскому генерал-губернатору о подданстве всех оставшихся в 1863 г. сарыбагышей.

По возвращении Северцов встретился с семиреченским военным губернатором генералом Г. А. Колпаковским, уже принявшим посланного к нему сына Уметалы и представившим его генерал-губернатору, который согласился принять оставшихся сарыбагышей в подданство вновь. Так, пишет Н. А. Северцов, Уметалы «вернулся в наше подданство, без выстрела, вследствие одних моих загадочных для него переходов на Атбаше и Аксае, этот кара-киргизский батыр, четыре года господствовавший на среднем Тянь-Шане, от Иссык-Куля до гор Кок-Кия и от истока Нарына до Куртки; на всем этом пространстве восстановились порядок и спокойствие, а вернулся он с 3000 кибиток и со своими подручниками, Чаргыном и Осмоном, у которых было еще 2000»⁵⁶.

В 1868 г. было введено новое положение по управлению Туркестанским генерал-губернаторством, по которому киргизы делились на волости согласно с местами их зимовок во главе с выборными старшинами.

Заслуживает внимания и труды незаурядного ориенталиста Александра Людвиговича Куна⁵⁷. Из многих его работ по истории Средней Азии, в частности Южной Киргизии третьей четверти XIX в., особый интерес представляют две публикации⁵⁸. Их фактическую основу составляют впечатления и материалы автора, собранные во время его путешествия в составе карательного отряда К. П. Кауфмана на территории

⁵⁵ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 343.

⁵⁶ Там же, стр. 346.

⁵⁷ Более подробно об А. Л. Куне и значении его трудов см.: Б. В. Лукин. Средняя Азия..., стр. 114.

⁵⁸ А. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине..., стр. 417—448; е г о ж е. Очерк Кокандского ханства..., стр. 59—70.

Кокандского ханства, охваченной восстанием. «Участие мое в Кокандском походе, как исследователя, дает мне право, незаинтересованному ничем высказать свой, насколько я понимаю, беспристрастный взгляд, чуждый всяких личных интересов о положении дел в «ханстве»⁵⁹, — писал А. Л. Кун в своем очерке. Так или иначе, но материалы, приводимые в очерке, явно подчинялись определенной политической задаче — обосновать присоединение Кокандского ханства к России.

В работах военного историка генерала М. А. Терентьева освещаются колониальная политика царизма в Туркестане, продвижение сюда царских военных отрядов, их столкновения с кокандцами и т. д.⁶⁰

Сложный процесс присоединения к России Средней Азии, в том числе и Киргизии, М. А. Терентьев трактует с колониалистских позиций, нередко крайне упрощенно, но привлеченные им архивные материалы очень интересны. Автора привлекает преимущественно военная сторона проблемы, вопросы же социально-экономической истории киргизского и других среднеазиатских народов в этот период им игнорируются⁶¹.

В известном сборнике А. Г. Серебrenникова собран обширный материал, характеризующий взаимоотношения Кокандского ханства с царскими властями⁶². Здесь описываются военные действия против кокандских крепостей Токмак и Пишпек, события при Узун-Агаче и т. д. Весьма ценные документы в сборнике — материалы об обращении в подданство России племен саяк и черик. Некоторые документы сборника говорят о тяжелом положении южных киргизов, усилении налогового гнета при Худояр-хане, о кокандском восстании 1873—1876 гг. и настойчивом стремлении южных киргизов к принятию подданства России.

В заключение остановимся на очерке о Пишпекском уезде (1897), написанном уездным начальником А. Талызиным. Автор оперирует данными различной давности и достоверности, чтобы оправдать колониальную политику царизма. В этих целях он решает обратиться к их былой истории.

Весьма упрощенно освещены в очерке вопросы истории

⁵⁹ А. Кун. Очерк Кокандского ханства..., стр. 64.

⁶⁰ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии, т. 1—3. СПб., 1906; его же. Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1875, стр. 361.

⁶¹ Подробнее о М. А. Терентьеве и его трудах см.: Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии. М., 1960, стр. 5—6.

⁶² А. Г. Серебrenников. Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания 1744—1866 гг. Собрал полковник А. Г. Серебrenников, т. 2—8, 17—22. Ташкент, 1912—1916.

киргизов, находившихся под властью Кокандского ханства. На территории Киргизии имелись кокандские крепости с поселениями вокруг них. Автор отмечает, что степень распространения кокандской власти над киргизами была неодинаковой. В наиболее тяжелом положении оказались солто и саяк, так как основные силы кокандцев сосредоточены были в долине р. Чу, где кочевали эти племена. Относительную самостоятельность сохраняли сарыбагыши.

Произвол сильного царил в среде киргизов, уровень общественного развития которых определяется Талызиным как «чистое родовое начало»⁶³. Сильный манап обирал более слабого: «...вражда каракиргиз между собой и с киргиз-кайсаками, разорительные баранты и безурядица не прекращались до покорения этого края Россией»⁶⁴.

Автор приводит данные о том, что кокандские правители проявляли заинтересованность в налаживании торговли с подведомственными им киргизами и пытались втянуть местные племена в торговые взаимоотношения. Однако торговцы без конвоя ездить в степь не решались. Талызин отмечает, что «покорение Зачуйского края началось около 1855 г., когда приняли подданство России иссык-кульские каракиргизы рода Богу, спасшиеся этим путем от насилий их хана Ормона»⁶⁵. А вторичным взятием Пишпека «закончилось присоединение Зачуйского края к России»⁶⁶.

В очерке Талызиным предпринята попытка защиты колониальной политики царизма. Местами в нем фигурируют отрывочные сведения, которые нуждаются в подтверждении другими источниками.

В целом же перечисленные материалы помогают понять некоторые вопросы политической истории киргизского народа в XIX в. В известной мере в них, во-первых, кратко показаны расселение и родоплеменной состав киргизских связей; во-вторых, освещена завоевательная политика кокандских ханов и установление их власти над Киргизией; в-третьих, отображено внутривнутриполитическое положение киргизов, феодально-родовые междоусобные войны между крупными киргизскими манапами и соседними казахскими султанами; в-четвертых,

⁶³ А. Т а л ы з и н. Пишпекский уезд..., стр. 26—27.

⁶⁴ Там же, стр. 39.

⁶⁵ Там же, стр. 39—40.

⁶⁶ Там же, стр. 35.

приведен ряд данных из истории принятия киргизами подданства России.

2. Социальные отношения

Труды и записки русских путешественников в сочетании с другими источниками давали в своей совокупности довольно обширный материал по политической истории, хозяйству и культуре киргизов. К сожалению, вопросы социальных отношений освещены очень скупо.

Вопрос о существовании и специфике социальных отношений в Киргизии XIX в. — сложный и, несмотря на наличие ряда серьезных исследований, еще требует дальнейшего изучения.

Господствующими в социальном строе Киргизии продолжали оставаться феодальные отношения. Именно они определяли социальную структуру киргизского общества.

К высшему разряду «благородных» феодалов в Киргизии в XIX в. относились бии. Социальный термин «бий» известен с давних времен, его происхождение связано со становлением феодального общества в Киргизии. Это ясно видно из работ русских исследователей, которые подчеркивают, что во главе *каждого рода, племени стоял бий*, выполнявший политическую, административную, хозяйственную и судебную функции. Приведем краткую выдержку из наиболее ранних трудов И. Г. Андреева: «...орда Закаменная, между хребтов водворившаяся, состоит из 10 волостей, 10-ю биями управляемых, конечно, по древним обычаям, и волости им повинуются без пререкания. В случае войны бии действуют единодушно. Во главе отдельных родовых объединений стояли следующие бии: сарыбагышами управлял бий Атаке, саяками — бий Гадай, кушчу — бий Иваула (Абайылда. — А. А.), солто — бий Кашыбек, монолдор — бий Бирназар, джелден — бий Шапак, бостон — бий Ташыбек, кытай — бий Муса и саруу — бий Сейит»⁶⁸.

Вот что пишет о киргизских биях Е. Тимковский: «Они (киргизы. — А. А.) называют владельцев своих биями. Иные бии имеют от 10 до 20, другие — от 20 до 30 улусов (аилов. — А. А.). Улусные люди почитаются их рабами. Киргизы есть общее название народу сему, который разделяется на многие роды и каждая орда имеет своего бия, коих достоинства наследственны и редко зависят друг от друга»⁶⁹.

⁶⁸ И. Г. Андреев. Описание Средней орды киргис-кайсаков..., стр. 26—27.

⁶⁹ Е. Тимковский. Путешествие в Китай..., стр. 256.

В записке лекаря Зибберштейна также названы имена киргизских биев и указана численность подвластных им киргизов (юрт): «...в роде арыков 300 юрт, управляет бий Олджобай, в роде джелден — до 2000 юрт, ведает бий Джапалах, в роде кыдык — 3000 юрт, управляет Джайыке, род белек состоит от 3000 до 4000 юрт, управляют дети умершего бия Шералы: Ажыбай, Муса, Мусагожо, Джанусак и Качыбек»⁷⁰.

Относительно управления киргизских биев наибольший интерес представляет статья А. Леонтьева, где он писал: «Бий есть начальник одного из родов — он управляет аилом, состоящим из его родственников... Право на звание бия есть наследственное»⁷¹. В связи с этим следует напомнить, что наследственные бии в 30—40-х годах XIX в. превратились в привилегированную правящую феодальную верхушку — манашество. С того времени манашы стали крупными феодальными правителями. Начиная с 40-х годов XIX в. социальное содержание бийства несколько изменяется. Если до этого бий имел неограниченную власть над своими подданными, то к середине столетия ему были оставлены только судебные функции.

Специально и глубоко изучавший быт и обычаи киргизского народа начальник Токмакского уезда Г. С. Загряжский, так описывает характер суда биев: «Все зависит от случая, от личных отношений, но не от закона. Таков характер судов биев. Он нимало не гарантирует справедливости и допускает всякое вмешательство со стороны родоначальников и других влиятельных лиц аила, рода и т. д.»⁷².

Интересные сведения о третейских судах у киргизов приведены в публикациях Ю. Р. Росселя: «До 1869 г. в Киргизии не было постоянных выборных судей. Они избирались сторонами для каждого случая. Биями именовались до тех пор, пока к ним обращались люди»⁷³.

Вообще, по положению обычного права киргизов, «любой

⁷⁰ Путевые записки лекаря Зибберштейна..., стр. 246—247.

⁷¹ А. Леонтьев. Обычное право у киргизов. Судоустройство и судопроизводство. «Юридический вестник» Моск. юрид. о-ва, 1890, № 5, стр. 110.

⁷² Г. Загряжский. Юридические обычаи киргиз и о народном суде у кочевого населения Туркестанского края по обычному праву. Мат-лы для статистики Туркестанского края, вып. IV. СПб., 1876, стр. 326; е г о ж е. Заметки о народном самоуправлении у каракиргиз. Там же, вып. III, 1874, стр. 362—371.

⁷³ Ю. Р. Россель. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке. «Вестник Европы», кн. 7. СПб., 1878, стр. 132—133.

потерпевший» со всякими делами — малыми и большими — мог обращаться к любому нейтральному бию.

«Бий,— отмечал Загряжский,— разбирает все вообще поступившие к нему жалобы ордынцев, дела какого бы рода и какой бы важности они не были»⁷⁴.

В 1872 г. начальник Иссык-Кульского уезда А. Чайковский опубликовал на страницах «Туркестанских ведомостей» статью, в которой довольно откровенно рассказал о получении биями «бийлика», нечто вроде айыпа (штрафа) за решение спорных дел: «Взысканный с виновного айып по прежнему закону шел большей частью в пользу лиц, решающих дело»⁷⁵.

В 1887 г. в «Туркестанских ведомостях» появилась весьма обстоятельная, хотя и описательного характера, статья М. Михайлова о суде казиев. Автор использовал различные литературные и архивные материалы. В статье говорится о назначении казиев беками и ханами: «Хотя при назначении казиев беки, датхи и ханы смотрели на его личные качества, но все равно, когда беки, датхи и ханы приезжали в их город, то казии дарили им дорогие вещи, или что-нибудь ценное «тартуу» (подарок), чтобы он мог быть спокоен за свою должность, а потом казы мог возмещать эти большие «тартуу» с избытком»⁷⁶.

Наиболее полный обзор юридических законов киргизов дает А. Вышнегорский в собранных им ценных материалах «Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области», изданных от имени Н. И. Гродекова. По его словам, всякие тяжелые преступления, например, убийство бия, увоз девушек, растление, многократное воровство, наказывались смертной казнью. Иногда смертная казнь заменялась куном, отдачей выкупа скотом, девушкой, «за убийство полагается выкуп «кун», а в случае его неплатежа — смерть самого убийцы или другого человека из его рода»⁷⁷.

«Размер куна,— писал А. Чайковский,— определялся тем сословным и природным состоянием, к которому относился убитый. Так, например, за мужчину белой кости (благородного сословия) кун бывает 300 голов скота; за женщину белой кос-

⁷⁴ Г. Загряжский. Указ. работа, стр. 194.

⁷⁵ А. Чайковский. Иссык-Кульский уезд в 1869—1871 гг. «Туркестанские ведомости», 1872, № 44.

⁷⁶ М. Михайлов. На суде казиев. «Туркестанские ведомости», 1887, № 17.

⁷⁷ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 233.

ти — 150 голов скота; за простого киргиза, да еще бедного, размер куна уменьшался до 25 голов скота»⁷⁸.

• Телесные наказания применялись только в отношении трудовой части населения, представители эксплуататорских классов от них освобождались.

После вхождения Киргизии в состав России все формы телесного наказания в крае были отменены. Царское правительство издало в 1867 г. «Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей», на основании которого впервые был создан новый колониальный аппарат управления⁷⁹.

Заслуживает внимания сообщение Н. А. Северцова о выборности биев: «Когда в следующем, 1868 г., было введено новое положение и кара-киргизы разделены на волости, соответственно с местами их зимовок, с выборными старшинами, биями, то некоторые бии тем самым лишились прежней власти и ни один не был вновь избран в волостные старшины»⁸⁰.

Другой социальной категорией эксплуататорского класса являлись манапы. Как утверждают некоторые исследователи, первоначально манапство образовалось у сарыбагышей и как феодальная категория оформилось в 30—40-е годы XIX столетия. В трудах Ч. Ч. Валиханова мы, например, находим ценные сведения о происхождении термина «манап»: «Первые манапы (по объяснению туземцев — сильный, недоступный деспот) явились недавно и то впервые у сарыбагышей. Бий сарыбагышей по имени Манап был первый тиран. Манапство понравилось биям и других родов, и теперь манап есть нарицательное имя родоначальника каждого поколения орды»⁸¹. М. И. Венюков, касаясь прав киргизских манапов, говорит: «Слово «манап» буквально означает «тиран», в смысле близком к древнегреческому. Первоначально это было собственное имя одного старшины, отличавшегося жестким и непреклонным правом; от него оно перешло, как нарицательное, ко всем правителям, так как самоуправство, жестокость и необузданность, по понятию киргизов, должны составлять необходимые ингредиенты всякой власти»⁸².

⁷⁸ А. Чайковский. Иссык-Кульский уезд в 1869—1971 гг. «Туркестанские ведомости», 1872, № 44.

⁷⁹ Проект положения об управлении Семиреченской и Сыр-Дарьинской областей. СПб., 1867, стр. 2.

⁸⁰ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 334.

⁸¹ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр. соч., т. I, стр. 333.

⁸² М. И. Венюков. Путешествия по окраинам Русской Азии..., стр. 158—159.

А. Леонтьев, изучавший судоустройство у киргизов и казахов, также затрагивает вопрос происхождения манапства в своей статье «Обычное право у киргизов». По его мнению, «источником происхождения манапства были взаимные непрерывающиеся войны между родами. Слово «манап» было именем батыра, объединившего и прославившего подвигами свой род. Со временем у этого манапа появились подражатели. Все эти выдвинувшиеся лица стали называться манапами. Позже, укрепившись, манапство превратилось в сословие, а власть манапов стала передаваться по наследству»⁸³.

А. Талызин также пытался определить сущность термина «манап», который по его мнению, «происходит от имени одного предка из рода сарыбагышей, установившего свою власть над родовичами. Затем этот термин был воспринят другими родами»⁸⁴.

Таким образом, все эти данные свидетельствуют о том, что на протяжении XIX в. слово «манап» было термином, который указывал на определенную часть общества, достигшую высшего положения.

Самую ясную характеристику манапского сословия дает Н. А. Северцов. По Северцову, манапское сословие делилось на чон-манапов (больших, высших по положению манапов) и кичи-манапов (более мелких, низших по положению). Для обозначения вассальной зависимости одного манапа по отношению к другому у киргизов существовал и другой термин — «чала-манап» — не совсем оформившийся (полуманап), т. е. манап, управляющий несколькими хозяйствами. К этому следует добавить, что власть манапов над своим родом была наследственной.

Действительно, манапы между собой были не равны как по политическому, так и экономическому положению. Равно как в любом другом феодальном обществе, здесь наблюдалась своя иерархия и распределение на ней, как правило, зависело именно от экономического могущества манапов (которые имели в подчинении от 10—11 тыс. до 100 хозяйств киргизов-кочевников).

Анализируя положение верховных манапов, П. П. Семенов приходит к убеждению, что сравнительно с биями «манапы... пользуются более неограниченной властью и даже могут продавать и убивать своих подданных»⁸⁵. О неограниченной влас-

⁸³ А. Леонтьев. Обычное право у киргизов..., стр. 119.

⁸⁴ А. Талызин. Указ. работа, стр. 26.

⁸⁵ П. П. Семенов. Киргизы. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1865, т. II, стр. 596.

ти манапов говорит и Ч. Ч. Валиханов: «Манапы имеют власть» и «назначение черных (в смысле равных, свободных), которыми так гордится Дикокаменная орда, есть только несоблюдаемая форма, предание. Все тяжкие преступления наказываются смертной казнью». «Постепенно с течением времени власть эта увеличивалась и обратилась в конце концов в деспотические отношения господина и рабов. Власть в своем роде становится неограниченной: он полный господин черного народа, может их продавать и убивать»⁸⁶.

Отсюда следует, что в период Кокандского ханства власть в Киргизии находилась в руках потомственных манапов. Верховный манап управлял родами подвластного ему племени через родовых манапов. Он разбирал наиболее сложные судебные дела, определял меры наказания.

Представляют интерес также данные А. Талызина о разборе манапами самых тяжелых преступлений. Ссоры и преступления букары разбирались их манапом, «которому принадлежало все их имущество и который имел право обращать виновных в неволю и лишать жизни»⁸⁷.

Различные вопросы общественно-политической жизни киргизов рассматривались А. Соколовым: «Власть манапства была политической организацией на определенной своей территории со строго установленными границами и имела центральную резиденцию. Вместе с тем верховный манап имел и определенные военные силы. У каждого верховного манапа были дружина из 40 джигитов и советники из числа влиятельных баев, аксакалов и биев»⁸⁸.

Весьма ценные сведения содержатся в статье О. А. Шкапского. Говоря о «воинских набегах» манапов, он отмечает, что в период полного господства манапов, во времена постоянных столкновений различных групп киргизов между собой, манап обязан был защищать свою «букару». Взаимные набеги позволяли манапу увеличивать свое благосостояние за счет соседского скота угоняемого при баранте. Автор определяет баранту как «воинский набег», сопровождавшийся угоном скота⁸⁹.

⁸⁶ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр. соч., т. 1, стр. 332—333.

⁸⁷ А. Талызин. Указ. работа, стр. 28.

⁸⁸ А. Соколов. О кара-киргизах. «Семиреченские областные ведомости», 1910, № 55 (полный текст статей в № 53—58).

⁸⁹ О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне. (Из жизни Семиречья). «Известия РГО», XLI6, 1905. СПб., 1906, стр. 772.

Как известно, во времена Кокандского ханства манапы часто воевали друг с другом. В таких случаях не только «кырк джигиты», но и все подвластные люди должны были приходить на помощь своему манапу.

В соответствующих разделах очерка А. Талызина содержатся сведения о самостоятельности некоторых манапов в период господства кокандских ханов: «Отец Шабдана — Джантай Карабеков был старший правитель — манап в роде сарыбагышей, а во время ханского (кокандского) владычества такие манапы управляли своим народом совершенно самостоятельно, имея даже право лишать жизни своих подданных»⁹⁰.

Подтверждая сообщения Талызина, О. А. Шкапский еще более конкретно раскрывает безраздельное господство манапов. «Каждый манап, — пишет он, — был своего рода князь — владыка своего народа. Но эти манапства были невелики. Под владычеством манапов сосредотачивалось от 100 до 600 кибиток букары, над которой манап властвовал, которую он судил и имуществом которой он распоряжался вполне самостоятельно»⁹¹.

По определению Е. Т. Смирнова, «манапы пользовались привилегиями и имели известные права, признанные за ними обычным правом... освобождение от телесного наказания, неподчинение суду биев из родовых киргизов и прочие»⁹².

Показывая сущность манапства, Талызин пытался доказать, что «с введением выборного начала и непризнанием за манапам привилегированного положения, было убито самовластие этого сословия. Народ, по словам киргизов, крайне удивился и обрадовался этому необыкновенному для них порядку, так как считал себя вечным данником манапов и даже не думал, что возможно освободиться от их самовласти и притеснений»⁹³.

Однако было бы неправильным делать вывод о том, что манапы сошли со сцены. Они продолжали существовать и, несомненно, сохраняли свое экономическое и политическое влияние и в колониальный период, но не в такой мере, как в былые времена.

Об происшедших изменениях после вхождения Киргизии в состав России Талызин упоминает вскользь: «Ослабло ро-

⁹⁰ А. Талызин. Указ. работа, стр. 28.

⁹¹ О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне..., стр. 771.

⁹² Е. Т. Смирнов. Сыр-Дарьинская область. СПб., стр. 55—56.

⁹³ А. Талызин. Указ. работа, стр. 29.

довое начало», «личность начинает преобладать над родом», «но так как киргизы все еще дикари-кочевники с весьма смутными понятиями о праве и справедливости, то необходимо прийти к ним на помощь и не дать патриархальному быту, имевшему много хороших сторон, вылиться в уродливые формы»⁹⁴. Здесь Талызин выступает в роли поборника сохранения патриархально-феодалных отношений, а значит и сохранения вековой отсталости киргизов. Но он не скрывает, что царизм встретился с большими трудностями при административном устройстве края. На первых порах управление велось через тех же манапов, наиболее преданные из которых являлись социальной опорой царизма.

Следующей категорией класса феодалов в Киргизии XIX в. были баи. К сожалению, в трудах русских исследователей очень мало материалов, характеризующих эту социальную категорию. И все же имеющиеся данные позволяют определить ее место в обществе. Баем считался любой богатый человек, имевший большое количество скота. Из числа крупных наследственных баев выходили манапы, бии, беки и т. д.

Бардашев охарактеризовал основные черты власти беков и датхи, а также господствующее положение правящих классов на юге Киргизии. Каждый датха и бек был своего рода князьком, владыкой своего народа. Датхи и беки на юге Киргизии в политическом отношении почти не отличались от манапов Северной Киргизии. Алымбек-датха, например, являлся виднейшим представителем южнокиргизской феодальной знати. Он был известен и имел влияние не только в Южной, но и в Северной Киргизии. Постепенно он стал высшим правительственным чиновником — кокандским визи-рем⁹⁵.

К другой социальной категории эксплуататорского класса относилось духовенство — служители ислама (эшены, халпы, муфтии, муллы и т. д.).

Классом непосредственных производителей в Киргизии была букара. Термином «букара» в Киргизии обозначалась социальная категория людей, стоявших на низшей ступени общества, по мере углубления социальной дифференциации которого содержание термина расширилось и он превратился в название всего зависимого сословия. Сам термин «бу-

⁹⁴ А. Талызин. Указ. работа, стр. 41.

⁹⁵ Г. Бардашев. Сведения о дикокаменных киргизах. «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

кара» арабо-персидского происхождения («фахир» или «фукаро» — бедняк, нищий).

Подробно раскрыта зависимость простого народа от манапов в статьях А. Хорошхина: «Простой народ привязан к своим манапам крепче, нежели киргизы (казахи. — А. А.) других орд. Кара-киргизы называют себя рабами манапов, сопровождают их в поездках и умирают за них в барантах»⁹⁶.

В состав феодально зависимого населения Киргизии входило несколько категорий трудовых масс — кулы, малаи, жалчы, томояки и джатаки.

А. Талызин и С. Соколов подчеркивали, что «кулы составлялись из военнопленных чужих родов и, кроме того, из преступников родичей»⁹⁷, за которых родственники отказывались платить кун⁹⁸.

Рабский труд у киргизов применялся в сельском хозяйстве, кустарном производстве и на домашних работах. Ф. Энгельс писал, что восточные рабы «образуют основу производства не прямо, а косвенно, как составная часть семьи»⁹⁹. В статье «Юридический обычай киргиз», написанной по материалам, собранным на месте, Г. С. Загряжский пишет: «Раб — вещь; господин его имеет над ним право жизни и смерти. Имущество раба принадлежит его господину. Раб не имеет никакого права и в семейных своих делах. Раб не имеет права жениться, а рабыня — выйти замуж без позволения своего господина. Господин имеет право своего раба продать, заложить, отдать в работу в пользование (мойна). На ашах (тризнах) господин может поставить раба или рабыню на мету, как приз»¹⁰⁰.

Анализируя трудовое положение рабов — кулов, А. Соколов отмечал, что «положение кулов, или рабов, было самое ужасное. Манап распоряжался их жизнью, за убийство кула манап не подвергался ответственности, кулов можно было продавать, менять, отдавать в качестве приданого, уплачивать калым, кун платили иногда также рабами»¹⁰¹. Например,

⁹⁶ А. Хорошхин. Байтук-батур. Рассказ о кара-киргизской жизни. 1867 года. «Туркестанские ведомости», 1872, № 43.

⁹⁷ А. Талызин. Указ. работа, стр. 27.

⁹⁸ А. Соколов. О кара-киргизах. «Семиреченские областные ведомости», 1910, № 55.

⁹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 643.

¹⁰⁰ Г. С. Загряжский. Юридический обычай киргиз. О различных родах состояний и о правах, им присвоенных. Материалы для статистики Туркестанского края, вып. IV. СПб., 1876, стр. 154.

¹⁰¹ А. Соколов. Указ. работа.

манап Джантай в качестве калыма за свою будущую сноху отдал 45 рабов. Манап Джангарач во время тризны по своему отцу в байге в качестве «приза» выставил 60 рабов¹⁰².

На ликвидацию рабства в Киргизии оказало существенное влияние присоединение Киргизии к России: рабство было запрещено, что несомненно явилось прогрессивным мероприятием. Рабы были отпущены на волю и превратились в феодально зависимых людей: малаев, жалчы и джатаков.

Сведений о социальном положении жалчы или малаев в трудах русских исследователей почти нет. Лишь в путевых записках П. И. Шрейдера есть упоминание о жалчы: «Нередко семья жалчы к зиме оказывается в самом беспомощном положении: без гроша в кармане и без хлеба в доме»¹⁰³. Действительно, разорившиеся киргизы вынуждены были идти к манапам или баям и работать на них из-за одного пропитания.

Другой социальной феодально зависимой категорией являлась киргизская беднота — джатаки. Дореволюционные исследователи джатаками называли киргизов, почти оставивших кочевой образ жизни и имевших постоянные стойбища у своих зимовок¹⁰⁴.

Важное значение для изучения положения джатаков имеют заметки П. Зенкова: «Здесь кара-киргизы еще настоящие номады... Землепашество же исполняется у них исключительно отдельной кооперацией джатаков, рабски работающих на манапов и баев»¹⁰⁵.

В другой публикации указывалось, что «положение джатаков крайне тягостное и большинство их является и бессрочными батраками у своих богатых родичей»¹⁰⁶.

Невыносимое положение джатаков усугублялось еще и феодальными повинностями, поборами и притеснениями. Значительную массу феодально зависимых крестьян в Киргизии составляли джатаки. Анализ их повинностей свидетельствует о господстве отработочной ренты. Все это в известной степени указывает на низкий уровень развития феодальных отношений в Киргизии.

¹⁰² А. Т а л ы з и н. Указ. работа, стр. 28.

¹⁰³ П. И. Ш р е й д е р. По окраине..., стр. 124.

¹⁰⁴ Киргизы-джатаки. «Русская речь», кн. 8, 1897, стр. 318.

¹⁰⁵ П. З е н к о в. Экономические заметки по киргизской степи от Иртыша до Иссык-Куля. «Туркестанские ведомости», 1874, № 46.

¹⁰⁶ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией П. П. Семенова-Тяч-Шанского, т. XIX. СПб., 1913, стр. 378.

Путешествовавший по Памиро-Алаю Г. Е. Грум-Гржимайло метко характеризует положение коншу: «Они как-то сами собой группируются вокруг богатейших, которые в конце третируют их как слуг и управляют ими вполне бесконтрольно, хотя наружно такие отношения не проявляются резко»¹⁰⁷.

Очевидно, помимо джатаков у киргизов были еще и маломощные скотоводы, которые самостоятельно кочевать не могли и поэтому жили поблизости от баев и манапов, постоянно кочуя вместе с ними. Коншу и члены их семей выполняли у манапов всевозможные работы: мужчины были пастухами, а женщины помогали в домашнем хозяйстве.

Перейдем к краткому изложению вопроса о формах эксплуатации местного населения, как это отражено в трудах и записках русских исследователей.

Формы феодальной эксплуатации «саан», «куч» и «ашар» — представляют собой разновидности отработочной ренты. Они выросли на почве узурпации феодалом функции родовой взаимопомощи.

Г. С. Загряжский, описывая сборы скота и хлеба с членов родového объединения с целью оказания помощи при устройстве поминок и свадеб, писал: «Помощь, которую киргиз получает от рода, обуславливается его собственным положением, для простого киргиза она ограничивается большей частью его кровным родством, манап же получает ее от всего рода по раскладке на кибитку. Эти раскладки производит или он сам, или же вожди составных частей рода. Поэтому пособие простолюдину заключается в нескольких баранах, лошадях, коровах или капах хлеба, тогда как манап получает в пособие сотни голов скота»¹⁰⁸.

Классовое содержание приобрел обычай гостеприимства — «конок-алуу». На поминки или тризны приглашались многочисленные гости. «В таких случаях, — отмечает Г. С. Загряжский — верховные манапы имели право распределять прибывших гостей между «сородичами» и обязывали их в течение пребывания гостей кормить их и их лошадей, обеспечивать постелью»¹⁰⁹.

Эти приношения считались добровольными только формально, фактически же они существовали как обязательные.

¹⁰⁷ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерк Памирских стран..., стр. 99.

¹⁰⁸ Г. Загряжский. Кара-киргизы. (Этнографический очерк). «Туркестанские ведомости», 1874, № 45.

¹⁰⁹ Г. Загряжский. Киргизские очерки: аш или тризна по умершим. «Туркестанские ведомости», 1873, № 1.

Об этом упоминает М. Венюков: «Вообще манапы получают добровольные приношения и берут штраф с виновных в преступлениях. Нет нужды говорить, сколько тяжелых злоупотреблений ведет за собой такое устройство, корыстному бию или манану открыта широкая дорога для себялюбивой деятельности»¹¹⁰.

Интересны наблюдения по налоговой системе и способе управления в Кокандском ханстве В. В. Вельяминова-Зернова: «Пользуясь титулом кушбеги в значительных пунктах и хакима в местах менее важных получают право брать себе доход и распоряжаться почти неограниченно во вверенных им землях, за то обязаны посылать ежегодно известную сумму денег в казну»¹¹¹.

Во время пребывания Н. А. Северцова в плену у кокандцев один из сановников рассказывал ему о жизни датхи и беков: «датхам и бекам вольготно, делают при нем что хотят, что хотят хану из податей вносят, а то себе берут»¹¹².

По налоговому вопросу ценным источником являются публикации туркестанского ориенталиста Н. Н. Пантусова. В специальной его статье¹¹³ мы находим указание на различные виды податных сборов: «Если в первой половине XIX в. киргизы платили «тюндюк зякет», «алал зякет» и «харадж», то в 50—60-х годах подати достигали более 20 видов»¹¹⁴. О регламентации зякета Н. Н. Пантусов пишет: «С баранов взималась у киргизов 1/40 часть, с рогатого скота 1/30, с лошадей 1/40 (если более 40 лошадей, то с каждой лишней лошади брали по 40 коп.), а с 5 верблюдов — одного барана. Но ханские сборщики старались собирать гораздо больше установленной нормы, так как излишки шли в их карман»¹¹⁵.

«Всего зякета с кочевого населения Маргеланского и Ошского бекств поступало в казну 3500 тилла, из района Науката — 800 тилла, Шарихана, Ассаке и Узгена — 800 тилла. В общей сложности в Кокандском ханстве с кочевого населения собиралось зякета в казну 47350 тилла»¹¹⁶.

¹¹⁰ М. Венюков. Путешествие по окраинам Русской Азии..., стр. 159—160.

¹¹¹ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухаммеда-Али до Худояр-хана..., стр. 345.

¹¹² Н. А. Северцов. Месяц плена у кокандцев. СПб., 1860, стр. 80.

¹¹³ О нем и его трудах см.: Б. В. Лукин. Средняя Азия и дореволюционном и советском востоковедении..., стр. 128—131.

¹¹⁴ Н. Н. Пантусов. Сборы и пошлины в бывшем Кокандском ханстве. «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

¹¹⁵ Там же, № 16.

¹¹⁶ Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине..., стр. 441.

Н. Н. Пантусовым также характеризуется налог «херадж» с земледельческих культур: «Обычно с богарных посевов, так называемых земель «ляльми», взыскивалась 1/10 часть сбора. Херадж взимался с полевых культур: пшеницы, риса, джугары, ячменя, гороха, кунджута, моркови, лука, проса, табака, конопли и хлопка»¹¹⁷.

Подробные данные о количестве сбора хераджа в южных районах Киргизии приводятся также А. Л. Куном: «С Ошского бекства и 20 селений собиралось 24 тыс., а с Аравана и 8 приписных селений — 13 тыс., Науката и 4 селений — 18 тыс. батманов зерна. Всего по Кокандскому ханству в последние годы собиралось 707,5 тыс. батманов, что в переводе на деньги, при средней стоимости батмана от 1 р. 50 коп. до 2 руб., составляло 1514100 руб.»¹¹⁸

Н. Ф. Петровский приводит сообщение одного очевидца о трудовых повинностях в ханстве: «На ханские работы выгоняют тысячи людей; рабочим не только не дают пищи, но и с них берут деньги... если кто-нибудь отклоняется от работы, бывали примеры, что таких людей на самом месте работы зарывали в землю»¹¹⁹.

Некоторые дополнения к этому сообщает и А. Соколов: «Вообще экономическое положение киргизов в то время было плохое, старики с тяжелым чувством вспоминают кокандское правление; поборы и повинности с населения были часты и велики»¹²⁰.

Деспотический режим Кокандского ханства, обременительные налоги вызывали гнев и возмущение трудового населения (киргизов и узбеков), нередко приводившие к кровавым столкновениям.

Вопрос о классовой борьбе в Киргизии и её формах достаточного освещения в трудах русских исследователей не получил. Изучая историю киргизов, все они по сути дела почти не затрагивали темы классовой борьбы. При описании же национально-освободительных движений они больше внимания уделяли их руководителям, не раскрывая движущих сил этих движений. О восстаниях киргизского народа в 1830, 1839 и 1843 гг. некоторые русские источники лишь только упоми-

¹¹⁷ Н. Н. Пантусов. Сборы и пошлины..., «Туркестанские ведомости», 1876, № 17.

¹¹⁸ А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине..., стр. 441.

¹¹⁹ Н. Ф. Петровский. Очерк Кокандского ханства..., стр. 745.

¹²⁰ А. Соколов. Указ. работа.

нают, а о ходе и характере других выступлений имеются лишь очень редкие и скудные сведения.

В. П. Наливкин отмечает, что «наиболее крупным восстанием было в 1845 г. восстание ошских киргизов, на усмирение которых отправился сам Мусульманкул. Он жестоко подавил восстание, множество пленных отправил в Коканд, а сам остался в Оше, чтобы окончательно водворить здесь порядок и повиновение властям»¹²¹. Однако автор не раскрыл побудительных мотивов, хода, движущих сил и причин поражения этого восстания.

А. Нурекин, касаясь диких расправ над киргизами и кипчаками со стороны ханских войск, писал: «Их (киргизов и кипчаков. — А. А.) убивали повсеместно, начиная от Оша и Ак-Мечети до самых отдаленных восточных пределов Коканда, убивали в городах, на базарах, дорогах и кишлаках. Нарочно посылались отряды для их истребления. В результате этих варварских действий в течение трех месяцев было убито более 20 тысяч кипчаков и киргизов»¹²².

Важные сведения по этому вопросу сообщает А. Л. Кун: «Осенью 1857 г. происходили восстания проживающих на Таласе и в западной части Чуйской долины против ташкентского хакима Мирзы-Ахмета и вообще кокандского гнета. Восстание быстро распространилось и повстанцы окружили Аулие-Ата, где находился Мирза-Ахмет. Последний не мог подавить восстание и вынужден был удовлетворить их требования»¹²³.

«Непосредственной причиной восстания в 1858 г., — писал Н. А. Северцов, — послужили незаконные поборы и грабительство кокандских чиновников, особенно ташкентского бека»¹²⁴.

Несмотря на свирепые расправы, народные массы выступали снова и снова, принуждаемые к этому исключительно тяжелым экономическим и политическим гнетом.

«Ранней весной 1871 г., — пишет А. П. Федченко, — все сохские киргизы взбунтовались. Хан послал около 2000 сарбазов (солдат) под начальством главного начальника своих войск Наюба-Атабека... Они проникли далеко в горы, но до киргизов не могли добраться; снега лежали в горах страшные, и они никак не могли пройти по тамошним тропинкам.

¹²¹ М. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства... стр. 161.

¹²² А. Нурекин. Очерк истории Коканда с 1841 по 1864 гг. «Туркестанские ведомости», 1872, № 35.

¹²³ А. Л. Кун. Некоторые сведения о Ферганской долине... стр. 421—422.

¹²⁴ Н. А. Северцов. Месяц плена у кокандцев..., стр. 280—291.

Захватили они 12 киргизов, которые как участники восстания и были казнены в Коканде»¹²⁵.

Самое крупное восстание южных киргизов было в 1873—1876 гг. «Дурное управление, непосильные налоги и поборы, установленные Худояр-ханом ради личного обогащения,—отмечал один из современников,—переполнили чашу терпения населения Ферганы и вызвали волнение прежде всего у киргизов восточной части ханства»¹²⁶.

Восстание ширилось. Восставшими были взяты военные укрепления Касан, Уч-Курган, Сузак, Булак-Баши, Ош и ряд других. Оседлое и кочевое население постепенно примыкало к восстанию. Вскоре в лагерь восставших перешёл ханский отряд в 3000 человек. Напуганный Худояр-хан просил содействия русских войск для усмирения бунтарей¹²⁷. Поэтому царизму ничего не оставалось делать, как подавить восстание в Кокандском ханстве и присоединить его к России.

В национально-освободительных движениях 1873—1876 гг. в Кокандском ханстве принимали участие феодалы, духовенство, мелкие ремесленники, торговцы. Но основными участниками восстания, его движущей силой были трудовые массы. Однако незрелость масс, предательство стоящих у руководства феодалов, а также отсутствие достаточного вооружения и ряд других причин привели к поражению восстания.

Вхождение Киргизии в состав России ознаменовало собой новый важный этап в истории киргизского народа. Хотя трудящиеся киргизы стали испытывать теперь двойной гнёт — со стороны царизма и местных баев-феодалов, одна из важнейших положительных сторон присоединения Киргизии к России заключалась в том, что киргизский народ получил возможность общения с русским народом, его рабочим классом, быстро накапливающим революционный опыт борьбы с эксплуататорами.

Особенно обострились классовые противоречия и классовая борьба в киргизских аилах под влиянием первой русской революции 1905—1907 гг., а также в годы первой мировой войны и восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане.

¹²⁵ А. Федченко. Путешествие в Туркестан..., стр. 96—97.

¹²⁶ Н. П. Корытов. Самозванец Пулат-хан. Ежегодник Ферганской области, т. I. 1902. Новый Маргелан, 1903, стр. 20.

¹²⁷ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии..., стр. 333.

РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ЭКОНОМИКЕ КИРГИЗОВ

1. Сведения о хозяйстве киргизов до вхождения в состав России

Наиболее ранние сообщения в России о хозяйственных занятиях киргизов стали откладываться в архивах и появляться в печати с конца XVIII — начала XIX в.

Первые материалы о хозяйстве киргизов были опубликованы в журнале «Новые ежемесячные сочинения» в 1796 г. в статье И. Г. Андреева. Автор упоминает о кочевьях киргизов, которые «имеют довольно лошадей и скота». Описывая северокиргизские племена, И. Г. Андреев подчеркивал, что они «имеют довольно и обильное хлебопашество», которым «народ сей в летнее время упражняется»¹.

Уже первые сведения отечественных исследователей о наличии земледелия у киргизов дают основание предполагать, что у них было не только чисто кочевое скотоводческое хозяйство, но и полукочевое.

О кочевом хозяйстве южных киргизов и о занятиях их торговлей в начале 80-х годов XVIII столетия рассказал Филипп Ефремов: «Киргизы обитают... между городом Уш и Кашгариею в горах и равнинах кочевьями в небольшом количестве... почти не бывают в Бухарии, ездят часто в Кукан, куда пригоняют для мены овец, быков и верблюдов»². Наблюдения Ф. Ефремова свидетельствуют о меновом характере торговли у киргизов. Это подтверждается и сведениями купцов, побывавших в Киргизии в первой четверти XIX в.

Ездившие в 1800 г. в Ташкент горные инженеры Поспелов и Бурнашев рассказывали, видимо со слов встреченных ими купцов, о торговле киргизов скотом, предупреждали всех об опасности торговли и трудности торговых трасс, пролегавших

¹ И. Г. Андреев. Описание Средней орды киргиз-кайсаков..., стр. 26—28.

² Странствование Филиппа Ефремова... Казань, 1811, стр. 73. В предшествующих изданиях имеются указания только на киргизские кочевья.

через Киргизию. Отмечая пользу непосредственно прямой торговли между Россией и Ташкентом (минуя Бухару), авторы сетуют на то, что караваны в пути постоянно подвержены опасности, «с одной стороны, от черных или называемых диких киргизцов, кои живут в горах поблизости Ташкента, с другой — от киргиз-кайсаков Средней орды»³. Об этом же предупредил и Филипп Назаров, караван которого при возвращении из Коканда в 1814 г. встретил «черных или закамейных киргизцов».

Ф. Назаров говорит о торговле киргизов с соседним оседло-земледельческим населением Андигана, Намангана, Сузака. Здесь они выменивали на скот необходимые товары у земледельцев и ремесленников. Автор оставил описание г. Оша, указав, в частности, на наличие городской торговой заставы, на которой «взимается пошлина с проходящих из Китая и в Китай караванов»⁴.

В дополнении к рапорту, поданному по возвращении из поездки, Ф. Назаров особо подчеркнул, что киргизы обитают в горах Ала-Тоо, где они имеют и свое «хлебопашество»⁵.

Сведения о киргизах нередко основывались на показаниях купцов, записках и маршрутных книжках побывавших там русских людей. Контакты России с Киргизией заметно расширились в первой четверти XIX в.⁶ В прошениях и обращениях купцов к сибирским властям после открытия нового торгового тракта из Западной Сибири через Киргизию в страны Востока часто содержатся сведения о торговле киргизов. Так, из отчетов купцов, освоивших новый тракт в 1813 г. и глубоко заинтересованных в развитии торговли с киргизами, можно сделать вывод, что в первой четверти XIX в. у киргизов преобладала меновая торговля, причем частным эквивалентом взаимобмена при первых личных контактах с местным населением служила шкура лисицы⁷. А это в определенной степени свидетельствует и о распространении у киргизов охоты.

Возвращавшийся в 1813 г. из путешествий по Азии грузинский дворянин Рафаил Данибегашвили (Данибегов) также ос-

³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18541, л. 99; Поездка Поспелова и Бурнашева в Ташкент в 1800 г. с примечаниями Я. В. Ханькова. «Вестник РГО», ч. 1, отд. VI, 1851, стр. 11, 39.

⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, л. 155—156; Ф. Назаров. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии..., 1968, стр. 31, 70—72.

⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, л. 160.

⁶ См.: В. П. Плоських. Первые киргизско-русские посольские связи (1784—1827). Фрунзе, 1970.

⁷ ГАОО, ф. 6, оп. 1, д. 2, л. 13—24.

тавил немало интересных сведений о встреченных им народах, в том числе и киргизах. «Видел я множество различных народов, — пишет он, — как-то: Калмыков, Киргизцев, Козаков...

Главное богатство их состоит в скоте. Скотоводство есть единственное их занятие. В торгу у них деньги не употребляются, но место их заступает мена вещами. Постоянных жилищ здесь вовсе не знают: где найдут хорошую пажить, там со всем скотом и останавливаются. По сему очень часто переменяют места жилищ своих»⁸.

Высказывая общее впечатление о кочевниках, встреченных на пути от Восточного Туркестана до Семипалатинска, Данибегов пишет, что они «не упражняются совсем в земледелии», хотя о занятиях иссык-кульских киргизов хлебопашеством уже сообщалось в более ранних источниках. Он также упоминает об опасностях торговли по данному маршруту. Однако после возвращения из следующей пятилетней поездки по странам Востока (1815—1820 гг.), Данибегов, наоборот, подчеркивает доброжелательное отношение киргизов и казахов: во время «проследования» через их земли «никаких грабежей и притеснений от кочующих ординцев не происходило»⁹.

Описавший новый торговый тракт через Киргизию губернский секретарь-переводчик А. Л. Бубенов в своих записках отметил и некоторые характерные черты хозяйства киргизов. Так, на южном берегу Иссык-Куля в местности Джеты-Огуз он встретил «лесу талового и сенокосных мест довольно, а также и хлебопахотных мест, засеваемых дикими киргизцами просом и ячменем»¹⁰.

Поездка А. Л. Бубенова в 1813 г. в Киргизию дала новые сведения о киргизах, подтвердились и уточнились некоторые сообщения И. Г. Андреева и Р. Данибегова о хозяйстве киргизов. «Сии дикие киргисцы, — доносил по материалам А. Л. Бубенова начальник Сибирской линии Г. И. Глазенап в столицу, — занимаются торговлею, более же хлебопашеством, обитая в обильных местах между гор Алатау и Зауки»¹¹.

Материалы первой четверти XIX в. свидетельствуют о том, что в России уже тогда отличали киргизов от казахов и не только по этнической принадлежности и политическому делению, но и по хозяйству, ибо они «образом своей жизни и обычаями весьма различествуют»¹².

⁸ Путешествия Рафаила Данибегашвили..., 1969, стр. 36—37.

⁹ ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 373, л. 8.

¹⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 24668, л. 170.

¹¹ ЦГИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 454.

¹² Там же.

Данные о хозяйстве киргизов несколько пополнились после поездки в 1821 г. в Киргизию бывшего горного чиновника Лещева. Он имел возможность кое-что узнать о населении и землях, через которые предстоял путь, в дороге расспрашивая «едуших в караване торговцев и киргиз», а потом проверяя эти сообщения на месте. Купцы много говорили о торговле — «промене» — с киргизами, «вымене» у них баранов. На вопросы встречных любопытных купцы отвечали, что их караван направляется «для мены товаров к закаменным киргизцам».

Лещев один из первых сообщает о значительном распространении у киргизов земледелия. На своем пути он встретил киргизские «пашни в большом количестве», посева пшеницы, проса, ячменя и гороха¹³.

Осенью, когда производилась уборка урожая, киргизские бии — Есенаман и его племянники Улджебай и Качыбек — угощали русских посланцев продуктом переработки зерновых культур — «хлебным вином ихнего дела, бузою или брагою, а кто пил кумыз, то кумызом». Следовательно, из пшеницы киргизы умели изготавливать вино; буза приготавливалась из пшеничного толокна. Для размола зерна киргизы имели водяную мельницу на р. Кызыл-Су, «которая начально устроена была татарами, а ныне уже поддерживается самими киргизами», — записал Лещев. Такие мельницы в России называли мутовками, в сутки они намалывали до 30 пудов муки.

Лещев, подчеркивая природные богатства киргизских земель, в частности, пишет, что «в озере Иссык-Куль киргизы сказывают есть большая рыба, которую два человека поднять едва могут»¹⁴. Возможно, это упоминание было связано с рыболовством киргизов, но, как показывают сообщения большинства (хотя и не всех) последующих авторов, киргизы, рыбу не ловили и, как правило, в пищу ее не употребляли.

Очень ценные сведения о хозяйстве иссык-кульских киргизов оставил в 1825 г. уже упоминавшийся Ф. К. Зибберштейн. В его «путевых замечаниях» есть и сведения о кочевом скотоводстве и земледелии киргизов и предложения о расширении русско-киргизской торговли. «Пространство, лежащее на сем проходе, — записал Зибберштейн в дневнике о дороге от Санташа к Иссык-Кулю по междуречью Кара-Су и Джергелан, — вмещает в себе хлебопахотные места, принадлежащие арыкам и билекам»¹⁵. После засушливых полупустынных казахских

¹³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 20648, л. 32—34.

¹⁴ Там же, стр. 33—35.

¹⁵ Киргизские роды арык (арык-тукум) и белек племени бугу.

степей путника поразили киргизские оазисы: «Во всю дорогу нашу я нигде не видывал такого изобилия в хлебе, как здесь! — восклицал «Омского гарнизонного полка лекарь». — Пшеница, ярица, овес, горох и другие произрастания имеют тут самое цветущее состояние»¹⁶. На пути к озеру «по месту ровному и обильному хлебопашеством и другими потребностями» Зибберштейн то и дело встречает киргизские пашни. Все пространство до р. Джуука «избыточествует хорошим хлебопашеством и травами».

Ф. К. Зибберштейн неоднократно подчеркивает кочевой характер скотоводства у киргизов, относя это в целом к племени бугу, в частности, к четырем его наиболее крупным родам: белек, арык, джелден, кыдык. Он — единственный в первой половине XIX в., кто дает очень подробное обозначение многих киргизских кочевий, вплоть до отдельных родов¹⁷.

В приложении к своим путевым заметкам Зибберштейн приводит дорожник караванных маршрутов в Восточный Туркестан и Кокандское ханство, отмечая в нем и пути через кочевья киргизов¹⁸.

Из записок Ф. К. Зибберштейна видно, как нарушалось нормальное ведение хозяйства киргизов разорительными межфеодальными и родовыми усобицами.

Сведения, собираемые русскими путешественниками, служили в первую очередь практическим интересам, в частности развитию российской торговли в Средней Азии. Так, по возвращении из поездки в Киргизию Ф. К. Зибберштейн подает правительству записку об установлении постоянной торговли с Восточным Туркестаном с обозначением караванных трасс и подчеркивает, что территория киргизов, «будучи главным пунктом на дороге, караванами проходящей к Туркеста-

¹⁶ Путевые записки лекаря Зибберштейна..., стр. 241.

¹⁷ Из его записки видно, что от Санташа до р. Джергалан располагались кочевья 3—4 тысяч юрт киргизов рода белек. Западнее их по южному берегу Иссык-Куля и впадающим в него рекам кочевали 3 тысячи юрт киргизов рода арык (арык-тукум) и 2 тысячи юрт рода джелден. По реке Джуука близ караванной дороги, идущей в Кашгар, Яркенд, Аксу и Турфан, кочевало 3 тысячи юрт рода кыдык. Несколько обособленно кочевали киргизы рода танымсеит, хотя и принадлежали к общему племени бугу. В долине Аксай кочевали бугинские киргизы калмак, шопак, абдаши и черик, около перевала Терек-Даван — киргизы рода чонбагыш, от гор Бедаль-Давана до самого Турфана — киргизы рода тыным салты. Упоминаются кочевья барантовавших с бугинцами сарыбагышей. Они кочевали влево от р. Или до границ с Кокандским ханством, на самом кратчайшем пути из Семипалатинска в «Коханию». Путевые записки лекаря Зибберштейна..., стр. 240—251.

¹⁸ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 198.

ну», должна в особенности обратить на себя внимание властей, тем более, что торговля через Киргизию для России, по его мнению, более выгодна, чем по Кульджинскому направлению¹⁹.

Ф. К. Зибберштейн, сам прошедший по уже освоенному новому тракту, опровергает бытовавшее мнение о трудностях и опасностях путей через киргизские кочевья, считая, что они нарочно распространяются купцами. «Будучи в Семипалатинске,— писал Ф. К. Зибберштейн,— я узнал от торгующих азиатцев о трудностях сих дорог, но во время следования по оным через горы Алатавские, откуда уже до всех городов, составляющих линию Туркестанскую, можно дойти ровным путем, я совсем не нашел тех трудностей, какие мне были описаны, а из сего ясно доказывается несправедливость рассеиваемых слухов»²⁰.

Материалы Ф. К. Зибберштейна в свое время опубликованы не были и оставались в размноженных копиях. В описаниях же купцов и в печати все еще продолжали появляться устаревшие и неверные сведения о торговле с киргизами, об опасностях ведущих к ним путей, разноречивые представления о хозяйстве киргизов. Так, в составленном на основании показаний купцов полковником Кемпеном дорожнике (27 ноября 1825 г.) опять-таки отмечалось, что киргизы нередко останавливают караваны и мешают торговле. В то же время, к сожалению, слишком кратко упомянуто о занятиях киргизов. Сказано лишь, что по тракту через Киргизию «места сии незатруднительны водою и кормом изобильны, производится хлебопашество»²¹.

Из сообщений А. Левшина, который лично не был в киргизских кочевьях и писал об условиях торговли в них преимущественно со слов среднеазиатских купцов, вытекает во-первых, что киргизы, вероятно, сами участвовали в торговле; во-вторых, они отражают не критическую передачу сообщений купцов, нередко преувеличивавших грозившие им в пути опасности с тем, чтобы добиться повышения цен на товары и выделения охранных казаков для сопровождения торговых караванов²².

Отрывочные упоминания о хозяйственных занятиях памирских киргизов, а к ним в это время относили и киргизов

¹⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 299.

²⁰ Там же, л. 301—302.

²¹ Архив АН СССР, ф. 2, оп. 1, (1827), д. 8, л. 106—108.

²² А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казацких орд и степей..., стр 19—20.

Алая, отсутствию у них земледелия и разведении яков приводятся в статье видного востоковеда Осипа Ивановича Сенковского. Памирская «равнина», пишет автор, «обитаема только одними киргизами, которые кочуют по ней в небольшом числе улусов..., не зная употребления ни муки, ни хлеба». Они разводят животных «рас» (як? — Б. П.) и лакомятся мясом этого странного животного»²³.

Достоинства высокогорных пастбищ киргизов высоко оценивал известный русский путешественник П. Чихачев. Он пишет, что с наступлением лета суровая природа Памира смягчается, и киргизы прикочевывают сюда на несколько недель. «Они даже выхваляют обилие пастбищ и питательность травы, которая так сочна, что, по словам их, совершенно изнуренную лошадь откармливают на ней менее чем в 20 дней и что овцы весьма часто ягнятся разом двумя ягнятами»²⁴. Обращает на себя внимание сообщение П. А. Чихачева о занятиях киргизов рыболовством — почти единственное упоминание об этом в первой половине XIX в. Чихачев пишет, что киргизы «с успехом предаются рыболовству в озерах» и в верховьях рек²⁵. Позже, у других авторов, мы встречаем неоднократные опровержения того, что киргизы занимались рыболовством.

П. А. Чихачев обращает внимание на одну отличительную особенность памирских киргизов — разведение здесь как основного вида скота яка, «мохнатого животного», ловко пробирающегося по извилистым и угрюмым крутизнам сурового края.

В первой половине XIX в. интересуются киргизами, их политическим состоянием, занятиями и природными богатствами края братья Ковалевские — Петр Петрович и Егор Петрович, П. П. Ковалевский (1808—1855) служил в Сибири, где, «заинтересовавшись историей и современным торгово-политическим состоянием Средней-Азии»²⁶, представил в 1838 г. правительству две докладные записки: «О необходимости учреждения нового края в Средней Азии для распространения Азиатской торговли» и «О возможности успешного действия на народы Азии с образованием нового края в Средней Азии», дополненные ответами на замечания

²³ О. И. Сенковский. Аму-Дарья, стр. 146—147.

²⁴ П. Чихачев. О исследовании вершин Сыр- и Аму-Дарьи..., стр. 20.

²⁵ Там же.

²⁶ Русский биографический словарь, т. 10. СПб., 1903, стр. 29.

генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова (1840 г.)²⁷.

Сведения П. П. Ковалевского о киргизах в основном базировались на материалах Ф. К. Зибберштейна, но, видимо, он имел и другие источники, возможно даже опросные данные. Так, о Семиречье он пишет: «В физическом отношении эта страна весьма богата. Берега рек, ее орошающих, особенно Каратала, Или, Тюпа и других, изобилуют прекрасными сенокосами и даже лесом. Рассеянные по всему краю пашни кочующих киргизов свидетельствуют о плодородии земли. Лес, годный на всякую постройку, с избытком растет по склонам различных хребтов гор, особенно по северному скату хребта Мусс-Таг». Огромные табуны прекрасных лошадей и верблюдов и бесчисленные стада баранов привлекали и с этой стороны к обладанию страной²⁸.

В записке П. П. Ковалевский раскрывает разрушительный характер баранты. Происходит что-то невероятное, когда целое племя, род, иногда и аил нападают на соседей безо всякой причины, с единственной грабительской целью, разоряют аил, уводят скот, что часто сопровождается кровопролитиями. Баранта, по его убеждению, губительно влияет на политическую жизнь и быт киргизов. «Уничтожить это влияние — и этот быт чрезвычайно улучшится!» — восклицает автор, и считает, что это сделать довольно несложно, тем более, что киргизы формально уже признают власть России²⁹.

Разрозненные штрихи о хозяйственных занятиях киргизов оставил в своих литературных трудах и докладных записках побывавший непосредственно в Семиречье и Восточном Туркестане в 40-х и 1851 гг. и Е. П. Ковалевский. От восхищения природой Киргизии, которая, по его словам, «имеет все условия самостоятельного существования»: удобные для хлебопашества места, целые леса диких фруктовых деревьев, горы, еще не исследованные геологами, но несомненно богатые металлом, Е. П. Ковалевский с горечью переходит к описаниям губительных последствий для хозяйства феодальных междоусобиц и баранты³⁰. Киргизы — кыдыки, о которых писал Ковалевский, жили спокойно, хозяйство их процветало: «Они завели сады, которые быстро разрослись на девственной почве; хлеба было много; стада размножились несчетно». Однако неожиданное нападение сарыбагышей,

²⁷ Рукописные фонды ГПБ и М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 356, д. 392—394.

²⁸ Рукоп. фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 356, д. 392, л. 6.

²⁹ Там же, д. 392, л. 5—6; д. 393, л. 10.

³⁰ Е. П. Ковалевский. Встреча с Н. Н... Собр. соч., стр. 230—231.

подстрекаемых кокандцами, положило конец их благополучию: «Кыдыки бежали куда ни попало и гибли тысячами, стада их были угнаны, жатвы вытоптаны, начатки оседлости уничтожены»³¹. Автор подводит читателя к мысли, что основным бичом хозяйственной жизни киргизов являлись междоусобицы. В результате даже при исключительно благоприятных для развития хозяйства природных условиях «здесь так много бедняков, остающихся после какой-нибудь баранты без коня, без одежды, на жертву голодной смерти»³².

Е. П. Ковалевский приложил много трудов для становления торговли России со странами Востока, уделял внимание и налаживанию торгово-экономических отношений с Киргизией. С подписанием в 1851 г. Кульджинского трактата расширялась экономическая связь России с Восточным Туркестаном. Из Кульджи же, как сообщает он, торговые караваны ходят и к киргизам «для мены с ними, как ни опасна эта мена»³³. В одной из записок, поданных правительству, — «Положение наше в Средней Азии и на ее границах» — Ковалевский указывает также на возможные районы новой колонизации. «Иссык-Кульская долина, — пишет он — представляет роскошную местность для поселений»³⁴.

Сведения о хозяйстве и занятиях киргизов земледелием, скотоводством, торговлей наиболее полно к середине XIX в. излагаются в энциклопедической сводке данных о киргизах, составленной, видимо, И. Бардашевым и представленной в географическое общество генерал-губернатором Западной Сибири в 1851 г.³⁵ В ней подчеркивается широкое распространение у киргизов земледелия, которым «занимаются почти все Черные Киргизы, и оно на высшей ступени, чем у киргизов Большой орды. Урожай, даже необильный, удовлетворяет потребностям всего народонаселения». И хотя в данном случае мы имеем дело с явным преувеличением возможностей киргизских земледельческих хозяйств, их значение в общеэкономическом балансе было, видимо, немалым. Киргизские пашни отмечены в окрестностях оз. Иссык-Куль, в долинах р. Чу, Талас, по р. Нарын.

Наиболее распространенными культурами были пшеница, ячмень и просо, из которых киргизы выпекали хлеб, приго-

31 В. П. Ковалевский. Встреча с Н. Н. Собр. соч., стр. 237.

32 Там же, стр. 234.

33 Е. П. Ковалевский. Поездка в Кульджу, стр. 200.

34 Рукоп. фонды ГИБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, ф. 356, д. 86, л. 45—49.

35 Сведения о дикокаменных киргизах..., стр. 140—153.

товляли бузу и даже «водку». Для размола зерна киргизами на горных речках, впадающих в Иссык-Куль, было построено до 25 водяных мельниц.

В упомянутой сводке не только фиксируется занятие киргизов земледелием, но обращается внимание на экономическое неравенство киргизов-земледельцев и подчеркивается принадлежность пашен богатым. Однако в то же время в определенной степени идеализируется положение в киргизском обществе, пронизанном чертами патриархальщины, ибо «бедные не терпят таких нужд, как в других ордах, имея всегда возможность приобрести хлеб от богатых за самый умеренный труд»³⁶.

Основным занятием населения было животноводство. «К разведению огромного скотоводства способствует сама местность: гористое положение страны доставляет кочующим прохладу и здоровый воздух во все летние знойные месяцы». Скот у киргизов (надо полагать по сравнению с казахским) «вообще лучших пород; в особенности рогатый; лошади крепки и привычны к горной езде». Особенно много разводится баранов³⁷.

Промыслы и ремесленные занятия служили подспорьем в натуральном хозяйстве и к ним киргизы прибегали лишь в силу необходимости, удовлетворяя свои простейшие потребности в предметах быта и обихода: «Черные Киргизы другими изделиями не занимаются, кроме войлоков, попон, седел и некоторых необходимых домашних принадлежностей».

Для производства домашних предметов и оружия киргизы архаичным способом и в небольшом количестве добывали железо из черного крупного песка с Иссык-Кульского побережья. Здесь же упоминается о наличии в кочевьях киргизов свинцовых руд, которые, однако, не разрабатывались. Соль, так необходимую в хозяйстве и для скота, киргизы добывали в верховьях рек Нарына и Чу, а также по р. Кетмень-Тюбе³⁸.

Далее говорится, что киргизы занимались охотой, но в очень ограниченном масштабе, что объяснялось якобы трудностью мест обитания дичи³⁹.

Во многих местах сводки уделяется внимание киргизской торговле, подчеркивается ее меновой характер: «Почти все торговые обороты Черных Киргизов ограничиваются меною

³⁶ Сведения о дикокаменных киргизах..., стр. 144, 145, 151—153

³⁷ Там же, стр. 151.

³⁸ Там же, стр. 149.

³⁹ Там же, стр. 150.

своего скота торговцам...». Выясняется, что киргизы торговали с Кашгаром, Россией, Кокандом и Китаем через проходящих из этих стран купцов. На большие суммы выменивались бараны, отправляемые в Коканд. Ходовым русским товаром, находящим спрос у киргизского населения, были ткани, чугунные котлы, кожаная обувь и пр. Однако происходила не только мена товаров. Надо полагать, наблюдался в какой-то мере приток и осадок ценностей в Киргизии, выразившийся в том, что «многие зажиточные люди ежегодно выменивают в Китае слитки серебра, которые не передают торговцам, а хранят у себя»⁴⁰.

«Сведения о дикокаменных киргизах» не преследовали специальной исследовательской цели. Это — информационная работа, и в основном она только фиксирует состояние главных отраслей хозяйства и торговли у киргизов в середине XIX в. Однако в ней появляются и элементы обобщения, стремление как-то осмыслить виденное, дать ему эмоциональную оценку.

Многие последующие авторы в посильной мере лишь уточняли и несколько расширяли данные сведения в основном за счет обращения к другим регионам — Южной Киргизии, Фергане и Восточному Туркестану.

В материалах проведенной в середине XIX в. в России переписи упоминаются и бугинцы. У них на 10 тыс. юрт (т. е. примерно 50 тыс. человек) насчитывалось 100 тыс. лошадей⁴¹.

По опросным сведениям, полученным в 1807 г. от купца Муртазы Феизуддин-Марзяна, Г. Генс вкратце сообщает о торговом положении г. Оша и бедственном состоянии окрестных киргизов. Город Ош ошибочно называется лишь транзитным пунктом на торговом тракте из Кашгара в Туркестан: «В Уше проходящие караваны тюков своих даже и не развязывают: торговли тут никакой не бывает»⁴². Эта неверная характеристика торгового значения города несколько позже была воспринята П. И. Небольсиным⁴³ и закрепились в литературе, хотя другие источники (в частности, даже записки Мир Иззет Уллы⁴⁴) противоречили ей. Информатор Генса, под-

⁴⁰ Сведения о дикокаменных киргизах..., стр. 152.

⁴¹ П. К е л л е н. Девятая ревизия..., стр. 257.

⁴² Г. Г е н с. Дорога из Семипалатинской крепости в Кашгар, Кокан и Ташкент. «Записки РГО», кн. X. СПб., 1885, стр. 349.

⁴³ П. И. Н е б о л ь с и н. Очерки торговли России со Средней Азией..., стр. 349.

⁴⁴ На это впервые обратил внимание А. В. Бунаков в рукописи «Народное хозяйство и социально-экономические отношения в узбекских ханствах перед завоеванием их царской Россией» (1939; Архив ЛОИВ АН СССР, р. II, оп. 6, № 14, стр. 90—91).

черкивая повсеместное занятие местного населения Южной Киргизии земледелием и скотоводством («сеют просо, пшеницу и ячмень», «скота много пасется поблизости города»), отмечал распространение здесь садоводства («фруктов родится много»). В целом автор подчеркивает бедность приишских киргизов, пишет, что «чрезвычайно бедны».

Посетивший в сентябре 1855 г. бугинские кочевья хорунжий Лучшев («конвоировавший в обратную дорогу манана Качибека») во многом подтвердил сведения предшественников, в основном Зибберштейна. Кочевья киргизов рода богу, как отмечал он, расположены близ оз. Иссык-Куль, по обеим сторонам его восточной оконечности. Хлебопахотных и сенокосных мест по речкам много, и они хорошие, близко расположен лес, по большей части еловый⁴⁵.

В опубликованных в 60-х годах, но относящихся к более раннему времени (к 40-м и 50-м годам) материалах Ю. Южакова даже упоминается налог зерном с киргизов, который они вносили на пропитание кокандских гарнизонов. Автор пишет, что еще лет 15 назад чуйские киргизы «обязаны были доставлять в Аулие-Ата и Мерке, а прежде в Токмак и Пишпек до 20000 батманов, в последнее время только 7000 батманов и 14000 снопов соломы»⁴⁶. Это, конечно было возможно лишь при сравнительно широком распространении у киргизов производства зерна.

В документах (июнь 1856 г.) говорится о занятиях рыболовством киргизов Иссык-Куля. Исполнявший дела пристава «киргизов Большой орды» (казахов Старшего жуза) Хоментовский в письме к командиру Сибирского корпуса писал, что в заливах Иссык-Куля очень много рыбы, особенно чебака, и «она составляет большое подспорье в пище киргизам, кочующим по побережью»⁴⁷. Однако в работах последующих авторов, в том числе Ч. Валиханова, подтверждений тому, что киргизы занимались рыболовством, не было.

В заключение можно сделать вывод о том, что в России на основании отрывочных и чаще всего несистематических сообщений русских путешественников по Киргизии конца XVIII — первой половины XIX вв. хорошо знали о кочевом скотоводстве киргизов как главной отрасли хозяйства и сравнительно меньше о земледелии.

⁴⁵ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 348, св. 19, л. 48.

⁴⁶ Ю. Южаков. Наши приобретения в Средней Азии, ч. II. Чимкентский округ. «Отечественные записки», т. 171, 1867, стр. 765.

⁴⁷ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 715, оп. 1, д. 17, л. 172.

Приведенные выше материалы русских авторов первой половины XIX в. свидетельствуют о довольно широком распространении орошаемого земледелия у киргизов как Южной Ферганы, так и Северной Киргизии. Эти же авторы донесли до нас сообщения о некоторых домашних промыслах и охоте у киргизов, о меновой торговле их с соседними государствами — Восточным Туркестаном, Кокандом, а также с Россией. Однако, эти сведения слишком отрывочны, чтобы получить сравнительно ясную картину о хозяйстве киргизов конца XVIII — первой половины XIX вв. Отчеты русских путешественников и купцов, побывавших в Киргизии в первой половине XIX в., в ряде случаев остались в рукописях и не получили широкой известности. Во многом фрагментарные, а порой и противоречивые, они все-таки увеличивали познания современников о далеких среднеазиатских землях и способствовали проявлению более живого интереса к этим районам в середине XIX в.

2. Хозяйство киргизов 50—70-х годов XIX в.

Первой научной экспедицией на Тянь-Шань, собравшей сведения о хозяйственных занятиях киргизов, была поездка сюда в 1856—1857 гг. известного русского путешественника и деятеля Географического общества П. П. Семенова. Несмотря на то, что цель экспедиции заключалась в изучении географии, а отнюдь не в сборе сведений о населении, хозяйстве и быте киргизов, П. П. Семенов не упускал случая, чтобы не отметить характерные особенности из жизни и хозяйственной деятельности киргизского населения.

Мемуары П. П. Семенова, написанные по материалам дневников почти через полвека после путешествия, носят на себе отпечаток более позднего времени. Но конкретные фактические сведения (например, о хозяйстве киргизов и их занятиях) не претерпели изменений. В этом отношении путевой дневник, можно сказать, не был «модернизирован».

П. П. Семенов, как и другие ученые, побывавшие в Киргизии, в первую очередь отмечает «несметные массы кара-киргизских табунов и стад». Отдельные богатые скотоводы имели до 3 тыс. лошадей и огромное количество прочего скота⁴⁸.

Кочевое скотоводство, являясь основной отраслью народного хозяйства, требовало обильных пастбищ и непрерывно-

⁴⁸ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары..., стр. 176, 243, 244 и др.

го циклического передвижения. По свидетельству П. П. Семенова, крупнейший бугинский манап Боромбай из Восточного Прииссыккуля кочевал через Тюп и Джергалан за перевал Санташ на территорию современного Южного Казахстана⁴⁹.

О мобильности скотоводства свидетельствует и приводимый П. П. Семеновым факт быстрых перекочевок и на большие расстояния киргизских хозяйств, передвижений по северному и южному побережью Иссык-Куля, перекочевок на запад, вплоть до верховьев рек Чу и Талас, на Сары-Джазские сырты и верховья Нарына, т. е. на сотни километров. Путешественник особо подчеркивает хозяйственное значение удобных горных перевалов. Так, его приход с русским отрядом на Иссык-Куль закреплял за Боромбаем «владение важнейшим из Тянь-шаньских горных проходов».

Несмотря на то, что Семенов проехал по районам прежде развитого земледелия, он очень мало сообщает о нем. Имеется лишь упоминание о пашнях и садиках манапа Боромбая по р. Заука (Джууку)⁵⁰. Эти сведения контрастируют с сообщениями путешественников первой четверти XIX в. (в частности, Лещева и Зибберштейна) о довольно широком распространении земледелия у киргизов как раз в этой восточной оконечности Иссык-Кульской котловины.

Однако упоминания путешественника о земледелии у киргизов все же дает основания утверждать, что хлебопашество окончательно не было заброшено, несмотря на усложнившееся внутри- и внешнеполитическое положение. На своем пути П. П. Семенов встречал не только пашни и арыки⁵¹, но и киргизские мельницы, что свидетельствовало о том, что занятия земледелием были постоянными и привычными для киргизов. Сам Боромбай имел мельницу на правом берегу р. Джууки; здесь же одна из пещер служила складом для размалываемого зерна⁵². Поэтому манап дорожил местностью Кызыл-Джара и нижней частью Джуукинской долины, где находились его пашни, садики и постройки. «Только по осмотре окрестностей Кызыл-Джара,— записал П. П. Семенов,— я понял, какое значение придавал Бурамбай задуманной мной экспедиции в глубь Тянь-Шаня помимо потерянной им резиденции, по Зау-

⁴⁹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары..., стр. 242—245.

⁵⁰ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары..., стр. 243, 245. В рукописном дневнике П. П. Семенов уточняет, что у бугинского манапа Боромбая было два садика (большой и маленький), разрушенных сарыбагышами. Архив ГО СССР, ф. 58, оп. 1, д. 2, л. 221 — об.

⁵¹ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары..., стр. 254.

⁵² Там же, стр. 268.

кинскому горному проходу. Она возвращала ему родину и благословенные природой земли, бывшие более тысячи лет достоянием его предков, а также чудесные пастбища верховьев Яксарта (Сыр-Дарьи) и Небесного хребта, захваченные его врагами»⁵³.

В качестве торгового эквивалента у киргизов, даже во время сведения счетов после баранты, служил баран. «При подобных расчетах,— пишет П. П. Семенов-Тянь-Шанский,— отношение той или иной ценности к барану, служащему монетной единицей,— быка, коровы, лошади, верблюда и даже человека «черной кости»,— не представляло никаких затруднений, так как определялось обычаем»⁵⁴.

Более широкие и конкретные сведения о хозяйстве киргизов содержатся в выпущенном под редакцией П. П. Семенова-Тянь-Шанского географическо-статистическом словаре России.

Используя личные наблюдения и сведения, почерпнутые из устных источников и уже опубликованных к этому времени статей (словарь издавался на протяжении двух десятилетий, с 1865 по 1885 г.), П. П. Семенов дает полную характеристику скотоводству, земледелию и промыслам киргизов, сообщает о их торговле⁵⁵.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский был первым из крупных русских ученых, посетивших Киргизию, стремившихся определить экономическое значение пастбищ и территорий, пригодных для земледелия и в качестве возможного объекта русской колонизации. В расширении границ Российской империи он в первую очередь усматривал выгоду и пользу для колонизаторской политики русского правительства. В то же время, будучи широкообразованным и прекрасно подготовленным наблюдателем хозяйственной жизни киргизов в середине прошлого столетия, он оставил достоверные и надежные сведения об экономике края, которые историками Киргизии в должной мере все еще не использованы⁵⁶. Свои наблюдения в этом отношении ученый как бы подытоживает в мемуарах следующими строками: «Все четыре мной посещенные и исследованные

⁵³ П. П. Семенов Тянь-Шанский. Мемуары..., стр. 258.

⁵⁴ Там же, стр. 311.

⁵⁵ П. Семенов. Географическо-статистический словарь Российской империи. т. I. СПб., 1865, стр. 595; т. V. СПб., 1885, стр. 165 и др. Поскольку материал о хозяйстве киргизов, отличный от мемуаров, был им заимствован у более поздних авторов и относится к более же позднему времени — 60—70-м и даже 80-м годам — останавливаться здесь на нем считаем нецелесообразным.

⁵⁶ Ш. Кадыров. Зиписки и отчеты русских путешественников..., стр. 38.

долины Центрального Тянь-Шаня (Сарыджаская, принадлежащая к системе рек Ак-су, а следовательно, Тарима и озера Лоб-Нор; долины Кок-Джара и верхней Каркары, принадлежащие к системе реки Или и озера Балхаш; долина верхнего Нарына, принадлежащая к системе Яксарта, или Сыр-Дарьи, а следовательно, Аральского моря) лежат выше пределов лесной растительности, а потому неудобны для земледельческой колонизации.

Наоборот, все четыре поименованные продольные долины Заилийского Алатау (рек Кебина, Чилика, Дженишке и Асы) лежат всецело в зоне лесной растительности, а потому представляют удобство для земледельческой колонизации и в особенности для скотоводства»⁵⁷.

В период присоединения киргизских племен к России в Киргизии неоднократно бывал Чокан Валиханов. Его статьи и заметки содержат очень интересный и, пожалуй, наиболее полный и точный материал о хозяйстве киргизов. Потомок наследственных кочевников соседнего казахского народа, Ч. Валиханов оставил нам яркие и конкретные замечания о киргизском хозяйстве⁵⁸.

Первые сведения о хозяйственных занятиях киргизов Ч. Валиханов дает в дневнике своей поездки на Иссык-Куль в 1856 г., но наиболее подробные и ценные материалы приводятся в его черновой записке о киргизах, начатой во время поездки на Иссык-Куль весной 1856 г. Отдельные детали и фрагменты о хозяйстве киргизов разбросаны и по другим многочисленным статьям, заметкам и черновым наброскам ученого.

Ч. Валиханов подробно описал кочевки киргизов, их занятия не только в северных, но и в южных районах Киргизии.

Обращает на себя внимание повсеместное занятие населения не только кочевым скотоводством, но и орошаемым земледелием. Киргизские кочевья, по сведениям Ч. Валиханова, охватывали территорию всего Прииссыккулья, верховьев Теке-са и Кегена, Чуйскую и Таласскую долины, верховья Нарына и по реке Джумгал, Центральный Тянь-Шань и Южную Фергану, Алайскую долину и Памирское плоскогорье. Очаги земледелия, по его данным, были сосредоточены на южном и восточном побережье Иссык-Куля, в Чуйской долине и Фергане. В целом, следовательно, территория киргизов простиралась от

⁵⁷ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Мемуары..., стр. 335.

⁵⁸ Рассматривавший труды и отчеты Ч. Валиханова с точки зрения источника по истории Киргизии, Ш. Кадыров обратил внимание на то, что из наблюдений Валиханова можно сделать вывод о почти повсеместном занятии киргизов земледелием, хотя в целом и превалировало скотоводство. Ш. Кадыров. Записки и отчеты русских путешественников..., стр. 50 и др.

верховьев Текеса на востоке до Памирского плоскогорья на западе и от Таласской долины на севере до Восточного Туркестана на юге.

Крайними точками кочевания киргизов Валиханов называет даже Бадахшан и Каракорумскую горную цепь. По его данным, 11 тысяч бугинских кибиток имеют кочевья и занимаются хлебопашеством на южном берегу Иссык-Куля; а летом кочуют в верховьях Текеса и Кегена. 10 тысяч сарыбагышских кибиток считали своими пастбища по р. Чу, в восточной части Иссык-Кульской котловины, 15 тысяч кибиток рода солто — на Таласе и в окрестностях Пишпека. Саяки занимали пастбища в верховьях Нарына и Джумгала, черики — на Тянь-Шаньском нагорье и к югу от Иссык-Куля, чонбагыши — по горным отрогам к северо-западу от Кашгара. Род басыз и некоторые другие из того же отдела тогай имели пастбища и пашни к северу от Намангана, в окрестностях Андижана и в верховьях Джумгала. Южные киргизы племени адыгене занимались хлебопашеством в Ферганской долине, около Маргелана и Оша, а на лето поднимались в горы, к югу от Оша и Коканда. Найманы, кипчаки и китай кочевали со своими стадами от Оша по Памирскому плоскогорью до Бадахшана и оттуда по Каракорумской цепи. На этих же пастбищах располагались также ичкилики и некоторые роды из племени адыгене⁵⁹. Ч. Валиханов сравнивает перекочевки киргизского и казахского народов. Если перекочевки казахов в основном проходили на арбах, то у киргизов, которые арб не имели — на вьючных верблюдах и лошадях. Киргизские же бедняки «томаяк... за неимением верблюдов для вьюка и коней для езды, — отмечает Ч. Валиханов, — употребляют для этих нужд волов»⁶⁰.

Скотоводство играло самую существенную роль в жизни кочевника, и Ч. Валиханов неоднократно подчеркивает это. «Кочевой степняк ест и пьет и одевается скотом, для него скот дороже своего спокойствия. Первое приветствие киргиз, как известно, начинается следующей фразой: здоров ли твой скот и твое семейство? Эта забота, с какой наперед семейства осведомляются о скоте, характеризует [быт кочевника] более, нежели целые страницы [описаний]», — пишет Валиханов. Так же приветствовали друг друга казахи. Важнейшим источником народного богатства всех кочевников, по заключению Ч. Валиханова, есть скот, разведение которого составляло «единственный и главный промысел»⁶¹.

⁵⁹ Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. Собр. соч., т. 1, стр. 422.

⁶⁰ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Там же, стр. 331.

⁶¹ Там же, стр. 322.

Киргизы в основном разводили баранов, лошадей, верблюдов и рогатый скот. При этом, подметил Ч. Валиханов, скота у киргизов было меньше, чем у казахов. Поголовье баранов, например, по его словам, у киргизских баев не превышало 3 тыс., а рогатого скота насчитывалось от 50 до 100 единиц. Самый богатый манап имел до 3 тыс. голов лошадей, тогда как казахские богачи имели даже до 25 тыс. голов лошадей. И хотя цифры, приводимые Ч. Валихановым, едва ли можно принять за абсолютно точные, тем не менее не приходится сомневаться, что общее количество поголовья скота у киргизов действительно было ниже, чем у казахов. Ч. Валиханов отмечал, в частности, что у тьянь-шаньских киргизов лошадей очень мало, и они от недостатка зимних кормов и продолжительности зимы к весне настолько истощаются, что едва стоят на ногах⁶². В то же время определить, хотя бы приблизительно численность скота у киргизов, пишет Ч. Валиханов, невозможно. По некоторым же сообщениям, бугинцы, например, имели до 100 тыс. лошадей, 10 тыс. верблюдов, 50 тыс. коров и до полумиллиона голов овец. Следовательно, в середине XIX в. у киргизов на первом месте по количеству стояли бараны. Многие же современные исследователи, начиная с П. Кушнера, продолжают считать, что до вхождения киргизов в состав России у них по поголовью на первом месте стояли лошади и лишь значительно позже стали преобладать бараны.

Ч. Валиханов сравнительно высоко оценивает качество киргизского скота: лошади, хотя и малорослы, но довольно красивы и очень приспособлены к горной езде, бараны — курдючной породы с преобладающей белой нежной шерстью⁶³. Это, видимо, следует отнести к отдельным хозяйствам. Овцеводство в целом у киргизов не было тонкорунным, в нем преобладали грубошерстные породы.

Скот у киргизов, перегоняемый в зависимости от времени года и по мере стравливания пастбищ с одного участка на другой, круглый год находился на подножном корму. Кочевья строго подразделялись на зимние и летние. Так, в частности, окрестности озера Иссык-Куль представляли собой, по словам Валиханова, только зимовье киргизов: «Они сеют тут свой хлеб и до сбора его удаляются в прохладные ущелья, где скот их не беспокоят ни комар, ни овод». Равнины Прииссыккулья летом оставались нетронутыми для зимней тебеневки скота, весенних и осенних прогонов скота. Летними пастбищами служили горы. Лучшими в Прииссыккулье считались пастби-

⁶² Ч. Ч. В а л и х а н о в. Кашгарский дневник I. Собр. соч., т. II, стр. 191.

⁶³ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Записки о киргизах. Собр. соч., т. I, стр. 326.

ща по течению р. Джергалан, которые береглись для зимовки олар⁶⁴. К примеру, зимние пастбища бугинского манана Боромбая располагались вдоль р. Джуука, а летние кочевья — в тенистой долине Каркара и за Текесом, на сыртах Сары-Джаза. Зимние кочевья сарыбагышей начинались от р. Курменты по северной долине Кунгей и простирались до западной оконечности Иссык-Куля и урочища Кутымалды. На лето же они уходили в верховья рек Каскелена, Курты и на р. Чу⁶⁵.

Косвенное представление о характере занятий киргизов дают приводимые Валихановым сведения об обложении киргизов налогами Кокандского ханства. Основной налог был с поголовья баранов — кой-зюкет (с 40 голов 1 баран), баранами брался и тунлик-зюкет — подымная подать (с юрты 1 баран), баранами же налог исчислялся с посевных культур — херадж (с десятины — кирман по 3 барана)⁶⁶. Один этот перечень говорит о широком развитии у киргизов овцеводства. Он же подтверждает, что денежным эквивалентом у киргизов служили бараны.

Хорошо зная условия и характер кочевого скотоводства, Ч. Валиханов своими работами как бы пытается обосновать право владения местного населения обширными пастбищами, а также доказать, что их урезывание может отрицательно сказаться на хозяйстве казахов и киргизов. История Казахстана и начало переселенческого движения подтвердили правоту его предвидения. Самым гуманным Ч. Валиханов считал сохранение у местных народов привычно-традиционной формы кочевого хозяйства и общинного землепользования⁶⁷.

Наряду со скотоводством, сообщает Ч. Валиханов, заметное место в жизни киргизов занимало земледелие, имевшее «общенародное значение». Каждое киргизское хозяйство сеет хлеб, исходя из своих потребностей. Высевали киргизы по преимуществу пшеницу, ячмень, просо. Так, племя бугу, с которым казахский ученый познакомился ближе всего, ежегодно сеяло до 15 тыс. капов (мешков) зерна, получая урожай 150 тыс. мешков. Если принять во внимание, что численность населения племени бугу составляла примерно 50 тыс. человек (10 тыс. юрт, в среднем 5 чел. на юрту или семью), то на одного человека приходилось по 3 мешка зерна, или по 15 мешков на семью. Такое количество зерна (если условно отбро-

⁶⁴ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Записки о киргизах. Собр. соч., т. I, стр. 304.

⁶⁵ Там же, стр. 339—340.

⁶⁶ Там же, стр. 377.

⁶⁷ Д. К а б д и е в. Социально-экономические воззрения казахских просветителей-демократов, стр. 64—65.

сильную имущественную дифференциацию хозяйств и исходить из среднего показателя) в общем-то могло удовлетворить скромные потребности семьи, тем более, что киргизское хозяйство было к тому же скотоводческим и натуральным, в котором все «ограничивается собственным употреблением хозяина»⁶⁸.

Земледелие у киргизов было орошаемое — «посредством ирригации». На речках имелись водяные мельницы. Манапом племени бугу Боромбаем была предпринята безуспешная попытка заняться огородничеством, разведением фруктовых садов, но, как и П. П. Семенов, Ч. Валиханов подчеркивает, что все эти начинания заглохли в междоусобной борьбе с сарыбагышами. На реке Джуука у Боромбая находилось постоянное зимнее стойбище. Здесь были сосредоточены и его основные земельные запашки, здесь же он пытался в свое время разводить виноград⁶⁹.

Ч. Валиханов отмечает подверженность южных киргизов влиянию оседлого узбекского населения Кокандского ханства: «все они занимаются хлебопашеством, многие имеют сады и огороды, и большею частью стоят аулами нередко поблизости городов»⁷⁰.

Указывая на сравнительно широкое развитие хлебопашества у киргизов, начиная с XVII в., Ч. Валиханов считал, что земледелие у казахов получило распространение именно через киргизов. «По рассказам почетных и пожилых ордынцев, — пишет он, — пшеница провезена сюда из Кашгара через дикокаменных киргизов (бурутов), знакомых с пашнею с начала XVII века»⁷¹. Древним очагом земледелия в Северной Киргизии было, в частности, Восточное Прииссыккулье. На Тасме — возвышенности, разделяющей реки Тюп и Джергалан, — Ч. Валиханов встретил остатки старых арыков, валов и рвов, которые, по киргизским преданиям, были сооружены калмыцким ханом Бака-Манджу⁷².

Несмотря на сравнительную давность занятия киргизов земледелием, их агротехника хлебопашества вплоть до середины XIX в. оставалась архаичной, примитивной. Киргизы,

⁶⁸ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр. соч., т. 1, стр. 327.

⁶⁹ Там же, стр. 327, 338—339.

⁷⁰ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр., т. 1, стр. 342.

⁷¹ Географический очерк Заилийского края. Собр. соч., т. III, стр. 24.

⁷² Ч. Ч. Валиханов. Дневник поездки на Иссык-Куль (1856). Собр. соч., т. 1, стр. 267. Следует отметить, что все вообще древности, о которых в памяти народа не сохранилось чего-либо достоверного, киргизскими преданиями чаще всего связывались с калмыками (ойратами).

отмечает Валиханов, пахали землю «посредством особенного рода сохи с деревянным сошником, которая употребляется у всех среднеазиатцев и у китайцев, влекомой верблюдами»⁷³. И земледелие в целом стояло на втором месте.

Ч. Валиханов описывает интересный случай, который почему-то не привлек еще внимания исследователей. «Мы ехали посреди киргизских аулов рода саяк,— пишет он,— везде киргизы пахали землю; главный бий этого племени Осман разъезжал по пашням и разделял (их) на участки для своих киргиз»⁷⁴.

Эти строки побуждают к размышлениям. Во-первых, подчеркивается, что манап племени саяк, был «главный бий», потому он и делил землю. Тем самым указывается на его верховное право на землю. Во-вторых, он делил землю на участки для «своих» киргизов, как бы отдавая ее в частное пользование. Этим самым устанавливается, что киргизские манапы являлись собственниками пахотной земли, но обрабатывала ее зависимая от них беднота. В то же время, видимо, этим правом пользовались не все, а наиболее независимые от кокандцев манапы.

Помимо скотоводства и земледелия немалую роль в хозяйственной жизни киргизов играли домашние промыслы, обслуживавшие насущные нужды неприхотливого быта кочевников. Особенно славилось производство войлоков, «знаменитых своей прочностью». Женщины из козьего пуха выделявали белые колпаки и бурки («кебенек»).

Кроме этих Ч. Валиханов не называет других предметов домашнего производства и ремесел и даже категорически говорит об отсутствии у киргизов таких промысловых занятий, как звероловство, хотя другие путешественники — его предшественники и современники — не раз сообщали об охоте у киргизов. Да и сам Валиханов в другом месте пишет даже о товарном значении охотничьего промысла у киргизов: «Единственное поощрение к звероловству составляет ценность молодых, с кровью, рогов оленя в Китае, как медицинская специфика под названием л у - ж у и». В Кульдже за хороший спелый рог марала платили ямбу (слиток серебра). Рысьи шкуры среднеазиатские купцы оценивали в 5 баранов. Именно поэтому, как пишет Ч. Валиханов, «с некоторого времени в горах

⁷³ Ч. Ч. Валиханов, Кашгарский дневник. I. Собр. соч., т. II, стр. 195.

⁷⁴ Там же, стр. 198; Описание пути в Кашгар и обратно в Алатавский округ. Там же, стр. 256.

начали ставить ловушки и капканы на куниц, мех которых очень выгодно меняют торговцам-татарам»⁷⁵.

Рыболовством киргизы не занимались совсем, лишь «только в виде потехи саблями рубят рыб и колят копьями»⁷⁶. В этом отношении Ч. Валиханов был, видимо, ближе к истине, чем Чихачев и Хоментовский.

Ч. Валиханов торговлю киргизов называет меновой. Она велась в аилах приезжими купцами. Сами киргизы ни в Кульджу, ни в Кашгар, ни в Ташкент скот не пригоняли, несмотря на то, что кочевали очень близко к этим «лучшим торговым пунктам Средней Азии». Как правило, купцы из России, Кашгарии и других соседних государств приезжали в киргизские кочевья на лето или зиму, привозили необходимые в кочевом быту предметы и выменивали их на скот. Причём было широко распространено кредитное ростовщичество. Так, если осенью торговец оставлял товаров на сумму, равную стоимости одного молодого барашка, то весной он взимал плату уже в размере стоимости взрослого барана.

Ч. Валихановым впервые и наиболее полно рассматривается товарообмен киргизов с заезжими купцами, ассортимент привозимых товаров и их стоимость. Торговля в основном была сосредоточена в руках восточнотуркестанских и кокандских купцов. В Намангане, по словам Валиханова, «производят изделия, исключительно потребные киргизам» — бумажный полосатый тик. Кашгарцы привозят бязь, чекмень, машру и турфанский табак. Эти товары находили такой широкий спрос, что купцы за одно лето успевали сделать двойной оборот, получая немалые барыши. Несмотря на притеснения киргизских родоначальников и грабежи, которыми иногда подвергаются эти торговцы, — пишет Валиханов, — ничто не останавливает их предприимчивости»⁷⁷.

В последние годы, отмечал Валиханов, в киргизскую среду стали проникать русские товары, но они не были приспособлены ко вкусам местных жителей, хотя русский ситец, коленкор, а также халаты из кокандских полусшелковых материй находили большой спрос. В то же время потребности киргизов в красной юфти, железной и чугунной посуде удовлетворялись главным образом западносибирскими купцами⁷⁸.

⁷⁵ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Записки о киргизах. Собр. соч., I, стр. 327.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Ч. Ч. В а л и х а н о в. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов... Собр. соч., т. II, стр. 402.

⁷⁸ Там же, стр. 406.

Прежде русские караваны от самого Семипалатинска до Иссык-Куля сопровождали казачьи отряды, а теперь, отмечает Ч. Валиханов, они совершенно безопасно идут до Иссык-Куля и лишь за перевалом Заука (Джууку), уже на территории Восточного Туркестана, нуждаются в охране⁷⁹.

Сами киргизы, как указывает Ч. Валиханов, в торговле не проявляли инициативы. Даже личный скот и продукцию своих промыслов они сбывали в другие районы через посредство тех же приезжих купцов. Впрочем, скоро киргизы стали наниматься провожатыми в караваны, идущие в Кашгар и Коканд.

Ч. Валиханов положительно отзывался о необходимости развивать торговлю в Киргизии, однако идеалистически преувеличивал роль просвещения: «Когда прекратится баранта и хищничество низов смягчится влиянием лучшего просвещения и когда народ познает цену удобства и комфорта, тогда только, может быть, торговля примет другой оборот и множество рабочих рук, которые теперь не занимаются ничем, кроме баранты, станут изыскивать другое средство к существованию»⁸⁰.

Знакомый с более прогрессивной экономикой сибирских районов, Ч. Валиханов старается выяснить причины экономического отставания кочевых районов. Одну из причин он видит, в частности, в широко распространенной среди кочевников баранте, особенно у киргизов.

Таким образом, Ч. Валиханов первым из отечественных ученых и путешественников дал не только описание различных отраслей народного хозяйства киргизов, но поднялся до определенных обобщений, выводов и рекомендаций, критики социальной структуры киргизского общества. Этим он опередил и многих последующих исследователей, интересовавшихся и даже специально занимавшихся изучением хозяйства киргизского народа в XIX в.

Несколько позднее Ч. Валиханова, в конце 50 — начале 60-х годов XIX в., Киргизию посетил М. И. Венюков. Занимаясь рекогносцировкой Чуйского бассейна, он собрал разнообразные сведения и по хозяйству киргизов.

Начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса А. Л. Гинтовт своим предписанием от 10 июля 1859 г. просил Венюкова обратить особое внимание на топографические особенности местности, а также «собрать возможно под-

⁷⁹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. О состоянии Алтышара, или Шести восточных городов... Собр. соч., т. II, стр. 401—402.

⁸⁰ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Записки о киргизах. Собр. соч., т. I, стр. 330.

робные сведения о племенах, живущих в стране соседней по р. Чу и озеру Иссык-Куль: в чем заключается несходство между этими племенами и отличительный характер каждого из них, нет ли у них различия в религии, нравах и обычаях, живут ли они между собой в мире или вражде, что служит этому поводом и кто родоначальник в каждом племени»⁸¹.

В опубликованных позже «Очерках Заилийского края и Причуйской страны» М. И. Венюков подтверждает наблюдения своих предшественников, что «основанием богатства» киргизов, является скотоводство, впрочем, как и у их соседей — кочевых казахов. Однако, по его замечаниям, сделанным независимо от Валиханова, киргизы имели меньше скота, чем казахи. Лишь изредка встречался владелец 1 тыс. лошадей и 3 тыс. баранов. Меньше было и верблюдов. Венюков сравнительно высоко оценивает качества киргизского скота: овцы киргизской породы курдючны, но с более нежной шерстью, чем казахские; лошади низкорослы, но весьма пригодны для езды в горах. Самое богатое скотоводство, и по мнению Венюкова, было (до распрей с сарыбагышами) у бугинцев, имевших одних только лошадей до 100 тыс. голов (о чем сообщал в свое время еще П. Кеппен). В последнее время, отмечает Венюков, они сравнялись с сарыбагышами, хотя еще во многом превосходят все остальные роды⁸².

М. И. Венюков лестно отзываясь о киргизских пастбищах. По Тюпу, Джергалану, Караколу и Джууку «травы очень обильны». На лето киргизы поднимаются в горы, а к зиме спускаются в долины, где трава очень питательна для баранов⁸³.

Упоминает М. И. Венюков и о киргизских пашнях в Восточном Прииссыккулье, Чуйской долине, орошаемых «обыкновенным киргизским способом» — краткосрочными арыками. Хлебопашество, по его мнению, составляет общее занятие киргизов. В частности, он отмечает киргизские пашни в Чуйской долине вблизи Токмака и Пишпека, в Восточном Прииссыккулье — по рекам Тюп, Джергалан, Джуука, по северному и южному побережьям озера, где киргизы сеяли просо, пшеницу, ячмень. Урожай пшеницы — «сам — 15»,

⁸¹ Отдел рукописей ГПБ им. В. И. Ленина (в Москве), ф. 363, М. И. Венюков, к. 7, д. 27, л. 1.

⁸² М. И. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны, стр. 102—103; его же. Путешествия по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868, стр. 156, 160.

⁸³ М. И. Венюков. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кашгар. «Вестник РГО», 1860, ч. 30, стр. 24—25. То же в кн.: Путешествия по окраинам Русской Азии..., стр. 112—113.

проса — «сам—70». Например, только киргизы племени солто и часть сарыбагышей ежегодно выделяли из собранного урожая в виде налогов «на прокормление кокандских войск в соседней стране» до 5,5 тыс. пудов зерна.

Однако в другой статье, написанной позже (не в 60-х, а уже в 70-х годах), автор подчеркивает, в противовес предшествующим сообщениям первой половины XIX в. и даже своему более раннему сообщению, что «хлебопашеством занимаются из них очень немногие, гораздо менее, чем, например, киргизы Большой Орды, и к хлебу народ привык еще очень мало, заменяя его сполна мясом, куртотом и другим продуктам скотоводства»⁸⁴.

Из киргизских промыслов автор называет разработки каменной соли, «совершенно чистой, несколько содержащей горькозема, но довольно годной к потреблению»⁸⁵, в верховьях р. Чу у перевала Кызарт, по дороге на Джумгал. Вслед за Ч. Валихановым М. И. Венюков подчеркивает, что у киргизов «звероловство не составляет промысла». Однако в то же время говорится об охоте киргизов на маралов, лечебные свойства рогов которых широко известны на Востоке, особенно в Китае. Подобной охотой как промыслом занимался известный сарыбагышский манап Ормон. По сообщению М. Венюкова, он специально держал для этой цели несколько искусных стрелков-охотников и «был обязан ей частью своего богатства»⁸⁶. Широко распространена была охота с беркутами на лисиц и куниц. Их меха, хотя и в очень малом количестве, сбывали наезжавшим торговцам.

М. И. Венюкова, как и многих других авторов, удивляет отсутствие у киргизов рыболовства, хотя условия для него прекрасны, особенно много рыбы водилось в Иссык-Куле. Зато немалое место в жизни киргизов, пишет он, занимает изготовление войлоков, отличающихся большой прочностью, шапок, нагаек, седел и т. п.⁸⁷ Особенно широко известны войлоки таласских киргизов, которые делают не только простые

⁸⁴ М. И. Венюков. Общий обзор страны, лежащей к западу от Заилийского края между реками Чу и Сыр-Дарья. СПб., 1867, стр. 68; его же. Путешествия по окраинам Русской Азии..., стр. 160—164; его же. Материалы для военного обозрения русских границ Азии. Рукоп. 1870-х годов. Архив ГО СССР, р. 87, оп. 1, д. 5, стр. 105.

⁸⁵ М. Венюков. Замечания об озере Иссык-Куле и реке Кашгар... стр. 24—25; его же. Путешествия по окраинам Русской Азии..., стр. 112—113.

⁸⁶ М. Венюков. Очерки Заилийского края и Причуйской страны... стр. 109—110.

⁸⁷ Там же, стр. 110—111. Архив ГО СССР, р. 87, оп. 1, д. 5, стр. 105.

кошмы, но и шапки и даже целые бурки, славящиеся и у соседних народов. Женщины ткут грубую материю из верблюжьей шерсти.

По словам М. И. Венюкова, торговля у киргизов ведется с приезжими купцами — ташкентскими, кокандскими, кашгарскими и русскими. Они привозят все необходимые предметы быта и обихода, остаются иногда в киргизских аилах на целый год и вывозят в Коканд, Кашгар, Кульджу киргизский скот. Русские товары обычно сбываются через татарских купцов, причем, как подчеркивает М. И. Венюков, главным образом низкого качества, которые находят плохой спрос в России — простой ситец, коленкор, кожи, металлические предметы и украшения⁸⁸.

В трудах многих путешественников и участников экспедиций 60-х годов XIX в. встречаются отдельные штрихи о хозяйстве киргизов, но это большей частью уже факты, известные по прежним путешествиям, изредка детализированные. Так, А. Голубев, подчеркивая пагубность для нормальной хозяйственной деятельности киргизов баранты, пишет, что киргизы для ее предотвращения и смягчения на особо опасных путях вставляли засеки⁸⁹. Г. Н. Потанин со слов казака Максимова, упоминает уходящий своими отрогами в киргизские земли соляной хребет Туз-Тау, «из которого берут чистую и прозрачную, как хрусталь, соль (каменную)» и вывозят ее в Коканд. Он подтверждает также сообщения о торговле киргизов рогами маралов⁹⁰.

Начальник Нарынского отряда О. Щетинов 10 сентября 1865 г. обращал внимание на то, что «обширные луга и роскошные по своим кормам» долины Нарына с киргизскими пашнями оказались в результате междоусобиц бугинцев и сарыбагышей разоренными и «ником не заняты», и предлагал использовать их в интересах русской колонизации⁹¹.

Эти и подобные сведения не вносят ничего принципиально нового в изучение хозяйственной жизни киргизов начала второй половины XIX в. Однако уже в специальной статье М. Ми-

⁸⁸ М. В е н ю к о в. Очерки Заилийского края и Причуйской страны..., стр. 110—111.

⁸⁹ А. Г о л у б е в. Краткий отчет о результатах Иссык-Кульской экспедиции..., стр. 192.

⁹⁰ Г. П о т а н и н. Показание сибирского казака Максимова..., стр. 66, 72.

⁹¹ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 825, оп. 1, д. 6, св. 1, л. 1.

хайлова о киргизах⁹² вкратце характеризуется хозяйство казахов и киргизов Алатавского округа, кочевавших в окрестностях Иссык-Куля и Восточного Туркестана, причем с такими подробностями, которые отсутствуют у других авторов. Достоинство работы, к сожалению, снижается тем, что автор дает общую характеристику казахско-киргизского хозяйства, не подчеркивая их особенностей и различий. М. Михайлов пишет, что киргизы, как известно, ведут кочевую жизнь, совершая перекочевки в зависимости от состояния травяного покрова. Аил стоит на одном месте от месяца до нескольких дней: «Каждый киргиз вообще старается распределить свои корма так, чтобы хватило их его стадам в течение года, причем вытравлять корм чужих аулов строго воспрещается»⁹³.

Основным занятием киргизов, по словам Михайлова, являются скотоводство, охота и прочие промыслы. Автор сумел проследить и отметить эволюцию в занятии киргизов земледелием. Если раньше, пишет он, земледелием занимались исключительно бедняки, имевшие мало скота, то теперь возделывать поля, огороды и бахчи начали и богатые киргизы, отправлявшие свои стада на кочевки. Торговля все еще представляла «лишь вымен избытка на необходимое»; начали заниматься киргизы и извозом⁹⁴.

Целый свод новых и обширных сведений по экономике края мы находим у известного ученого-естествоиспытателя Н. А. Северцова, прошедшего со своей экспедицией по Тянь-Шаню в 60 — начале 70-х годов прошлого столетия.

Н. А. Северцов составил интересную характеристику высокогорного скотоводства и земледелия киргизов. Его удивило зимовье киргизов рода сару, расположенное по суровым чаткальским берегам. Здесь Н. А. Северцов встретил ограды для скота из натасканного валежника, но жилых помещений не было, отчего он и сделал вывод, что киргизы зимовали на Чаткале, как и в западной части Заилийского Алатау, «в своих летних войлочных кибитках»⁹⁵.

В отдельных районах, по данным Н. А. Северцова, киргизские зимовья лежат на высотах до 2700 м, летние кочевья —

⁹² М. Михайлов. Киргизы. Их роды и родовые подразделения, вероисповедание, нравы, обычаи, домашний быт, занятия, промыслы, нравственное и умственное образование и проч. «Литературная библиотечка», VI. СПб., 1867, стр. 281—291.

⁹³ Там же, стр. 288.

⁹⁴ М. Михайлов. Киргизы..., стр. 288—289.

⁹⁵ Н. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю..., стр. 39.

еще выше: «следы их кочевков есть на Аксае и Атбаше, т. е. на высоте 3300 м»⁹⁶.

Использование высокогорных пастбищных площадей зимой Н. А. Северцов объясняет тем, что в зимнее время они в основном бесснежны⁹⁷. Вообще кочевание у киргизов отличалось особой заботой о пастбищах, экономическом их использовании. «...Киргизы и сарты бережливы на дары природы,— отмечает он,— стараются извлечь большие урожаи с клочков земли, берегут новь для пастбищ»⁹⁸. По дороге от Аксу до Барскауна Северцову бросилось в глаза, что хорошие природные пастбища оставлены не тронутыми. Аилы же ютились по мелким сопкам и долинам, в коротких ущельях-отрогах. Оказывается, киргизы специально не стравливали пастбища по маршрутам длительных перекочевков — «корма у дороги не вытравливаются аульным скотом, а берегутся для перекочевков и караванов»⁹⁹. Это было тем более необходимо, что нередко от стихийных бедствий и эпидемий происходил большой падеж скота. В 1868 г., например, в Токмакском и Верненском уездах от болезней пало более 4/5 рогатого скота¹⁰⁰.

Как во всяком феодальном обществе, лучшие пастбища и места зимовок, равно как и наиболее выгодные земледельческие угодья, являлись объектами посягательства и междоусобиц. Более сильные соседи, например, прилагали усилия для вытеснения более слабых, могущественные феодалы теснили слабейших, а в результате все это отражалось на благосостоянии и экономике рядового скотовода-кочевника или земледельца. Предметом раздоров служили прекрасные летние пастбища Сон-Куля¹⁰¹.

Обильные санташские пастбища почти не использовались, служа как бы нейтральной полосой для киргизских и казахских кочевников, «куда, — как писал Н. А. Северцов, — ни те, ни другие не ходят, избегая столкновений»¹⁰². Прекрасные сенокосные участки между реками Карабалты и Чолак-Каинды оставались никем не занятыми лишь потому, что были слишком открыты¹⁰³. Зато в местах, представляющих хорошее естественное укрытие, часто ютились сразу по нескольку аилов. Так, в верховьях Чу, где «нет ни леса, ни лугов, ни пахотных мест,

⁹⁶ «Известия РГО», т. V, 1869, стр. 95, 210.

⁹⁷ Н. Северцов. Путешествие по Туркестанскому краю..., стр. 374.

⁹⁸ Там же, стр. 169.

⁹⁹ Там же, стр. 175.

¹⁰⁰ Там же, примечания к стр. 114.

¹⁰¹ Н. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 206, 208.

¹⁰² Н. Северцов. О русских поселениях..., стр. 113.

¹⁰³ Там же, стр. 131.

пастбища скудны», тем не менее скапливалось много аилов. Во-первых, на скалах зимний снег не держался, т. е. имелись условия для добывания скотом подножного корма, и, во-вторых, «там есть где спрятаться»¹⁰⁴.

Основными предпосылками для использования пастбищ и пахотных угодий, таким образом, являлось не только плодородие почвы, но и географическое положение края—защищенность местности, неприступность или обособленность от соседей и т. п. Это вело к тому, что и без того экстенсивное кочевое скотоводство и земледелие сдерживались в своем развитии. Искусственно тормозилось развитие производительных сил, в определенной степени консервировались производственные отношения. «Крепкие же местности бугинцев, — писал Н. А. Северцов, — разбросаны по ущельям множества рек, что раздробляет их на множество волостей; каждая с своим ущельем, но из всех ущелий потребности земледелия и скотоводства заставляют бугинцев выходить на обширные общие угодья. Особенно непрерывны и собраны иссык-кульские пашни и зимовки...»¹⁰⁵.

Наблюдательный ученый верно подметил что трудности кочевого быта и недостаточность скота заставляли киргизов обращаться к земледелию: они уже не могут «кормиться кочевой жизнью и вместе с этим занимаются земледелием»¹⁰⁶.

Занятию киргизов земледелием Н. А. Северцов отводит значительно меньше места в своем повествовании, чем скотоводству, но приводимые им данные важны. Сведения о земледелии высокогорного Центрального Тянь-Шаня перекликаются с сообщениями о земледелии и его характере в других районах Киргизии. Н. А. Северцов, называет великолепными пашни высокогорной долины Атбаши¹⁰⁷, упоминает посевы пшеницы Уметалы по Нарыну на высоте 2000 м и более¹⁰⁸, говорит о многочисленных киргизских пашнях по Джумгалу и Таласу. К востоку от Шамсинского ущелья, пишет ученый, «киргизские пашни скопились в две сплошные массы», к западу от р. Шамси до р. Аламеди «они разбросаны мелкими клочками»¹⁰⁹. Пространство между горами и озером Иссык-

¹⁰⁴ Н. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 120.

¹⁰⁵ Там же, стр. 208—210.

¹⁰⁶ Н. Северцов. О русских поселениях..., стр. 103—104.

¹⁰⁷ Н. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 314.

¹⁰⁸ «Известия РГО», т. V, 1869, стр. 96, 210.

¹⁰⁹ Н. Северцов. О русских поселениях..., стр. 122, 124, 135.

Куль в низовьях Джууки и Кызыл-Су было занято сплошными пашнями, по Джеты-Огузу они были уже рассеяны отдельными островками; пашни поднимаются и вверх по р. Аксу и «урожай недурны». А на высоте 5800 или 6000 футов, отмечает Северцов, пшенице и просу уже вредят поздние весенние и ранние осенние заморозки, хотя «ячмень... родится еще недурно». На прибрежной равнине Иссык-Куля урожаи пшеницы, проса и ячменя «весьма хороши», даже «превосходны» и достигают, например, пшеницы — «сам — двадцать»¹¹⁰. Таким образом, по сообщениям Валиханова, Венюкова и Северцова, урожай на киргизских пашнях бывал десяти-, пятнадцати- и двадцатикратный.

Межфеодальные усобицы наложили негативный отпечаток и на распространение пашен у киргизов. К примеру, очень плодородные долины Таласа, Кара-Балты и другие, которые посетил Северцов, использовались далеко не до конца именно потому, что были слишком открыты и легкодоступны для баранты. В связи с этим в роскошной Таласской долине, где соприкасалось пять киргизских родов, использовалось «не более десятой доли пастбищ». Плодородная территория пустовала и представляла собой «нейтральное место»¹¹¹.

Земледелие было повсеместно орошаемое, хотя на Таласе, по мнению автора, возможно, оно «дополнялось дождями»¹¹². Среднеазиатское земледелие требовало «не расчистки, а создания пахотной земли», т. е. проведения оросительной системы. В связи с этим Северцов подчеркивает хозяйственность местных народов, которых природа приучила к расчетливости. Сам Северцов оказался свидетелем проведения магистральных каналов, которые рылись по террасам один над другим и по выходе на поля разветвлялись мелкими рукавами¹¹³. Развитию земледелия у киргизов, как считает Северцов, способствовали «местное приволье, плодородные почвы и лёгкость орошения»¹¹⁴.

Н. А. Северцов описывает киргизское орошение пастбищ. Большим ирригационным сооружениям киргизы предпочитали малые арыки, проведенные из ближайших рек. В связи с этим

¹¹⁰ Н. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 163; его же. О русских поселениях..., стр. 136.

¹¹¹ Н. Северцов. О русских поселениях..., стр. 135.

¹¹² Там же, стр. 136.

¹¹³ Н. С. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 169, 175.

¹¹⁴ Там же, стр. 14.

они часто меняли свои пахотные участки «и 100-десятинная киргизская запашка переходит с места на место на пространстве тысячи и более десятин». Труды издержек такого орошения окупались одной жатвой. Именно лёгкость поднятия нови и способствовала тому, что земледельцы часто оставляли свои пашни в залежь, переходя на новые участки. Такой характер земледелия, по замечанию Северцова, зависел «от редкости земледельческого населения»¹¹⁵.

Сосредоточение киргизских пашен и служило основным мотивом при постройке здесь кокандских крепостей, которые «имели для кокандцев большое значение, потому что господствовали над киргизскими пашнями». Несмотря на то, что природные условия были очень благоприятны для широкого занятия земледелием, как подчеркивает Северцов, «киргизские пашни, хотя и обрабатываются самыми горькими бедняками, которым недостаток скота не дает возможности кормиться кочевой жизнью, но принадлежат не им, а родоправителям, манапам, вообще старшинам и самым богатым и влиятельным киргизам, доставляя им весьма почтенные доходы, между тем как игенчи, рабочие, только что кормятся, ходят в лохмотьях безоружны и пеши»¹¹⁶. Но и игенчи почти не жили на пашнях, уходя летом на ближайшие джайлоо, лишь время от времени навещая свои участки для полевых работ.

Н. А. Северцов отмечает прогрессирующий рост земледелия у киргизов после присоединения к России. В критической статье на работу М. И. Венюкова «Поземельные приобретения и уступки России за 30 лет (1850—1880)» Н. А. Северцов сообщает, что там, где до присоединения к России встречались лишь отдельные пашни, не более 10 дес. каждая, что в совокупности не превышало 500 десятин, через несколько лет, уже в 1867—1868 гг., он встретил «киргизские пашни не сотнями, а тысячами десятин, орошенное пространство за 4 года учетверилось»¹¹⁷. Положительно воздействовали на развитие киргизского земледелия русские переселенцы. Это интересное наблюдение Н. А. Северцова подмечено и в упоминавшейся работе Ш. Кадырова¹¹⁸.

Небезынтересно одно из первых сообщений Н. А. Северцова о простейших способах добычи киргизами железа. Уче-

¹¹⁵ Н. Северцов. О русских поселениях..., стр. 104.

¹¹⁶ Там же, стр. 105.

¹¹⁷ Н. Северцов. Заметки о наших среднеазиатских владениях. «Слово». СПб., 1880, кн. 8, стр. 96.

¹¹⁸ Ш. Кадыров. Записки и отчеты русских путешественников..., стр. 77—78.

ный рассказывает, как киргизы в устье р. Кызыл-Су собирали приносимый иссык-кульским прибором шлих, промывали его на лотках и обжигали на простых кузнечных горнах, «получая из него прямо сталь». Из такого металла выковывали сошники, боевые топоры (айбалты), ножи, сабли довольно хорошего качества. По словам Н. А. Северцова, скопление такого черного шлиха можно было видеть в устьях горных речек, впадающих в Иссык-Куль¹¹⁹.

Незначительны упоминания Северцова о торговле и охоте киргизов: кашгарцы привозят в Киргизские кочевья посуду, чай, серебро, бязь, халаты. Киргизы продают им скот, кошмы, кожи, меха¹²⁰. В числе товаров, предлагаемых киргизами наезжавшим купцам, — лисьи и куньи меха, маральи рога¹²¹. Он называет (со слов Токмакского уездного начальника Г. С. Зягряжского) даже один род — сатыке, основное занятие которого составляла охота («не имеют ни скота, ни лошадей... и промышляют охотой»¹²²). Об искусстве киргизских охотников свидетельствовал следующий факт, приводимый ученым. Во время одного из походов спугнули медведя. За ним погнался киргиз, взятый специально для охоты. Он на скаку выстрелил из фитильной винтовки и ранил медведя, которому пуля сначала только прибавила прыти, но скоро зверь стал уставать. Охотник, не останавливаясь, зарядил ружье, вторым выстрелом еще более замедлил бег медведя, снова зарядил ружье и нагнал зверя. Медведь привстал на задние лапы, но не удержавшись, присел. Слез и киргиз с лошади и положил зверя третьей пулей в сердце.

«Чтобы оценить этот охотничий подвиг вполне по достоинству, — комментирует ученый, — нужно принять еще в расчет, что, кроме заряжения на бегу, нужно еще было для каждого выстрела, все не останавливаясь, высечь огня на фитиль кремнем и огнивом, и затем вправить зажженный фитиль в курок так, чтобы он попадал при спуске курка прямо на полку с порохом; вся эта мешкотная процедура потруднее на полном скаку, чем стрельба из пистонного ружья, — а тот же каракиргиз из своего фитильного ружья убивал на скаку лисиц одной пулей, как я увидел впоследствии»¹²³.

¹¹⁹ Н. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 163.

¹²⁰ Там же, стр. 349.

¹²¹ Там же, стр. 246.

¹²² «Изв. РГО», т. V, 1869, стр. 99.

¹²³ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 197.

В горах у киргизов каждый кашгарский караванбаши имел своих постоянных покупателей и поставщиков скота. Однако междоусобицы и баранты делали торговлю небезопасной. Как, пишет Н. А. Северцов, Уметалы, например, установил своеобразную монополию на торговлю, грабя все караваны, которые шли не к нему, и повышая цены на скот. И купцы должны были с ним считаться, повышая соответственно цены на скот в Кашгаре¹²⁴.

Ознакомление со среднеазиатской торговлей, видимо, сыграло немалую роль и в составлении Н. А. Северцовым совместно с Хлудовым и Первушиным «Проекта Среднеазиатского общества пароходства и торговли» (1870 г.), который был направлен на улучшение и развитие торговли в Туркестане. Однако проект был отклонен властями¹²⁵.

Следует отметить и предложения Н. А. Северцова по реорганизации административно-хозяйственной жизни в Туркестане. Он являлся автором одного из первых проектов «Положения для управления Туркестаном»¹²⁶, которым хотел «только указать, а не описывать те местные особенности, на которых основаны соображения об устройстве края»¹²⁷. В своем проекте, в частности, Н. А. Северцов предлагал спорные дела между киргизами оставить в ведении суда биев (§ 31); дела о баранте, совершенной до 1865 г., — также в ведении биев, но уже под председательством управляющего, а баранту, т. е. хозяйственный разбой и угон скота, после 1 января 1865 г. рассматривать как разбой, подлежащий уголовному суду (§ 32). Эти жесткие меры должны были урегулировать хозяйственную жизнь местного населения и привести к спокойствию и миру в крае¹²⁸.

В «Кратком отчете об исследовании Зачуйского края...» (во время экспедиции Черняева 1864 г.) Северцов в дополнение к «Положению» отмечает наиболее удобные для русской колонизации районы: «...У Пишпека, Аксу, Шиш-Тюбе, Чалдовара, в междуречье Иссык-Ата и Аламедин, в верховьях Таласа»¹²⁹. В последовавшей за ним записке «Предположения о научных исследованиях в Западном Тянь-Шане и их практичес-

¹²⁴ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 348—349.

¹²⁵ ЦГВИА, ф. 400, оп. 1870, д. 35, л. 78—80.

¹²⁶ Проект Положения о Среднеазиатской пограничной области. ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 892-а, д. 8.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/893, д. 15, л. 22.

¹²⁸ Там же, оп. 31/287, св. 892-а, д. 8.

¹²⁹ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 893, д. 15, л. 22.

ких применениях» Северцов в качестве одной из первоочередных задач предлагает определить и изобразить на карте различное достоинство пахотных и пастбищных земель». Особенно, как подчеркивал ученый, «при съемке полезна статистика наличных культур хлебов, кормовых и торговых растений»¹³⁰. Эти мероприятия были проведены, однако, лишь в конце XIX — начале XX вв.

Еще после первых экспедиций 1865—1868 гг. Северцов обработал для туркестанского генерал-губернатора «некоторые из практических результатов экспедиции». Ученый выдвигает два условия для возможной колонизации: первое — «чтобы эти места были свободны, и колонизация произошла бы без стеснения коренного местного населения» (курсив наш. — В. П.) и второе — чтобы они «соответствовали русским хозяйственным привычкам, т. е. были бы обеспечены лесом и дождем для земледелия»¹³¹.

Наиболее благоприятными для заселения районами Н. А. Северцов считал Иссык-Кульское побережье, Верхний Нарын, Атбаши, Верхний Талас и Чаткал, менее благоприятными — земли на Кочкоре, Сусамыре и на Среднем Нарыне — у Куртки. Он рекомендовал строить селения в Тянь-Шане, учитывая, что киргизы благосклонно относятся к русским. В то же время Северцов выступал против уже начавшегося заселения в первую очередь почтовых трактов, которые проложены в удобных для оседлости местах, но большей частью занятых киргизскими пашнями. Это, по его мнению, могло вызвать недовольство местного населения, и он настоятельно рекомендовал осваивать места для колонизации «непременно из не занятых туземной оседлостью», настаивал на своём предложении не утеснять местное население¹³². В этом проявились гуманное отношение Н. А. Северцова к местным народам, некоторый демократизм его взглядов.

Небезынтересны заметки о хозяйстве южных, особенно алайских киргизов А. П. Федченко, посетившего Кокандское ханство в 1871 г. Однако стоявшие курганчи (хутора) с несколькими деревьями, разбросанные кругом поля, между которыми оставлено много залежи, используемой для зимней пастбы скота, — такими предстали перед взором путешественника характерные киргизские поселения Ферганы — Чавай и Ак-Тирык¹³³. «Занятие киргизов в Алае, как и везде, — сооб-

¹³⁰ ЦГВИА, ф. 38, оп. 31/287, св. 893, д. 15, л. 26—27.

¹³¹ Н. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 93.

¹³² Там же, стр. 94, 170.

¹³³ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан. М., 1950, стр. 349.

щает ученый, — скотоводство. За ним идут некоторые ремесла, исполняемые женщинами и не идущие далее потребностей семьи. Земледелие очень не развито, да и то сосредоточено в самой низкой части Алая, начиная от кургана»¹³⁴.

Интересной особенностью сообщений Федченко является его характеристика киргизских перекочевков. На высокогорный Алай (Баш-Алай, или Чон-Алай) киргизы прикочевывали в мае, оставляя его в августе. Алай, очень богатый кормовыми травами, представлял собой главным образом место для летних кочевков, притом исключительно киргизских. Киргизы приходили весной из Ферганы, а на зиму возвращались на невозделанные поля близ оседлых поселений Ферганы. Как заметил Федченко, кочевники в большинстве случаев ходили в горы со своим скотом не вдоль, а поперек главных направлений хребтов. Причина этого заключалась в соответственном расположении зимних кочевий, узких, как правило, кочевых дорог и сравнительно удобных перевалов через хребты. Верховья алайских речек, пишет Федченко, «славятся как превосходные пастбища. Там находятся яйлау, в которых летом сосредотачивается все киргизское население Алая и множество киргиз, имеющих зимовки в Кокандской долине»¹³⁵. Однако из Ферганской долины в Алай имели возможность прикочевывать только более или менее состоятельные киргизы, те, кто имел одnogорбых верблюдов — наров, без которых даже со скудным скарбом кочевника такое большое расстояние через горы пройти было довольно трудно. Скот в основном пригоняли в Чон-Алай. Малая продольная долина — Кичик-Алай — обычно оставалась незанятой. По словам Федченко, это было связано с тем, что киргизы «оставляют траву близ дороги, чтобы было чем кормить скот при обратной перекочевке в долину Ферганы»¹³⁶.

А. П. Федченко неоднократно упоминает о киргизском земледелии на юге. Хлебопашеством киргизы занимались в бассейне р. Сох и в окрестностях Шахимардана. Здесь же он встретил и зимовки киргизов — «группы мазанок с навесами для скота», а в лощине находились неполиваемые поля пшеницы (ляльми)¹³⁷.

На высокогорном же Алае киргизские запашки, сосредоточенные в самой низкой части долины, были невелики, так как

¹³⁴ А. П. Федченко. Путешествия в Туркестан. М., 1950, стр. 371.

¹³⁵ А. П. Федченко. Из Коканда. «Туркестанские ведомости», 1871, № 35.

¹³⁶ Архив АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1, л. 115.

¹³⁷ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, стр. 307.

«высота места,— подчеркивает Федченко,— не позволяет заниматься хлебопашеством». Киргизы высевали здесь в основном ячмень, немного пшеницы, «чтобы получить то небольшое количество зерна, которое нужно им для продовольствия»; они имели даже несколько полей люцерны (дженушки). Все встреченные пашни были «оби», т. е. орошаемые. Ко времени жатвы мужчины с джайлоо спускались к полям, которые располагались в тех же горах, но только ниже, и находились возле них до созревания и уборки хлебов¹³⁸.

Семена для посева поставлялись в основном из Каратегина. Во время пребывания А. П. Федченко на Алае отношения кокандцев с Каратегином ухудшились, киргизы остались без семян, и перед взором путешественника предстало очень много незасеянных полей.

О ремесленном производстве киргизов мы встречаем у Федченко очень скудные и даже несколько противоречивые сведения. Как уже сказано, он писал, что у киргизов имеются ремесла, которыми занимаются женщины и которые не идут далее «потребностей семьи»¹³⁹. В рукописи же о путешествии в Туркестан автор сообщает, что на летовках женщины и дети «пасут скот и занимаются своим хозяйством, работами на продажу, ткнут ковры, например»¹⁴⁰.

А. П. Федченко не высказывает своего мнения относительно мер по улучшению хозяйственной жизни в крае, но своими позитивными сведениями показывает, что при существующем положении, пока, например, Алай находится в составе Кокандского ханства, прогресса в киргизском хозяйстве не будет.

Таким образом, крупными учеными России, посетившими Киргизию в 50—70-х годах XIX в., было сообщено немало интересных сведений о хозяйстве киргизов, о их занятиях скотоводством, земледелием, промыслами и торговлей. П. П. Семенов и Ч. Ч. Валиханов оставили записки о хозяйстве преимущественно иссык-кульских киргизов, М. И. Венюков — чуйских, Н. А. Северцов — киргизов Центрального Тянь-Шаня, А. П. Федченко — южных киргизов, главным образом алайских. В целом на основании их наблюдений складывается впечатление о натуральном хозяйстве киргизов: экстенсивное кочевое скотоводство, часто нарушаемое межфеодальной барантой, некоторое снижение в результате жестоких усобиц

¹³⁸ Архив АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1, л. 113; «Туркестанские ведомости», 1871, № 35; А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан..., стр. 372.

¹³⁹ А. П. Федченко. Путешествие в Туркестан, стр. 371.

¹⁴⁰ Архив АН СССР, ф. 808, оп. 1, д. 1, л. 113.

уровня земледельческого хозяйства киргизов, отдельные виды домашних промыслов и меновой торговли.

Русские ученые и путешественники, побывавшие в Киргизии в период ее вхождения в состав России, интересовались естественными богатствами края, фиксировали хозяйственные занятия местного населения. Развивающийся в России после реформы 1861 г. капитализм нуждался в расширении сферы своей деятельности, требовал сырья для промышленного производства и новых рынков сбыта готовой продукции. Все это вело к расширению торговых связей России со Средней Азией и способствовало изучению ее естественно-сырьевых ресурсов (Киргизии, в частности).

Следовательно, публикации русских ученых о хозяйстве, жизни и быте киргизов в период вхождения их в состав России имели в свое время наряду с чисто научным значением прямой практический интерес. Важно, что многие авторы в меру своих сил и возможностей старались внести те или иные предложения по дальнейшему хозяйственному развитию края, чем в известной степени способствовали зарождению хозяйственных связей между коренными жителями и переселенцами из России.

Для нас их труды, научное наследие, представляет прекрасный исторический источник, содержащий обширные сведения по хозяйству местного населения, дающий яркую иллюстрацию хозяйственных занятий киргизов, источник, отразивший дух мятежной эпохи: неудовлетворенность настоящим, надежду на лучшее будущее.

3. Киргизское хозяйство последней трети XIX в.

С вхождением Киргизии в состав России хозяйство местного населения продолжало развиваться по определенным веками отраслям — скотоводство, земледелие, промыслы. В то же время на развитии хозяйства киргизов заметно начинает сказываться влияние переселенцев. Местное население переходит к заготовке сена, деревянную соху теснят металлический плуг, скотоводство и земледелие приобретает черты товарности, домашние промыслы постепенно перерастают в ремесло и мелкотоварное производство. Появляются зачатки промышленности. Все это было результатом влияния расширяющегося российского капитализма, который наряду с прогрессивными чертами в развитии экономики в хозяйство киргизов принес новые методы жестокой эксплуатации. В развитых районах резко усилилась классовая дифференциация.

Исследователи последней трети XIX в., в какой-то степени занимавшиеся изучением киргизского хозяйства, не сумели в полной мере вскрыть сущность и характер изменяющегося под влиянием российского капитализма хозяйства местного населения. Правда, они констатировали ряд отрицательных факторов однобокого развития экономики, однако критика их была осторожной, с позиций помещичьей или буржуазно-либеральной идеологии.

В периодической печати, в материалах для статистики Туркестанского края, в отдельных книгах мы встречаем более или менее обширное число публикаций авторов, в той или иной степени обращавшихся к рассмотрению истории хозяйства киргизов. Среди них публикации Г. Бардашева, Г. С. Загряжского, И. В. Мушкетова, А. Ф. Миддендорфа, В. П. Наливкина, Л. Ф. Костенко и др.

Как уже указывалось, сведения Ив. Бардашева (в статьях за подписью г. Бардашев) были использованы П. П. Семеновым в ряде статей о Киргизии, помещенных в «Географическо-статистическом словаре». Архивная записка Бардашева «Сведения о дикокаменных киргизах»¹⁴¹, составленная после вхождения северных киргизов в состав России, в систематизированном виде сообщает о хозяйстве киргизов и несколько перекрывает в этом отношении аналогичные сведения опубликованной под этим же названием статьи в «Записках РГО» (кн. V, 1851) и даже других, более поздних публикаций 70-х годов¹⁴².

Характеристика Бардашевым киргизского скотоводства, земледелия, промысловых занятий и торговли перекликается с характеристикой Ч. Валиханова, что дает основание предполагать, что они использовали материалы друг друга. У Бардашева мы встречаем, например, ту же характеристику киргизского хозяйства, что и у Ч. Валиханова: «Первый источник народного хозяйства... есть без сомнения скот... Хлебопашество — общее народное занятие».

Называя в качестве основного занятия у киргизов скотоводство и земледелие, Бардашев указывает и на другие отрасли. Из домашних «произведений» автор отмечает производство войлоков, а торговлю считает меновой и только внутренней¹⁴³.

¹⁴¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (1), л. 1—32.

¹⁴² Г. Бардашев. Сведения о дикокаменных киргизах. «Туркестанские ведомости», 1870, № 15; его же. Заметки о дикокаменных киргизах. Мат-лы для статистического описания Туркестанского края. Ежегодник, вып. III. СПб., 1874, стр. 384—390.

¹⁴³ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18551 (1), л. 21—23.

Автор неоднократно подчеркивает принадлежность пахотных земель богачам: «Бедные люди не имеют своих пашен, но, нанимаясь в услужение к богатым, получают в лето за работу зернового хлеба от 4 до 6 мешков»¹⁴⁴. А известный манап Бормбай ежегодно собирал зернового хлеба столько, сколько вмещалось в 10 юртах, которые ставились внутри специально построенной крепости — кургана. Его Кызыл-Курган, возведенный, по сообщению Бардышева, в 1843 г., должен был служить как для сохранения имущества во время междоусобиц, так и для защиты караванов от грабежей¹⁴⁵.

Киргизы в середине XIX в. вынуждены были производить хлеб не только для собственного потребления, но и для снабжения гарнизонов кокандских крепостей. В рукописной записке, составленной в 1859 г.¹⁴⁶ Бардашев называет количество хлеба, поставляемого киргизами кокандским крепостям Чуйской и Таласской долин. Так, киргизские орды сарыбагышей (Уметалы, Тюрегельды и Джантая) должны были поставлять Токмакскому гарнизону ежегодно до 50 батманов¹⁴⁷ пшеницы и проса (т. е. 7,5 т). Для прокорма более значительного пишпекского гарнизона, состоящего из 250 сарбазов (пеших) и 150 сипаев (конных), киргизы племени солто поставляли около 500 батманов пшеницы и проса (т. е. примерно 75 т зерна). На снабжение небольшой крепости Мерке около 100 батманов зерна собиралось с казахов и 200 батманов — с киргизов. В крепость Аулие-Ата, гарнизон которой достигал 1000 человек, казахами и киргизами помимо тысяч голов скота и другого провианта поставлялось до 10000 батманов пшеницы и проса¹⁴⁸. При этом, как отмечает Бардашев, киргизы повсеместно несли подворные повинности: бесплатно перевозили продовольствие и воинские припасы в крепости дважды в год: в начале весны и осени¹⁴⁹.

Ознакомление с положением дел в Киргизии привело Бардашева к выводу, что «сборы зякета и злоупотребления сбор-

¹⁴⁴ Г. Бардашев. Сведения о дикокаменных киргизах. «Туркестанские ведомости», 1870, № 15; То же. Мат-лы для статистического описания Туркестанского края. Ежегодник, вып. III. СПб., 1874, стр. 384.

¹⁴⁵ «Туркестанские ведомости», 1870, № 15.

¹⁴⁶ Расспросное описание путей, лежащим от укрепления Верного через Пишпек в Ташкент, Коканд, Наманган, и прочим лежащим на этих путях военным крепостям, составленное переводчиком, состоящим при начальнике Алатавского округа и киргизов Большой орды, коллежским регистратором Бардашевым в 1859 году. ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 11, св. 1.

¹⁴⁷ Батман — 9 пудов 24 фунта, т. е. примерно 1,5 ц.

¹⁴⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 11, св. 1, л. 17—22.

¹⁴⁹ Там же, л. 22.

щиков... несправимы»¹⁵⁰. Однако после присоединения киргизов к России Бардашев сам уже ратует за увеличение налогового сбора. В записке 70-х годов он, в частности, предлагает жесткие меры для устранения «нераспорядительности» волостных управителей, которые не досдали налог, якобы потому, что «совсем не включили в исчисление кибиток бедняков и потому вовсе обошли их сбором»¹⁵¹.

Более интересные статистические сведения мы встречаем у местного чиновника Г. С. Загряжского.

Имея возможность видеть и конкретно оценить естественные богатства Киргизии, Г. С. Загряжский считал очень хорошими здесь луга и пашни. По мнению самих киргизов, как пишет автор, у них достаточно летовок и зимовок, но не в излишке. Поэтому каждый род и отдел имеет свой определенный участок, обозначенный какой-то речкой или направлением щели. Здесь же делались и запашки. Каждый род ревниво следил за тем, чтобы никто чужой не занял их территорию. Общее направление кочёвок чуйских киргизов: зимой в предгорьях (а богатые — в камышах по р. Чу), весной и осенью — возле пашен, летом — по вершинам гор, где прохладно, нет оводов и хорошие травы.

Загряжский, как и его предшественники, считает, что у киргизов скота значительно меньше, чем у казахов. Автор объясняет это тем, что казахи раньше приняли российское подданство, а киргизы «только с недавнего времени пользуются спокойствием, отдыхают от баранты и мусульманской власти»¹⁵². И все же лошади на ночь собирались вместе, за исключением дойных кобылиц, и около юрт сгоняли и огораживали прочий скот. Причем огораживание скота на ночь было чисто женским делом¹⁵³.

Как пишет Загряжский, киргизы до вхождения в состав России кочевали большими аилами, хозяйств в 200 и даже более. На случай внезапной барнты пастухи были вооружены и ходили в табуны в большом количестве. Кочеванием распорядился и регулировал пастбищепользование аксакал аила. Загряжский сообщает, что это был «старший из юртовладельцев», хотя известно, что аксакальство определялось не столько возрастом, сколько социальным положением. От аксакала

¹⁵⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 3, оп. 1, д. 11, св. 1, л. 36.

¹⁵¹ Там же, ф. и. 825, оп. 1, д. 20, л. 1.

¹⁵² Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 9—10.

¹⁵³ Г. С. Загряжский. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 30.

зависел выбор места для кочевки, время перекочевков: «Он — начальник аула и часто судья в нем»¹⁵⁴. Это в отношении мелкой аильной администрации. Крупные же феодалы — мананы — еще в большей степени сосредоточивали в своих руках распоряжения пастбищепользованием и его регулирование. Автор приводит пример: при перекочевках никто не смел раньше крупнейшего кетмень-тюбинского манана Рыскулбека «трогаться с места и идти вперед его стад»¹⁵⁵.

Интересно описание им распределения работы по уходу за скотом (на примере чуйского племени солто). Во-первых, за скотом ухаживали все, без различия пола и возраста, во-вторых, имелось и строгое распределение занятий. Так, пожилые мужчины устраивали и очищали загоны, молодые люди поили лошадей, баранов, верблюдов, женщины доили скот и следили за молодняком, занимались переработкой молочных продуктов¹⁵⁶.

Таблица 1

Волость	Хозяйства, имеющие 100 баранов, 20 лошадей, 5 верблюдов, 5 коров	Хозяйства, имеющие более 10 баранов, 2 лошади, от 1 до 3 верблюдов, 1—3 коровы	Хозяйства, имеющие менее 10 баранов, 0—2 лошади, 0—2 верблюда, 1—3 коровы	Хозяйства, вовсе не имеющие скота
Багышевская	250	665	536	27
Толкановская	205	786	837	25
Султинская	219	967	807	87
Булекпаевская	208	456	435	63
Гынаевская	269	390	501	39
Темирбулатовская	391	343	423	63
Сарыбагышевская	297	561	493	34
Исангуловская	505	515	465	21
Бурукчинская	456	415	167	13
Нарынская	647	296	127	7
Итого по названным волостям	3453	5394	4691	379

¹⁵⁴ Г. Загряжский. Кара-киргизы (Этнографический очерк). «Туркестанские ведомости», 1874, № 30.

¹⁵⁵ Г. Загряжский. Заметки о народном самоуправлении у каракиргиз.

¹⁵⁶ Г. Загряжский. Быт кочевого населения долины Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 30.

¹⁵⁷ Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10.

Г. С. Загряжский едва ли не впервые в киргизоведческой литературе использует официальный статистический материал по хозяйству киргизов, основанный на годовых уездных отчетах.

Нам кажется небезынтересным воспроизвести таблицу из публикации Зягряжского, поскольку она является, по-видимому, первой из опубликованных в печати статистических таблиц, характеризующих хозяйство киргизов /1869 г. см. табл. 1/.

В процентном отношении перед нами предстает следующая картина — 3,07% совершенно обнищавший класс крестьянства, люмпен-пролетариат айла, 33,5% бедняцких хозяйств, 38,45% середняцкого дехканства и 24,6% — зажиточного. Из приводимого процентного соотношения хозяйственной состоятельности киргизов Токмакского уезда видно также, что киргизское крестьянство в 60-х годах еще в значительной мере имело слабую социальную дифференциацию, которая с углублением колонизаторской политики в крае будет все более расти и усугубляться. Если к тому же учесть, что хозяйство было натуральным и на продуктах названного поголовья скота должно было существовать семейство /как минимум 5, а иногда и до 10 членов/ на протяжении целого года, заботясь еще о воспроизводстве скота — перед нами предстает довольно неприглядная картина благосостояния подавляющей массы киргизского населения /75%/.

Даже Г. С. Загряжский, начальник Токмакского уезда, вынужден был это признать. «Нельзя сказать, чтобы числа эти были особенно благоприятны для народа пастушеского, у которого все богатство состоит в скоте...», — писал Загряжский, характеризуя средние показатели хозяйственного благосостояния киргизов Токмакского уезда.¹⁵⁸

Его вывод не оригинален, но показывает оценку бедственного хозяйственного положения киргизов даже представителями официальных колонизаторских кругов. «Благосостоянием кара-киргизы не отличаются; напротив, между ними очень много бедных...», — писал Г. С. Загряжский. А полная зависимость от стихийных сил природы, усугубляемая феодальными и родо-племенными усобицами, ставили благосостояние кочевника в зависимость от случая, который мог только ухудшить положение. «Нагрянула беда, обрушилась на киргизском скоте, напр. под видом падежа, гололедицы /джута/, баранты — горе и хозяину». Такая зависимость жизни кочевника от скота,

¹⁵⁸ Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10.

подчеркивал Зягряжский, нашла отражение в языке и способах выражения мыслей киргизами, которые приветствие начинали не с вопроса о здоровье при встрече, а с вопроса о здоровье и состоянии скота.

Говоря о скотоводстве как ведущем занятии, превалирующим над другими отраслями хозяйства, Загряжский в то же время приводит материалы, свидетельствующие и о сравнительно распространенном занятии киргизов земледелием, хотя считает, что народ «земледелием занимается очень мало».

Обратимся к приводимым им же цифрам. Во-первых, он пишет, что социальную прослойку беднейших киргизов, «которые живут при пашнях и состоят при богатых людях в качестве разных работников и прислуг», называли джатаки и игенчи. И таких среди киргизов Токмакского уезда было 36,95%. Во-вторых, большинство рядовых скотоводов, хоть и откочевывали на лето в горы на джайлоо, в определенной степени были связаны и со своими пашнями, располагавшимися у зимовок. Чистые же кочевники, «т. е. имеющие скота столько, что не могут стоять долго на одном месте, а постоянно нуждаются в летовках, зимовках, осеневках и которые не держатся близ пашен», — писал Загряжский составляли небольшой процент. Так в Багишевской волости их было всего 13,93%, в Толкановской — 15,09%, Султинской — 18,06%.¹⁵⁹ При этом не следует сбрасывать со счета тот факт, что хотя названные хозяйства сами не были привязаны к пашням, они могли оставлять там своих работников — игенчи и джатаков. Из посемейных списков юртовладельцев Токмакского уезда за 1886 г. видно, что, например, в Темирбулатовской волости все без исключения хозяйства производили посевы зерновых, площадь которых колебалась /в зависимости от мощности хозяйства/ в среднем от 1 до 4 четвертей¹⁶⁰.

Личный наем у киргизов, по наблюдениям Загряжского, производился для домашних услуг, для земледельческих работ и присмотра за стадом. Причем все виды найма, отмечал исследователь, производились только словесно, как при свидетелях, так и без них¹⁶¹.

Интерес представляют и данные, приводимые Г. С. Загряжским, о количестве скота у киргизов по его видам, что позволяет, на наш взгляд, окончательно решить вопрос о преобладав-

¹⁵⁹ Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 10.

¹⁶⁰ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 3, д. 39, л. 31 и сл.

¹⁶¹ Г. Загряжский. Юридический обычай киргиз; его же. О народном суде... В кн.: Мат-лы для статистики, вып. IV, стр. 187, 189.

шем виде скота и в предшествующий период (поскольку большинство русских исследователей утверждали, что характер скотоводства, количество поголовья скота и его видовой состав в первые годы после присоединения к России не претерпели изменения и были такими же, как и в предшествовавшие годы кокандской зависимости).

Бесспорное преобладание по количеству поголовья было за баранами, на втором месте оказывались лошади и на третьем — четвертом — верблюды и коровы. В среднем поголовье баранов по волостям в 5 раз было большим, чем лошадей.

Как бы подытоживая свои данные о скотоводстве и земледелии у киргизов Г. С. Загряжский сам отмечал их неполноту и относительность. «Сообщая кое-какие сведения из Токмакского уезда, — писал он, — я должен оговориться, что эти сведения очень неполны и отрывочны. Напр., здесь не разъяснена связь скотоводства и земледельческих угодий, как в отношении качества, так и в количестве земель»¹⁶². Однако, его материалы, принесли определенную пользу и послужили отправными при последующих исследованиях.

В работах Г. С. Загряжского имеются отдельные заметки о промыслах и ремесленном производстве у киргизов. Ввиду большой потребности скота в соли, сообщает он, киргизы добывали ее в горах и вывозили на пастбища¹⁶³. Существовало деревообделочное производство, производство по изготовлению юрт, металлических изделий. В то же время, как ошибочно сообщает автор, киргизы якобы не знали добычи металла из руды, но покупая железо у приезжих купцов, изготовляли для своего обихода простейшие металлические предметы¹⁶⁴.

Не имея точных цифровых данных о торговле киргизов, Г. С. Загряжский тем не менее уже был в состоянии определенно заявить, что торговый оборот киргизов, в частности Токмакского уезда, с азиатскими купцами намного превосходил размеры торговли с Россией. «Весь товар, который приходит к нам из ханства, — писал Загряжский, — обменивается на скот, и из него только часть идет на приобретение русских ситцев, казанов, деревянной посуды и других изделий железных. Для

¹⁶² Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 9—10.

¹⁶³ Г. С. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 9—10.

¹⁶⁴ Г. Загряжский. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 32.

уплаты подати киргизы ежегодно также продают до 33 тыс. баранов. Скот уходит частью в Петропавловск, куда гонят его татары, но большая часть идет на базары больших городов Средней Азии»¹⁶⁵. О купцах-киргизах Загряжский не упоминает и сообщает, что почти вся торговля в Киргизии находилась в руках «сартов и татар» — купцов Кашгара, Кокандского ханства, Ташкента и Аулие-Аты¹⁶⁶. Говоря о характере киргизской торговли, он пишет, что «для белой кости считается обидой предков заниматься торговлей». Беднота же не имела средств для этого. Мена и продажа у киргизов производились также на основании обычая, словесно. Без каких-либо записей происходили займы как денег, так и товаров, скота¹⁶⁷.

Сообщая о зякете и сменивших его новых торговых пошлинах, Г. С. Загряжский выступает как сторонник прежних методов торгового обложения, т. е. зякета, который по своим размерам приносил бы в казну на целую треть больше средств, да к тому же, по мнению автора, среднеазиатские купцы зякет «лучше... понимают и считают более справедливую податью»¹⁶⁸.

Основываясь на знании хозяйства местного населения, народных киргизских обычаев и мусульманского права, Г. С. Загряжский в 1869 г. представил в Семиреченское областное правление свои соображения о целесообразности введения в крае частной земельной собственности. Записка ставила целью содействовать развитию торгового земледелия и частнокапиталистической инициативы в горной промышленности.

Г. С. Загряжский предлагал принять следующие положения:

1. Земля принадлежит тому, кто ее оживил, проведя новый арык, возобновивши старый, или же стал пользоваться естественною водою там, где ее прежде не употребляли для обработки земли.

2. Лицо, оросившее землю, приобретает ее в свою собственность только тогда, когда оно возделывает ее три года сряду.

3. Земля переходит в собственность того, кто заведет на ней сад, обнесет свой участок оградой, построит дом, посеет клевер и т. д.

¹⁶⁵ Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 9—10.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Г. Загряжский. Юридический обычай киргиз; его же. О народном суде..., стр. 185.

¹⁶⁸ Г. Загряжский. Очерки Токмакского уезда. «Туркестанские ведомости», 1873, № 9—10.

4. Кто приобретет землю со старым орошением от туземцев-собственников.

5. Разрешить свободный труд горнопромышленникам, наделая их нужным количеством земли около прииска¹⁶⁹.

Однако эти предложения, предусматривавшие ускорение капиталистического развития в крае, не были одобрены общим присутствием Семиреченского областного правления¹⁷⁰, не вошли ни в последующие проекты об управлении Туркестанского генерал-губернатора.

В целом Г. С. Загряжский своими конкретными и во многом новыми материалами, ценными статистическими сведениями открывал новую страницу и положил начало статистическому исследованию хозяйства местного населения.

Подобного же рода материалы, но уже по Иссык-Кульскому уезду, приводятся и в статье А. Чайковского¹⁷¹. Будучи начальником Иссык-Кульского уезда, Чайковский, как и Загряжский, имел возможность использовать в своей статье официальные данные и более или менее конкретно осветить хозяйство киргизов Прииссыккуля. По его сведениям, у киргизов на одно хозяйство в среднем приходилось в уезде: верблюдов—0,5, лошадей—8,2, рогатого скота—1,1, баранов—34,8¹⁷². Правда, автор тут же пытается оговорить условность среднего показателя, подчеркивая, что «между киргизами богатство скотом распределяется неравномерно», однако в целом приведенные им показатели высоки именно за счет неучитывания резкой имущественной дифференциации кочевнических хозяйств.

Для большинства киргизских районов было характерно описанное им использование высокогорных долин. Так, например, Текесская долина в течение двух летних месяцев — июня и июля — служила пастбищем для скота всего киргизского населения уезда. В августе, сентябре, октябре долина пустела. Киргизы откочевывали к озеру Иссык-Куль для уборки хлебов, а в это время травы в долине вновь поднимались. В ноябре почти половина всех лошадей Иссык-Кульского уезда вновь перегонялись на Текес, который из-за отсутствия здесь больших снегов использовался уже как зимнее пастбище.

¹⁶⁹ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 64, оп. 1, д. 3, л. 4.

¹⁷⁰ Там же, л. 7—13.

¹⁷¹ А. Чайковский. Иссык-Кульский уезд в 1869—1871 годах. «Туркестанские ведомости», 1872, № 42, 44, 45.

¹⁷² Там же, № 44.

В официальном отчете за 1868 г. Чайковский приводит численность населения и поголовья скота у жителей. По его данным, русских переселенцев в 1868 г. в Иссык-Кульском уезде было всего 75 человек (исключая воинские подразделения), киргизов — 56 тысяч. Лошадей в уезде насчитывалось до 100 тыс., баранов — до 300 тыс., верблюдов — до 10 тыс., крупного рогатого скота — до 80 тыс. голов. Однако эпидемия чумы, пронесшаяся в августе, буквально опустошила уезд. Особенно много пало крупного рогатого скота, осталось его лишь 13—13,5%¹⁷³. Тем не менее вскоре поголовье скота даже существенно возрастает. Уже в 1877 г. в Иссык-Кульском уезде только в киргизских волостях было: лошадей — 186423 головы, рогатого скота — 92985, овец — 625765, верблюдов — 7449; всего в уезде имелось 189951 лошадь, 98209 голов рогатого скота, 629188 овец, 8069 верблюдов, 2450 свиней и 483 осла¹⁷⁴.

Цифры, приводимые начальником уезда, представляют определенный интерес, поскольку статистических материалов за этот период почти не встречается. Однако полностью им доверять нельзя, так как, во-первых, специального обследования не проводилось, во-вторых, начальнику уезда всегда выгоднее показать свое правление в наиболее благоприятном свете.

А. Чайковский называет основные места расположения киргизских запашек и указывает урожайность зерновых. По его сообщению, пахотные земли в Иссык-Кульском уезде сосредоточивались по долинам рек, впадающих в озеро, и по предгорьям. Ранее, в 50-х годах, имелись пашни и в Текесской долине¹⁷⁵.

Земледелием киргизы занимались лишь для удовлетворения своих потребностей, засевая в среднем на хозяйство пшеницы 1 кап¹⁷⁶, ячменя — 0,2 капа и проса — 0,5 пуда. Зерно мололи на водяных мельницах (автор приводит их подробное описание), однако мука получалась крупного размола и с большим процентом песка¹⁷⁷.

В официальном отчете А. Чайковского за 1869 г. описаны мощность и возможности такой местной мельни-

¹⁷³ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 9, д. 41, л. 2—4, 8.

¹⁷⁴ Там же, оп. 12, д. 6, л. 197.

¹⁷⁵ О следах бывших пашен на Текесе сообщалось и в опубликованной в это же время заметке «Рекогносцировка долины р. Текес и Музторского ущелья» («Туркестанские ведомости», 1872, № 44).

¹⁷⁶ Кап — мешок вместимостью около 1 ц зерна.

¹⁷⁷ См.: А. Чайковский. Иссык-Кульский уезд в 1869—1871 годах. «Туркестанские ведомости», 1872, № 42, 44—45.

цы. Состоит она из нижнего неподвижного жернова, на котором укреплен второй — вращающийся жернов, надетый на деревянный стержень, свободно проходящий через отверстие нижнего жернова. К нижнему концу стержня крепятся горизонтально несколько лопастей. Под действием воды они заставляют вращаться верхний жернов. Мощность мельницы крайне мала и едва в состоянии удовлетворить потребности нескольких семей. К тому же при самом небольшом морозе мельницы перестают работать и бездействуют всю зиму. В зиму 1869 г. во всем уезде действовали лишь две такие мельницы, остальные стояли. Вследствие мягкости камня-жернова мука получается крупного размола с большой примесью песка, так «что почти нет возможности есть хлеб, выпеченный из этой муки»¹⁷⁸.

Все чаще наряду со статьями местных чиновников появляются работы проезжавших через Киргизию ученых, путешественников, а также писателей об отдельных сторонах хозяйственной деятельности киргизов.

В путевых записках А. В. Каульбарса часто упоминается о киргизском земледелии. «Урочище Кетмень-Тюбе, — пишет он, — сплошь покрыто пашнями»¹⁷⁹. «Все занимаются весьма усиленно хлебопашеством и по реке Ирдык. Пашни имеются даже в высокогорной долине Атбаши. Здесь киргизы охотно продают свои избытки зерна, но довольно дорого, главным образом в результате близкого расположения Нарынского укрепления. Пшеница, ячмень, просо вызревают и в окрестностях самого укрепления Куртка»¹⁸⁰.

А. В. Каульбарс подчеркивает положительную роль присоединения Киргизии к России для развития торговли в горных районах: «Баранта и разбой прекращаются, торговля постепенно развивается, пользуясь полной безопасностью»¹⁸¹. Вся торговля, по определению Каульбарса, делится в Киргизии на «торговлю внутреннюю и на торговлю транзитную». Автор поддерживает идею Г. С. Загряжского об изменении порядка обложения купцов пошлиной и выступает за возвра-

¹⁷⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 9, д. 56, л. 15—16. Аналогичное описание и в «Туркестанских ведомостях», 1872, № 44.

¹⁷⁹ Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба бароном А. В. Каульбарсом в западную часть Тянь-Шаня и в Мусартский проход. «Известия РГО», т. VII, отд. 2, 1875, стр. 175.

¹⁸⁰ А. В. Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня..., стр. 463, 487—489.

¹⁸¹ А. В. Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня..., стр. 394.

щение к зякетной системе, тем более, что «азиатские торговцы к ней издавна привыкли»¹⁸².

После Е. П. Ковалевского в художественных произведениях о киргизском хозяйстве рассказал писатель и художник Н. Н. Каразин. Правда, они носят налет романтизма, но тем не менее содержат и чисто реалистические описания. Об одном из киргизских аилов на Иссык-Куле Каразин пишет: «Зимовка состояла из шести просторных желомеек (юрт), тростниковой загороди для лошадей, чисто выбитой площадки перед входами, и вообще носила на себе вид достатка...»¹⁸³. Киргизы, как заметил писатель, не любили тесниться и редко можно было встретить вместе более 10 юрт; чаще всего аил состоял из 3—4 юрт, которые занимали «громадные» пространства вдоль рек. Он обрисовал неприглядную картину киргизского кочевого быта, особенно тяжелое положение женщины и детей: «...самые трудные и непривлекательные работы лежат на женщинах: они расставляют кибитки, доят кобыл и коров, заботятся о верблюдах, шьют, бьют войлоки, плетут ковры, готовят кумыс и проч.; на долю мужчины остаются пастушество и охота, да и то скорее последнее, потому что мне часто случилось видеть громадные стада (отары) овец и табуны лошадей под присмотром одних мальчиков, из которых старшему едва ли было 15 лет»¹⁸⁴.

Многие авторы подчеркивали рост киргизского земледелия после вхождения Киргизии в состав России. Одну из причин обращения киргизов к земледелию М. А. Терентьев, в частности, видел в обеднении киргизов. Лишаясь скота, они переходили к земледелию и с того времени назывались «игенчи». Таких, по сведениям Терентьева, хозяйств в 1860 г. в Сыр-Дарьинской области было до 8 тыс.¹⁸⁵

С этими сведениями перекликаются сообщения Л. Ф. Костенко. Автор сам посетил ряд районов Киргизии, использовал свои материалы и дневники, а также заимствовал¹⁸⁶ сведения из рукописных и других источников туркестанских предшественников и опубликовал свод данных о Средней Азии, в том

¹⁸² А. В. Каульбарс. Материалы по географии Тянь-Шаня..., стр. 453.

¹⁸³ Н. Н. Каразин. Повести, рассказы и очерки. СПб., 1874, стр. 142.

¹⁸⁴ Там же, стр. 158.

¹⁸⁵ М. А. Терентьев. Статистические очерки Средне-Азиатской России..., стр. 11.

¹⁸⁶ В связи с этим резкое недовольство высказывал в своих письмах к И. В. Мушкетову известный в то время географ Дарваза и Каратегина В. Ошанин, а также составитель отчета Туркестанского генерал-губернаторства П. И. Хомутов (Рукоп. фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 503. Мушкетовы И. В. и Д. И., д. 201, л. 1—3).

числе и о хозяйстве киргизов. Класс земледельческих киргизов-игенчи, как пишет Костенко в статье, подготавливавшей для книги «Средняя Азия», существовал искони и был отверженным классом. Неимущие поневоле должны были заниматься земледелием, «чтобы добыть себе пропитание». Но при первых же благоприятных обстоятельствах, «т. е. чуть обзаводились они хотя незначительным количеством скота, как тотчас же бросали соху»¹⁸⁷.

Специфические условия Средней Азии с ее преимущественно поливным земледелием, по мнению Л. Костенко, обусловили и «общественный вид владения землею», форму, которая появилась вследствие «невозможности оживить землю силами одного человека»¹⁸⁸. Киргизы, по свидетельству Костенко, при искусственном орошении получают хороший урожай: проса — «сам — 70», пшеницы — «сам—15». Земледелием они занимаются значительно больше, чем казахи, имеют хорошие пашни в Восточном Прииссыккулье, в Чуйской долине и по р. Талас¹⁸⁹. Имеются киргизские поливные пашни и в высокогорной долине, но здесь урожай зерновых значительно ниже: ячменя — «сам — 6», пшеницы — «сам — 4-5»¹⁹⁰.

Л. Ф. Костенко, посетивший Алай в 1876 г., в основном лишь подтверждает сведения А. П. Федченко о скотоводстве и поголовье скота у киргизов. Однако, сообщая об откочевке киргизов на зиму с Алая, он пишет, что все же многие «оставляют там свой скот при одном или двух пастухах, которые живут в кибитках и наблюдают за стадами»¹⁹¹. Подобную картину наблюдал осенью 1876 г. при завоевании Алая и М. Д. Скобелев¹⁹².

Характеризуя киргизское пастбищепользование, Л. Ф. Костенко пишет, что время стоянки киргизов на одном месте — несколько дней и лишь иногда более месяца, что зависит от состояния кормовых трав. По народным обычаям айлам запрещалось вытравливать корм около чужих зимовок. Нарушение обычая влекло за собой споры и взаимную баранту, «потому что обиженная сторона затрудняется в таком случае зимою в пропитании скота и старается отомстить за ущерб»¹⁹³.

187 Л. Костенко. Земледельческая производительность Средней Азии. «Туркестанские ведомости», 1870, № 17.

188 Там же.

189 Л. Костенко. Средняя Азия..., стр. 47—48.

190 Л. Костенко. Военно-научная экспедиция на Алай..., стр. 371.

191 Там же.

192 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6884, л. 181.

193 Л. Костенко. Туркестанский край..., т. I, стр. 340.

Откочевывая на зимовки с высокогорного Алая в Фергану, киргизы-кочевники выменивали у оседлого населения на скот, шерсть, кошмы и другую продукцию животноводства хлеб, материал — мату, халаты, чалмы, чай и прочие изделия оседло-ремесленного производства¹⁹⁴. Из киргизских домашних изделий заслуживали внимания войлоки (кошмы), шапки, имеющие вид конуса с отогнутыми кверху полями, и бурки. Чисто женским делом было производство грубой материи из верблюжьей шерсти¹⁹⁵.

С появлением в Киргизии русских ученых и специалистов начинаются целенаправленные поиски и разработка здесь полезных ископаемых. Сведения о естественно-природных богатствах Тянь-Шаня стали известными в России в первой половине XIX в.¹⁹⁶ С 60-х годов эти сведения можно было проверить и приступить к разработке земных недр. Так, уже в отчете начальника Токмакского уезда за 1869 г. сообщалось об обнаружении около Боомского ущелья значительных залежей каменного угля и графита, а также об открытии в отрогах Алатавского хребта по р. Сары-Булак (приток р. Чу) богатых запасов медных и железных руд. При этом обращалось внимание на то, что разработка полезных ископаемых «улучшила бы положение окрестных киргиз»¹⁹⁷. В 1878 г. геологом Попрядухиным с целью прогнозирования каменноугольных запасов было обследовано Боомское ущелье¹⁹⁸. В 1881 г., опираясь на заявление местных жителей, обнаруживших каменноугольный пласт в районе урочища и речки Тимирлик (между Кара-Балты и Чалдоваром), Попрядухин обследовал и этот район Северной Киргизии¹⁹⁹. Правда, оба указанных района оказались малорентабельными и бесперспективными для разработки здесь каменного угля, но начало геологическим планомерным, относительно конечно, изысканиям было положено.

Еще ранее, в 1875 г., в Среднюю Азию на 4 года был командирован профессор Г. Д. Романовский, как он сам писал, «для производства геологических исследований горной полосы Туркестанского края... с тем, чтобы составить описание и гео-

194 Л. Костенко. Военно-научная экспедиция на Алай, стр. 373.

195 Л. Костенко. Средняя Азия..., стр. 48.

196 См.: В. Плоских. Ранние известия в России о естественно-природных богатствах Тянь-Шаня (до середины XIX в.). В кн.: Вопросы истории, естествознания и техники в Киргизии. Фрунзе, 1969, стр. 47—52.

197 ЦГА Каз. ССР, ф. 44, оп. 12, д. 2, л. 144.

198 Там же, ф. 21, оп. 1, д. 414, л. 11—23.

199 ЦГА Каз. ССР, ф. 21, оп. 1, д. 697, л. 11—13.

логическую карту этого пространства и руководить буровыми работами»²⁰⁰. В 1878 г. им были обследованы северные районы Киргизии, окрестности Иссык-Куля. Эти исследования дополнялись работами И. В. Мушкетова. Кроме определения интересных и перспективных в геологическом отношении мест были собраны (особенно И. В. Мушкетовым) отдельные метки и о хозяйстве местного населения.

В книге И. В. Мушкетова освещен широкий круг вопросов. Он старался затронуть не только чисто геологические, но и все иные стороны научного изучения края, в том числе при случае не упускал возможности охарактеризовать и хозяйство киргизов. В связи с этим вполне понятен лестный отзыв на его книгу академика А. Миддендорфа в личном письме (от 13 апреля 1886 г.) И. В. Мушкетову: «Кругозор обширных ваших исследований не оставляет ничего желать»²⁰¹.

И. В. Мушкетов посетил Алай, Памир, он побывал и в Центральном Тянь-Шане, в окрестностях оз. Чатыр-Куль, путь к которому проделал в сопровождении двух киргизских «надежных джигитов»²⁰². «Продольные долины Тянь-Шаня,— писал ученый,— составляют великолепные места для летних кочевьев киргиз... и буквально запружены аулами». Алай, пишет он, «чрезвычайно богат роскошными лугами, питающими тысячи киргиз», по маршруту путешествия встречаются и «немногочисленные посеы киргиз, очень бедных»²⁰³. Автор упоминает древнюю выработку из иссык-кульского песка металла, из которого делали ножи, гвозди, ломы и проч.²⁰⁴

И. В. Мушкетов осуждает хищническую сущность авантюристов, ринувшихся в новые районы российской окраины. «Нередко приходилось встречать золотопромышленников,— писал он,— которые, захватив на льготных условиях большие площади в луговых долинах с целью разведки золота... занимались главным образом торговлею, скотоводством, эксплуатацией полудиких кочевников и проч., но не золотопромышленностью». Так, перед П. С. Назаровым, ходатайствовавшим

²⁰⁰ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 47, д. 540, л. 49—53.

²⁰¹ Рукоп. фонды ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 503, Мушкетовы И. В. и Д. И., д. 187, л. 1.

²⁰² Там же, д. 185, л. 1—2.

²⁰³ И. В. Мушкетов. Путешествие на Алай и Памир в 1877 году. Собр. соч., вып. 2; «Записки РГО по общ. геогр.», т. XXXIX, вып. 1. СПб. 1892, стр. 20—33 и др.

²⁰⁴ И. В. Мушкетов. О месторождении железных руд, марганцевого и мышьякового колчадана в Туркестанском крае. Собр. соч., 1872—1882 гг. «Записки РГО по общ. геогр.», т. XXXIX, вып. 1, СПб., 1910, стр. 261.

о концессии на Памиро-Алае, И. В. Мушкетов поставил условие вести только золоторазработки «и отнюдь не заниматься какими-либо операциями, могущими вредно отзывать на жизни кочевников, особенно в долине Кок-Су Алая, где летом много кочевников»²⁰⁵.

Подобные высказывания передовых ученых против эксплуатации местного населения в условиях роста российского капитализма «вширь» повисали в воздухе, но тем не менее обращали внимание передовой общественности России на тяжелое положение и нужды простых людей далеких российских окраин.

Известно, что одна из основных задач колониальных властей Туркестана заключалась в приспособлении экономики края для нужд метрополии и колонизации ряда его районов. С этих позиций официальные власти прилагали определенные усилия, во-первых, для изучения существовавших ранее форм и методов экономики, хозяйства, земледелия и землепользования, налоговой системы и, во-вторых, для выработки на этой основе, но с учетом новых условий и российских законоположений по управлению Туркестанским краем.

В начале 60-х годов такая задача была поставлена перед комиссией Ф. Гирса, один из участников которой — А. К. Гейнс, оставил свои заметки и по хозяйству киргизов. Как отмечалось выше, в выработке одного из первых проектов по управлению Туркестаном принимал самое активное участие Н. А. Северцов. В конце 60-х годов над составлением записки по вопросам землевладения и землепользования работали образованные туркестанские чиновники М. Н. Николаев и А. И. Гомзин.

Вопросам земледелия, их изучению в правовом и фактическом отношении уделялось главное внимание. Для этого привлекались ученые-востоковеды. Так, сразу же после присоединения Ферганы востоковеды А. Л. Кун и Н. Н. Пантусов получили задание от генерала Скобелева собрать по возможности все налоговые дефтеры (тетради) Кокандского ханства²⁰⁶. Несколько позже, 19 марта 1877 г., исполняющий дела командующего войсками Ферганской области А. К. Абрамов обратился к А. Л. Куну с просьбой помочь создать специальную библиотеку «по части землеведения и истории

²⁰⁵ Иван Васильевич Мушкетов. Сб. документов. Ташкент, 1960, стр. 223

²⁰⁶ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 19, оп. 1, д. 22469, л. 12, 18.

Азии»²⁰⁷. Еще в 1871 г. генерал-губернатором Туркестана К. П. Кауфманом была утверждена программа чтения в закрытом заседании Среднеазиатского ученого общества, в которой отводилось специальное место «сведениям о землевладении»²⁰⁸.

Все это свидетельствует о важном значении, придаваемом официальными властями Туркестана аграрному вопросу, как основному, затрагивающему хозяйственную жизнь края.

В 70-х годах появляется работа М. Н. Ростиславова, анализирующая правовые нормы и фактическое положение земельной собственности, землевладения и землепользования в Туркестане²⁰⁹.

Собранные в эти годы материалы позволяют относительно полно осветить вопросы поземельных отношений в крае в момент его присоединения к России и в первые годы после этого. Мы на них специально не останавливаемся, затрагивая их попутно лишь в той мере, в какой они получили освещение в работах русских исследователей в отношении только киргизского землевладения и землепользования.

По наблюдениям А. К. Гейнса и собранным им опросным сведениям, у киргизов земледелием занимались преимущественно бедняки, которые круглогодично жили на пашнях. Право на пахоту имели лишь хозяйства, принимавшие участие в проведении арыков, получая при этом участки пропорционально затраченному труду. Гейнс считал, что у киргизов было общинное землевладение. Земледелец имел право передать свой участок другому только «с согласия общества».

Скотоводством занимались все состоятельные киргизские хозяйства. Зимовки были постоянными, на одних и тех же местах, обычно в горных ущельях. Летние пастбища были общие. «При недостатке земель в одном роде,— пишет Гейнс,— нуждающиеся в ней обращаются об отводе земель в другой род и обыкновенно получают отвод»²¹⁰. Это, конечно, при наличии определенных излишков пастбищ.

Первые исследователи поземельных отношений местного населения неоднократно подчеркивали наличие государствен-

²⁰⁷ Архив ЛО ИВ АН СССР, ф. 33, оп. 2, д. 2.

²⁰⁸ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 591, оп. 1, д. 2, л. 13.

²⁰⁹ М. Н. Ростиславов. Виды земельной собственности и поземельный вопрос в Туркестанском крае. Тр. 3-го Международного съезда ориенталистов в С.-Петербурге, 1876, т. 1. СПб., 1879, стр. 327—359.

²¹⁰ А. К. Гейнс. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан..., стр. 420—421.

ной собственности на землю и характеризовали государство как верховного собственника всех земель. «Согласно киргизскому обычаю, — отмечается, например, в материалах комиссии А. И. Гомзина, — воды и земли есть собственность государства, которое на правах распоряжения ими не ограничено даже правом пользования подвластного народа»²¹¹. В то же время исследователи подчеркивали общинный характер землепользования. Так, М. Н. Николаев писал, что «киргизы пользуются для пастбы на летних и зимних кочевках по родам и подразделениям совокупно, следовательно — порядком общинного пользования»²¹².

П. И. Хомутов, вдумчивый и в общем-то прогрессивно настроенный составитель первого отчета Туркестанского генерал-губернаторства, считал, что до присоединения к России киргизское землевладение определялось родовым устройством кочевых обществ и основывалось на праве кочевок и пастбы на традиционных местах. Поэтому пользование пастбищами соизмерялось силою родов и было постоянным предметом споров и столкновений: сильные роды вытесняли слабых, те — слабейших²¹³.

Пахотные земли, по мнению П. И. Хомутова, являлись общим достоянием и пользование ими было открыто для всех членов данного рода, желающих заниматься хлебопашеством. Право пользования пахотными землями приобретало частный и личный характер только по соразмерности с трудом, приложенным к земле: устройством оросительной системы, обработкой земли или засадкой деревьями, или застройкой помещениями. Частные права на пользование землей ограничивались обычаем передела полей, обязательным участием в общественных работах по устройству и поддержанию оросительных сооружений, требовали непрерывной обработки участков и утверждались за семьями игенчей (земледельцев, работников, пахарей) наследственными и народными обычаями. Причем прежде могли подлежать продаже (и то, отмечает Хомутов, в исключительных случаях) только застройки и засаженные деревьями участки, как личное недвижимое имущество продавцов²¹⁴.

²¹¹ ЦГА Узб. ССР, ф. и. 1, еп. 22, д. 3, л. 89—93.

²¹² Там же, оп. 14, д. 9-а, л. 31.

²¹³ П. И. Хомутов. Проект всеподданнейшего отчета..., стр. 223—225.

²¹⁴ П. И. Хомутов. Проект всеподданнейшего отчета..., стр. 224—227.

П. И. Хомутов указывает, что в 1868—1869 гг. были собраны более или менее подробные сведения о зимних и летних пастбищах киргизов по организованным уездам, о степени их занятия хлебопашеством, о количестве запашек и численности скота, характере промыслов, но в отчет эти сведения не вошли²¹⁵. Автор приводит лишь сводную таблицу о количестве скота у киргизов по Иссык-Кульскому и Токмакскому уездам до 1879 г., причем делает оговорку, что сведения существенно занижены, так как основаны на опросных данных самого населения²¹⁶.

В получившей широкую известность книге академика А. Ф. Миддендорфа о Ферганской долине характеризуется хозяйство как кочевого, так и оседлого населения. Значительная часть посещенных киргизов, писал ученый, находится в бедственном положении. На основании данных начальника Наманганского уезда за 1877 г. Миддендорф иллюстрирует экономическую бедность киргизов родов ктай и кутлук-сеид. Они занимались скотоводством, каждое хозяйство имело в среднем по 1 верблюду, не более 3 лошадей, 2 голов крупного рогатого скота и около 20 овец. Автор тут же подчеркивает, что действительность не соответствует этому среднему показателю; отдельные хозяйства имеют по 2—3 верблюда, до 36 лошадей, до 12 голов крупного рогатого скота и до 360 голов овец, в то время как большинство владеет лишь одной лошастью и вовсе не имеет рогатого скота и овец.

Знакомство А. Ф. Миддендорфа с хозяйственной жизнью кочевого населения приводит его к выводу, что «у большинства кочевническое хозяйство положительно приходит к концу... Это жизнь на закате»²¹⁷. Вывод из создавшегося положения автор видит в необходимости перехода кочевников к оседлости и обращению к земледелию. Из общего количества хозяйств, по его наблюдениям, 3/5 тяготеют к переходу в земледельческие. Но переходу, всегда трудному, пишет Миддендорф, должны быть оказаны содействие и поддержка. Стихийное же обращение киргизов к земледелию совершается через еще большую эксплуатацию бедноты — «богатые владельцы из числа самих киргизов (манап) обрабатывают почву руками совершенно обедневших людей (игенчи), которые работают почти только за один хлеб». Только давление нуж-

²¹⁵ П. И. Хомутов. Проект всеподданнейшего отчета..., стр. 57. Эти сведения до сих пор еще ждут своего исследования в архивохранилищах.

²¹⁶ Там же, стр. 273—274.

²¹⁷ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины..., стр. 350.

ды, считает, он, заставляет свободного кочевника обращаться к земледелию. Однако именно в этом ученый-естествоиспытатель и видит неумолимый закон естественного прогресса. Поучительно, что термин «игенчи», о котором Г. С. Загряжский в 1869 г. говорил, что он означает понятие «наемный работник», примерно через 10 лет стал обозначать уже, по определению А. Ф. Миддендорфа, и понятие «бедняк» и вместе с тем — «земледелец»²¹⁸.

Наиболее бедные из отдельных южнокиргизских родов: нойгут, найман, конглы, бостон и другие, по сведениям Миддендорфа, занимались обжигом леса на уголь и продажей его на рынках Маргелана и Коканда. Так, ими ежегодно вывозились 1500 арб и 14000 верблюжьих вьюков угля и 1700 вьюков досок²¹⁹. Но в целом автор считает, что торговлю в Фергане, как до, так и после ее присоединения к России, почти исключительно монополизировали узбеки²²⁰.

У Миддендорфа есть интересные замечания об общинном характере землевладения и землепользования. «Пастбищный район принадлежит всему племени или орде», — пишет он, не усматривая, однако, во внешней форме коллективного владения сущности классового феодального землевладения. Что же касается землепользования киргизов, то здесь ученый ближе к истине: «...хозяйство кочевников начинается на общинных землях, на них же отдельные номады переходят к земледелию, захватывая участки земли в личное пользование на тот срок, пока продолжается возделывание на них хлебов». При необходимости устройства ирригационной системы для орошаемого земледелия сеть возводится усилиями всего общества и только после этого начинается разделение попадающего в сферу орошения земельного массива «на частные, интенсивно обрабатываемые участки, которые, следовательно, поступают в прочное личное владение»²²¹. Наряду с этим первоначальным завладением, подчеркивает автор, существует круговая порука в уплате податей, а вместе с тем и право общины при определенных условиях отбирать земельные участки²²².

Миддендорф много внимания в книге уделяет вопросам влияния естественных условий на хозяйство, высказывается за научное исследование сельского хозяйства и ирригации.

218 А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины..., стр. 350.

219 Там же, стр. XV.

220 Там же, стр. 350.

221 Там же, стр. 466.

222 Там же, стр. 464.

Экспедиция Миддендорфа и его исследования были направлены на изыскание основ экономического освоения вновь присоединенного края растущей русской буржуазией. И книга полностью отвечала этим требованиям. В то же время ученый предостерегал против неосторожной колонизации края: «...чрезмерно важно, чтобы переселение было организовано на основании самого точного знакомства с природою страны и потребностями кочевников, уже давно занявших известные земли... необходимо, чтобы переселение приводилось в исполнение с наибольшею осмотрительностью и спокойствием». На практике же нередко получалось, как сетует автор, что сплошь и рядом занимались земли, которыми киргизы пользовались и которые им были жизненно необходимы²²³.

Книга содержала много чисто научных положений и рекомендаций в области хозяйственного развития Ферганы и содействовала развертыванию на юге дальнейших изыскательных и статистических работ, начавшихся в 80-х годах прошлого столетия.

Беглые зарисовки хозяйства алайских и особенно памирских киргизов оставил известный исследователь Центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло. «Я мечтал, — вспоминает он, — посвятить Памиру труд, подобный тому, какой был мною выполнен по отношению к Западной Монголии и Урянхайскому краю, но этому предположению не суждено было осуществиться по многим причинам, между прочим же вследствие утраты большей части моих памирских записей»²²⁴. Однако часть материала им была опубликована в 1886 г., другая часть, о путешествии на Памир 1887 г., воспроизведена по немногим уцелевшим записям лишь в 1933 г. По его словам, «в настоящее время эти записи имеют лишь историческое значение»²²⁵, с чем нельзя не согласиться.

Наблюдательный ученый отметил, что у киргизов по численности голов преобладают овцы, затем идут козы. Интересно его замечание, что яки начинают вытеснять все другие виды скота²²⁶, хотя, как известно, яководство так и не стало ведущей отраслью хозяйства у алайских киргизов. Грум-Гржимайло подчеркивает большую роль женского труда в хозяйстве. Вся работа по сборам на перекочевку: снятие и постановка юрт, навьючивание лошадей и верблюдов и т. п. —

²²³ А. Миддендорф. Очерки Ферганской долины., стр. 343.

²²⁴ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 1.

²²⁵ Там же, л. 20.

²²⁶ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерк Припамирских стран. «Известия РГО», т. XXII, 1886, СПб., 1887, стр. 97.

лежала на женщинах. Вслед за другими исследователями автор, как внимательный наблюдатель, подчеркивает постоянство кочевания киргизов: каждого рода в определенный и всем известный район²²⁷.

Грум-Гржимайло поражает удивительная бедность памирских киргизов даже по сравнению с окружающим населением, и он пишет: «Питание их было недостаточным. Хлеб они получали из Шугнана и Вахана, притом только осенью и далеко, конечно, не все; мяса в пищу, при бедности их скотом, они также почти не употребляли, довольствовались же почти исключительно молочными продуктами»²²⁸.

Хозяйственное состояние памирских киргизов Г. Е. Грум-Гржимайло проиллюстрировано черновой таблицей, хранящейся в архиве Географического общества²²⁹. Сейчас довольно сложно реконструировать таблицу из-за неточностей в названиях, да и носит она фрагментный характер.

Тем не менее можно заключить, что основным занятием киргизов, кочевавших в окрестностях озер Рянг-Куль, Малый Кара-Куль, по рекам Чечекты, Кудара и другим было овцеводство. Если в отдельных родах поголовье овец колебалось в пределах 7 тысяч — 750 голов, то амплитуда колебания поголовья лошадей была 200—3. Были такие айлы, что на 20 хозяйств имели всего лишь 3 лошади (в котловине оз. Рянг-Куль), у 30 хозяйств, кочевавших по южному побережью оз. Малый Кара-Куль имелось всего лишь 15 лошадей и 15 яков. Если к тому же принять во внимание, что данные показатели не отражают классовую дифференциацию, то можно представить, в какой степени нужды находились беднейшие хозяйства кочевников, которые в силу суровых географических условий не могли даже обратиться к земледелию в качестве подспорного занятия.

Сведения, приводимые известным ученым-путешественником, имеют существенный интерес в связи с тем, что вообще мало известен того периода о припамирских киргизах. Отделенные от соседей высочайшими горными хребтами, вынужденные жить и заниматься скотоводством в трудных условиях высокогорья, памирские киргизы представляли собой обособленную группу, наименее изученную по сравнению со всеми остальными южными киргизами, обладающую специфическими особенностями в историческом развитии, быту, хозяйственной жизни.

²²⁷ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерк Припамирских стран.

²²⁸ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 36, л. 21.

²²⁹ Там же, л. 20

Ученый обращает внимание не только на ничтожно малую плотность населения Памира, но и, как уже говорилось, на удивительную его бедность. По его подсчетам, на одну квадратную милю приходится немногим более 3 человек, 1 лошадь, 1 или немногим более 1 яка, от 15 до 20 голов мелкого рогатого скота²³⁰. Грум-Гржимайло склонен считать причиной такой бедности населения, кроме суровых климатических условий, отсутствие каких-либо промыслов²³¹. Все, в чем киргизы нуждаются, они приобретают в обмен на скот, которого и так было более чем в обрез.

Следует, однако, отметить, что тезис о полном отсутствии промыслов у киргизов Памира не подтверждают другие исследователи. Грум-Гржимайло, по-видимому, имел в виду широко развитые промыслы и ремесла не принимал во внимание домашние промыслы, которые в основном и удовлетворяли неприхотливые внутренние потребности кочевников-скотоводов.

Побывавший несколько ранее (в 1884 г.) на Памире геолог Д. Л. Иванов также отмечает разительную бедность и преимущественно скотоводческую направленность хозяйства киргизов, объясняя это естественно-географическими условиями. «Так как природа, среди которой памирские киргизы поселились, весьма бедная, ничего им не дающая, то вместе с исторической их жизнью весьма естественно сложился и тип памирца-кочевника, т. е. кочевника бедняка исключительно»²³². Покупая хлеб в Шугане, лошадей — в Фергане, они разводили преимущественно баранов и яков (кутасов). Но происшедший за два года до этого (т. е. примерно в 1882 г.) падеж скота от чумы почти уничтожил и это богатство киргизов²³³. Вот почему Грум-Гржимайло и наблюдал сравнительно малое количество яков у киргизов Памира в 1887 г.

У Д. Л. Иванова мы встречаем новую деталь, дополнительную хозяйственную характеристику памирских киргизов, данную Грум-Гржимайло и опровергавшую его сообщение об отсутствии у киргизов промыслов. Д. Л. Иванов, во-первых, говорит о добыче на продажу киргизами соли, во-вторых, о периодически направлявшихся из Кашгара и главным обра-

²³⁰ Архив ГО СССР, ф. 32, оп. 1, д. 5, л. 2—3.

²³¹ Там же, д. 36, л. 21.

²³² Д. Л. Иванов. Орографический очерк Памира. Апрель 1884 г. (Стенографический отчет на заседании РГО). Архив ГО СССР, ф. 65, оп. 1, д. 46, л. 56.

²³³ Там же.

зом Ферганы на Памир «савдагаров» — торговцев, везущих халаты, хлопчатобумажные ткани, дешевые седла, подковы и прочую мелочь, которую обменивают у памирских киргизов не только на скот, масло, но и на шкуры (надо полагать частично выделанные), а также кошмы (предметы ремесла и домашних промыслов)²³⁴.

Таким образом, воссоздается более полная картина хозяйственной жизни киргиза-кочевника высокогорного Памира, который наряду со скотоводством занимался обработкой скотоводческого сырья — выделкой кож, производством кошм, а также добычей соли и т. д.

Отдельные, но несомненно ценные, штрихи о хозяйстве киргизов содержатся в работах В. П. Наливкина, ряд из которых написан в соавторстве с женой. Супруги Наливкины были хорошо знакомы с бытом и хозяйством местного населения. Они считали, что киргизское население предгорной Ферганы правильнее называть не кочевым, а полукочевым, ибо летом айлы выходят из года в год на одни и те же горные пастбища и имеют зимовки с постоянными запасками²³⁵.

В. П. Наливкин высказал мысль, что прежде, например, у кочевников Ферганы (автор называет их то узбеками, то киргизами) было обширное землевладение. Но одно время кокандский хан Омар, желая обогатить свою казну, приказал начать распродажу земель, завоеванных у кочевников. В результате в общинном владении на прежних правах остались лишь горные пастбища, а пашни оказались распроданными и закрепленными за частными собственниками. «Этим,— пишет В. П. Наливкин,— был нанесен тяжелый удар по общинному владению землей между здешними киргизами»²³⁶.

В другой работе Наливкины подтверждают, что с годами у киргизов остались лишь одни горные земли, и они «принимаются за хлебопашество только при самых крутых обстоятельствах»²³⁷. Киргизы со временем все больше и больше переходят к земледелию. «В настоящее время,— замечает В. П. Наливкин,— между киргизами Ферганской области не имеют посевов те только бедняки, которые не успели приобрести частной поземельной собственности в виде возделанных и

²³⁴ Д. Л. Иванов. Указ. работа, л. 56—57.

²³⁵ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины..., стр. 15.

²³⁶ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства..., стр. 37.

²³⁷ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины..., стр. 184.

искусственно орошенных полей»²³⁸. На их долю оставалось идти в услужение или, в лучшем случае, арендовать пашню у землевладельцев. Временных, однолетних земледельческих рабочих называли чайрикерами, или кошчи, более или менее долгосрочных арендаторов — каранда²³⁹.

В 80-х годах XIX в. по программе В. П. Наливкина, А. Н. Вышнегорским был собран обширный материал о юридическом быте киргизов, в том числе о правах на земли и о порядках землепользования кочевников. Как бы подтверждая материалы М. Н. Николаева, П. И. Хомутова, А. Н. Вышнегорский на основе изучения обычного права (он провел за сбором материалов в степи семь месяцев, к тому же использовал материалы, предоставленные ему в Аулие-Ата В. А. Каллауром)²⁴⁰ пришел к выводу, что у киргизов до присоединения к России не было личной земельной собственности. Земля «принадлежала лицу только до тех пор, пока он на ней находился или ее обрабатывал»²⁴¹. Пастбища занимались на правах потомственного пользования, причем кочевали с древности по обычаям. Кочевали общества одного рода по определенно выработанным маршрутам, когда «каждый род имеет определенные места летних (джайляу) и осенних (куздяу) кочевок»²⁴². Однако, по признанию Вышнегорского, такой порядок поземельного пользования привел к неравномерному распределению пастбищ, и они «находятся в руках зажиточных людей, у которых бедные состоят работниками»²⁴³. Чужие летовки по обычаю никто не имел права занимать, но мог получить на это разрешение. Во время пастьбы скота одного рода на землях другого с пришедших получали курбаши, т. е. плату с каждого табуна в 600 голов по 1 барану²⁴⁴.

А. Н. Вышнегорский, со слов киргизского информатора Курпетая Даулеткулова, приводит описание перекочевков. Кочевали киргизы группами. Места для перекочевков определяли особые разведчики, вожаки кочующих обществ. Выбор мест стоянок и расположение аилов и юрт определялись бога-

²³⁸ В. Наливкин. Краткая история Кокандского ханства..., стр. 39.

²³⁹ В. Наливкин и М. Наливкина. Очерк быта женщины..., стр. 19—20.

²⁴⁰ Архив ГО СССР, ф. 30, оп. 11, д. 52, л. 40.

²⁴¹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 102.

²⁴² Там же, стр. 109.

²⁴³ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 102.

²⁴⁴ Там же, стр. 111.

тыми, но без пренуждения. Каждый хозяин был волен перекочевывать или останавливаться по собственной инициативе. Летом юрты обычно стоят друг от друга довольно далеко, а зимою более скученно, но особенно близко их не располагали из-за недостатка травы, воды и также, чтобы не смешивать скот²⁴⁵. В книге описываются обряды киргизов при перекочевке; домусульманский обычай жертвоприношения и церемониал отгона злых духов, веками сохранявшиеся в кочевом быте²⁴⁶.

Материалы Вышнегорского подтверждают тот факт, что киргизы широко занимались земледелием. Пашни принадлежали киргизам пока их обрабатывали. При переходе на новое место участки бросались и, по словам информаторов, «кто их займет, того собственностью они становятся»²⁴⁷.

При орошаемом земледелии большое значение имели арыки. У киргизов арыки и колодцы, сообщает Вышнегорский, принадлежали тем, кто вырыл их «с заклятием животного». И хотя другие могли углублять и подправлять их, засаживать участки деревьями и занимать постройками, первый хозяин — владелец арыка — имел право требовать как их сноса, так и выкупа. По обычаям «проведший арык и оросивший им известное пространство земли, получает право на пользование этою землею. При этом обыкновенно арык называется его именем»²⁴⁸.

А. Н. Вышнегорский, видимо, впервые указывает на наличие у киргизов хашара — рода помощи, когда на какую-либо постройку, полевые и прочие работы на один день приглашались одноаильцы. Устроитель обычно обеспечивал пришедших питанием. Являясь на хашар добровольно, однако «к бедным, которые плохо угощают, не идут», — пишет Вышнегорский²⁴⁹. Таким образом, вырисовывается своеобразная социальная особенность хашара — односторонняя «помощь», преимущественно богатым.

Эпизодические обращения русских исследователей к освещению хозяйства местного населения, рассмотрению фактического положения землевладения и землепользования и существующих юридических норм сменяются в конце XIX в. широким статистическим обследованием хозяйств местного кочевого (скотоводческого) и оседло-земледельческого насе-

²⁴⁵ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 110—111.

²⁴⁶ Там же, стр. 109.

²⁴⁷ Там же, стр. 102.

²⁴⁸ Там же, стр. 104—105.

²⁴⁹ Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сыр-Дарьинской области..., стр. 117.

ления. Начатое в 90-х годах, оно затянулось до второго десятилетия XX в., и дало последующим исследователям богатейший фактический материал о хозяйстве, земельных отношениях и налоговом обложении населения. Проводились эти обследования большими коллективами чиновников поземельно-податных комитетов, результаты были изданы в серии трудов²⁵⁰.

В эти же годы в работах путешественников и ученых, посетивших Киргизию, встречаются отдельные упоминания о хозяйстве киргизов, но, как правило, они ничем не дополняют уже ранее известные сведения. Таковы, например, сообщения И. П. Минаева об алайских кочевых киргизах²⁵¹, В. Г. Котельникова о киргизских пашнях и кочевках на Алае²⁵², Е. Маркова об орошаемом земледелии у киргизов Ферганы и общинном землевладении у них²⁵³ и опять-таки о хозяйстве киргизов Алая — А. Волконского²⁵⁴ и др.

В материалах русских ученых редко говорится о разведении киргизами верблюдов, тогда как о киргизских верблюдах, набираемых в торговые караваны, упоминается как в дорожниках купцов первой половины XIX в., так и в работах более поздних путешественников. В частности, конкретно об этом рассказывает и знаменитый русский путешественник по Центральной Азии Николай Михайлович Пржевальский. В последнем, только начатом, но так и не оконченном дневнике он дважды пишет о купле у киргизов верблюдов.

²⁵⁰ Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. 1—V, 1872—1879; Материалы для статистического описания Ферганской области. Результаты поземельно-податных работ. Вып. 1—V, 1897—1910; Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды), 1915; Материалы по киргизскому землепользованию. Ферганская область. Андижанский уезд, 1913; То же. Наманганский уезд, 1913; Материалы по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования в Семиреченской области, собранные и разработанные под руководством П. П. Румянцева, т. V, ч. 1; т. VI, ч. 2; т. VII, вып. 1; т. VIII, вып. 1, 1914—1916. Подобного же характера материалы содержит много томный отчет с приложениями по ревизии Палена: Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором офмейстером графом К. К. Паленом. СПб., 1910—1911.

²⁵¹ И. П. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи..., стр. 198—200.

²⁵² В. Г. Котельников. Ферганская область. В кн.: Живописная Россия, т. X. Русская Средняя Азия. СПб., 1885, стр. 214—216.

²⁵³ Е. Марков. Фергана. «Русский вестник», 1893, № 9, стр. 17—18, № 11, стр. 18—19.

²⁵⁴ А. Волконский. От Нового Маргелана до границы Бухары. Путевые заметки. «Вестник Европы», 1894, № 7, стр. 133.

«Платили за хорошего 60 рублей, за отличного — 70... куплено уже 39...»²⁵⁵. По дороге из Верного в Пишпек киргизы для продажи Пржевальскому выставили 500 верблюдов, но он отобрал в экспедицию только 7. Остальные не подходили по качеству. Следовательно, в основном верблюды имели только местный спрос.

Движимые благородным порывом спутники Пржевальского — Козлов и Роборовский — в память о своем известном товарище выступили инициаторами организации музея имени Пржевальского в городе Караколе. В нем предполагалось собрать образцы не только флоры фауны Киргизии, «а равно и тех отраслей производства», которые могут быть полезны для местного населения²⁵⁶.

Бесспорно, велико было влияние на киргизское хозяйство деятельности переселенцев из России. В качестве примера можно привести самоотверженный труд пишпекского ученого-садовода А. М. Фетисова²⁵⁷. Его сад в Пишпекке снабжал саженцами все окрестные деревни, волости и кыштаки. С 1890 г. А. М. Фетисов прилагает усилия «к увеличению молочности местной породы рогатого скота»²⁵⁸.

В заключение коснемся вопроса об оседании кочевников и переходе их к земледелию. Судя по всему, этот процесс несколько ускорился уже в конце 70—80-х годов под воздействием переселенческих хозяйств, причем занятие земледелием перестало быть только уделом бедноты. Хлебопашество получает все большее признание и в более состоятельных, прежде чисто кочевых хозяйствах. Так, А. М. Фетисов после поездки по Тянь-Шаню отмечал: «Прежде у киргизов хлебопашество считалось не соответственным быту номада, а занимались этим делом только бедные киргизы, потерявшие по воле судьбы весь скот, но в настоящее время почти все без исключения киргизы, независимо от скотоводства и перекочевков, занимаются хлебопашеством»²⁵⁹.

Но к оседлости тяготели главным образом бедняцкие хозяйства, для которых земледелие являлось основным

²⁵⁵ Архив ГО СССР, ф. 13, оп. 1, д. 74, л. 6—7. Дневник опубликован в «Известиях РГО», т. 72, вып. 4—5. М.—Л., 1940, стр. 638—640.

²⁵⁶ Архив ГО СССР, ф. 13, оп. 1, д. 126, л. 6.

²⁵⁷ См.: В. Я. Галицкий, С. У. Умурзаков. Научно-исследовательская деятельность А. М. Фетисова в Киргизии..., стр. 21—34.

²⁵⁸ ЦГА Каз. ССР, ф. и. 44, оп. 3, д. 54, л. 12.

²⁵⁹ А. М. Фетисов. Экскурсия в За-Нарынские горы в 1878 г. «Туркестанские ведомости», 1881, № 37.

средством производства, главным занятием. В начале 900-х годов появляется несколько статей семиреченского чиновника О. А. Шкапского, посвященных переходу бывших скотоводов-кочевников к оседлому земледелию. В одной из них автор на примере киргизского селения Таш-Тюбе показывает общую тягу киргизской бедноты, особенно разоряющихся кочевников, к оседлой жизни и к занятию земледелием²⁶⁰. В другой статье О. А. Шкапский подчеркивал, что «киргизы увеличивают свое земледельческое хозяйство, с каждым годом большее их число оседает на землю»²⁶¹. В переходе к оседлости Шкапский видел и стремление рядового киргиза освободиться от гнета своих манапов²⁶². Даже еще в конце XIX — начале XX вв., пишет Шкапский, «манапы по-прежнему смотрят на себя как на единственных собственников всего, что принадлежит букаре»²⁶³. Не являлось исключением и главное средство производства — земля. Поэтому, по мнению автора, именно манапство являлось главным тормозом «к культурному прогрессу киргизов»²⁶⁴, а земельное устройство киргизов, проводимое царскими чиновниками по принятому колониальному законодательству, и обращение киргизов к оседлому земледелию было, по «смелой» мысли либерально настроенного О. А. Шкапского, главным путем к освобождению киргизских народных масс от эксплуатации манапов. Уже настало время, патетически восклицал автор, когда «букара начинает поднимать свою голову и разгибать согбенную выю и пытаться сбросить манапское иго»²⁶⁵.

Стоит ли доказывать, однако, что фактический путь к хозяйственно-экономическому развитию края, к ликвидации социального неравенства, лежал, конечно, не через законодательное переустройство царскими властями существовавшие-

260 О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне..., стр. 765—778.

261 О. Шкапский. Переселенцы и аграрный вопрос в Семиреченской области. «Вопросы колонизации», 1907, № 1, стр. 44.

262 Эта точка зрения, подкрепленная фактами из жизни и судебной практики киргизов Сокулукской волости, проводится и в специальной записке одного из чиновников, отданной сенатору Палену, ревизовавшему край в 1909 г. Автор прямо писал, что одной из причин ходатайства киргизов о переводе их в оседлое состояние, есть желание «освободиться от гнета народного суда и манапов (знатных киргиз), самовольно облагающих кочевников особым сбором..., достигающим размера до 10 руб. с кибитки...». ЦГИА СССР, ф. 1396, оп. 1, д. 393, л. 1.

263 О. А. Шкапский. Киргизы-крестьяне..., стр. 775.

264 О. А. Шкапский. Переселенцы-самовольцы и аграрный вопрос..., стр. 32—44.

265 О. Шкапский. Киргизы-крестьяне..., стр. 776.

го общества, а через очистительный поток бурного 1917 года, который был уже не за горами.

Рассмотрение сведений русских исследователей о хозяйстве киргизов после вхождения их в состав России показывает, что несмотря на то, что скотоводство оставалось одним из главных хозяйственных занятий киргизов, в их экономике все более прогрессирующую роль играло земледелие. Мнение некоторых современных историков о том, что Бардашев, Загряжский, Костенко и другие изображают киргизов как якобы чисто кочевой народ, у которого скот был главным и единственным богатством, при конкретном анализе сведений этих авторов не подтверждается. Как правило, они не преуменьшали, а, наоборот, подчеркивали большое значение земледелия в хозяйстве киргизов.

Актуальный при колониальном земельном переустройстве населения вопрос о формах собственности, землевладения и землепользования был одним из центральных в трудах исследователей 60—70-х годов. Но предложения и попытки наметить пути его конкретного решения отражали в первую очередь политические взгляды и симпатии авторов, мало способствуя действительному его разрешению. Одни одобряли государственную форму собственности на землю, общинное землевладение и землепользование местного населения и стояли за их сохранение в статьях «Положения об управлении Туркестанским краем», другие доказывали извечность здесь частной земельной собственности, настаивали на ее введении в новых законах и тем самым на ускорении капиталистического развития края и т. д.

В целом же исследователями того времени был собран обширный фактический материал, который может служить хорошей источниковедческой базой при изучении хозяйства и аграрных отношений местного населения.

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, БЫТА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ КИРГИЗОВ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ РОССИИ

Многие из отечественных исследователей и путешественников, побывавших в Киргизии во второй половине XIX и начале XX вв., интересовались традициями, культурой и бытом обитателей этого далекого и малоизвестного по тем временам края.

В оценке творческих способностей и культуры народов Средней Азии и Казахстана, в том числе киргизов-кочевников, предельно ясно разделялись мнения и взгляды представителей официальной России и демократической культуры великого русского народа. Передовая русская общественная мысль на протяжении почти всего XIX в. вела борьбу за освобождение народов России, воспитывала в русском обществе славные традиции гуманизма и революционного демократизма, пробуждала сочувствие ко всем угнетенным народам и ненависть к поработителям — «своим» и «чужим». Творчество деятелей передовой русской культуры всегда было пронизано духом уважения к другим народам. Они интересовались и изучали национальные особенности, нравы, обычаи и традиции, быт и культуру народов Туркестанского края, относясь к ним с большим уважением. Они ценили национальное достоинство народов среднеазиатских окраин России. А царские чиновники, не знавшие, да и не хотевшие знать действительной жизни, условий быта и нравов коренного населения края, высокомерно и с презрением называли их «дикарями», «туземцами», ни к чему не способными номадами и т. д. Осуждая такое отношение к людям, Н. А. Добролюбов утверждал, что «настоящий патриотизм, как частное проявление любви к человечеству, не уживается с неприязнью к отдельным народностям»¹.

¹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., ч. IV. М., 1937, стр. 241.

1. Период вхождения Киргизии в состав России

Русские путешественники и исследователи, побывавшие в Киргизии в первой половине XIX в., в основном интересовались, как уже отмечалось, расселением и политической историей киргизов, а также их взаимоотношениями с соседними народами и странами. Внешняя и внутренняя обстановка, сложившаяся в то время в Киргизии, не позволяла русским ученым и путешественникам глубже изучать духовный мир и быт киргизов. Это можно было осуществить только после вхождения Киргизии в состав России.

В научном наследии Ч. Ч. Валиханова видное место занимают вопросы этногенеза, общественной жизни, культуры и быта, а также исторические предания киргизского народа. Наряду с исследованием происхождения и этнографии иссык-кульских киргизов, которых он посетил в 1856—1858 гг., Ч. Ч. Валиханов живо интересовался их устным и песенным творчеством, религиозными верованиями. Изучал он и языковые особенности киргизов. Киргизский язык им отнесен к группе тюркских языков. При этом Ч. Ч. Валиханов отметил, что в народном наречии киргизов содержится немало монгольских слов. Но он преувеличивал языковые различия, существующие в киргизском и казахском языках, говоря, что «кайсаки понимают их (киргизов.— Д. А.) с трудом»².

В районе Санташ Валиханов повстречал киргизского ырчы — певца, который знал поэму «Манас»³. Он обратил внимание на это великое произведение киргизского народа и дал ему историко-литературный анализ: «Манас» есть энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса. Это нечто вроде степной Илиады. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения их нашли себе выражение в этой огромной эпопее... «Манас» состоит из многих отдельных эпизодов, имеющих вид целого. Другой эпос «Семетей» служит продолжением «Манаса» и это — бургутская (киргизская) Одиссея»⁴. Производя запись отрывка одного из интересных эпизодов эпо-

² Ч. Ч. Валиханов. Собр. соч., т. 1, стр. 364.

³ Ч. Ч. Валиханов. Дневник поездки на Иссык-Куль. Собр. соч., т. 1, стр. 250.

⁴ Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. Собр. соч., т. 2, стр. 420.

са «Манас» — «Смерть Кукотай-хана и его поминки» со слов киргизского рапсода, Ч. Ч. Валиханов отмечал, что «вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу»⁵. Он же заметил, что эта поэма, очевидно, подвергалась новейшим добавлениям и изменениям.

Несмотря на большие заслуги в исследовании истории и культуры киргизского народа, Ч. Ч. Валиханов проявил некоторую неосведомленность в отношении отдельных сторон творчества и быта киргизов. Так, изучая их народную поэзию, Ч. Ч. Валиханов условно разделил ее на три вида.

К первому виду он отнес сказки (джомок) и предания старины. Однако характеризуя сказки, он пришел к неверному выводу, что главный сюжет всех киргизских сказок заключается якобы только в освобождении пленных красавиц из рук подземных алпов (великанов). Это говорит о том, что ученый, по-видимому, не успел ознакомиться с сюжетами иных сказок.

Вторым видом народной поэзии, по Ч. Ч. Валиханову, являются эпические рассказы, поэмы типа героических саг. «Поэтическое произведение этого народа, — писал он, — есть единственная их сага «Манас»... кроме «Манаса» других поэм нет». Те киргизы, с которыми Ч. Ч. Валиханов беседовал об этом, вероятно не сообщили ему о том, что у киргизского народа есть и другие поэмы: «Курманбек», «Эр Табылды», «Джаныш и Байыш», «Кожожаш» и другие.

Третьим видом народного творчества Ч. Ч. Валиханов называл игровые обыкновенные песни. «Песен у дикокаменных (киргиз), как и поэм, сравнительно с неисчерпаемым богатством кайсаков, мало. Импровизаторы здесь редкость, их почти нет», — писал он. Судя по всему, Ч. Ч. Валиханов знал лишь несколько старинных песен, сохранившихся у киргизов как песни во время игр девушек. Далее он писал, что «у алатауских же киргиз песни совершенно (выделено нами. — Д. А.) не в употреблении»⁶, что также не соответствовало действительности.

Ярко описал Чокан Валиханов одну из любимых игр молодежи — «джоолук таштамай» (буквально — *бросание платка*): «Иногда по вечерам дочери хозяина в палатке моего товарища устраивали вечеринки. Собиралась для этого молодежь, молодые бабы и девки. Женщины садились на одну

⁵ Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. Собр. соч., т. 2, стр. 421.

⁶ Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр. соч., т. 1, стр. 336—338. 336—338.

сторону, а мужчины на другую. Начинаясь игра. Одна из девиц с дикой кокетливостью поднималась с места и выбирала ударом платка того, кто ей нравился. Осчастливленный юноша должен был исполнить какую-нибудь хитрую гимнастическую штуку или же спеть песню... Соль игры заключалась в том, что ловкий молодец получал от своей дамы в награду здоровый сочный поцелуй, а тот, кто осрамится, бывал бит и притом крепко...»⁷.

Из музыкальных инструментов, как указывал Ч. Ч. Валиханов, у киргизов имелись балалайки (комуз), дудка и чебызга (род флейты). «Во время похода, — отмечал он, — дикокаменные киргизы употребляют трубку, издающую резкий крик, — сорнай — обычай этот собственно их...»⁸.

Валиханов достаточно близко познакомился с бытом и образом жизни киргизов. Еще по пути к киргизским кочевьям он встретился с родоначальником племени бугу манапом Карачем, по прозвищу Чон-Карач (чон — большой). Большим он назывался потому, что был очень тучен. Чон-Карач носил белую остроконечную войлочную шляпу с разрезанными на лбу и затылке полями, ватный халат из полосатой бумажной материи вроде тика, с закругленным воротником и тремя зелеными шелковыми тесемками на груди. На ногах были неуклюжие сапоги из красной юфти с большими деревянными каблуками. Сын его одет так же, как Карач, но в более яркий халат с рукавами и плисовым воротником. Свита Карача состояла из нескольких оборванцев, вооруженных дубьем и копьями. Один из них имел на себе только нижнее белье да войлочный плащ, а другой, несмотря на жаркое время, носил нагольный тулуп и меховую шапку⁹.

Чокан Валиханов остановился у Кылыча — сына главного манапа племени бугу Боромбая. У Кылыча стояла палатка, в которой и разместились Валиханов и его спутники. Им подали чай, заваренный с солью в кувшине, затем кумыс. Гости спешили и не ждали дальнейших угощений. Перед самым их отъездом откинулась войлочная занавеска одной из юрт и оттуда выглянули тянь-шаньские красавицы — молодуха в полосатом бухарском халате и девушка в белой рубашке и в красной остроконечной шапке с кисточкой. Ч. Валиханов отметил, что «красота женщины у киргиз состоит: в округленности и степени полноты тела, в лунообразном шаровид-

7 Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. Собр. соч., т. 2, стр. 413.

8 Ч. Ч. Валиханов. Записки о киргизах. Собр. соч., т. 1, стр. 369.

9 Ч. Ч. Валиханов. Очерки Джунгарии. Собр. соч., т. 2, стр. 410.

ном овале лица и в красноте щек, которые поэмы их сравнивают с кровью, упавшею на белый снег»¹⁰.

Чокану Валиханову довелось услышать оплакивание женщиной-киргизкой своего умершего мужа. На юрте вдовы развевался зловещий черный флаг. Цвет его указывал на то, что умерший был человеком среднего возраста. О смерти человека молодого извещал флаг красный, старого — белый. Ч. Валиханов, побывав в аиле Боромбая, захотел подробнее ознакомиться с жизнью самого манана. В юрте Боромбая старшая его жена Альма сидела на бараньей шкуре, вокруг нее валялись обрезки конских волос и клочки шерсти. Она только что закончила плетение аркана. Направо от дверей стояла перегородка из чия. Около стены юрты лежала груда войлока. Несколько подушек покрытых китайкой, были брошены на них. Однако почетное место было застелено дорогим ковром. Возле очага стояли чугунные кувшины с водой. Альма разлила кумыс и киргиз-слуга поднес его Чокану и Боромбаю.

Валиханов собирал киргизские предания, этнографические материалы, составлял описания женской одежды, украшений и сделал несколько зарисовок (карандашом) типов киргизов и т. д.

Валиханов обратил внимание на плачевное состояние охраны здоровья у киргизов: «Много гибнет народа от тифа, от простуды, от сифилиса и других болезней от того только, что некому подать больным медицинскую помощь»¹¹. Указал он и на почти сплошную их безграмотность: «Они не имеют письмен и во всей Орде нет ни одного грамотного человека, только молодое поколение начинает обучаться у ташкентских мулл и от беглых русских татар»¹².

Сведения о культуре и быте киргизов, накопленные в путешествиях Ч. Ч. Валихановым, отражены в его путевых очерках: «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Очерки Джунгарии», «Записки о киргизах» и др.

Почти одновременно с Валихановым в Иссык-Кульской котловине побывал П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Он оказался очевидцем трагедии — наблюдал последствия ужаснейших кровопролитных междоусобных войн между племенами сарыбагыш и бугу, затеянных их феодалами. Он старался установить мир и согласие между враждовавшими племена-

¹⁰ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Дневник поездки на Иссык-Куль. Собр. соч., т. 1, стр. 258.

¹¹ Ч. Ч. В а л и х а н о в. Соч. СПб., 1904, стр. 200.

¹² Ч. Ч. В а л и х а н о в. Киргизы. Собр. соч., т. 1, стр. 366.

ми, называя эти действия «почетным вмешательством в чужие дела»¹³.

Касаясь родоплеменных отношений киргизов, путешественник, отмечал, что «каракиргизы... на... борьбу, сопровождавшую их аши и народные праздники, допускают богатырей (витязей) враждебных племён»¹⁴. Вникая в смысл этих строк можно допустить, что баи и манапы, выбирая участников игр по родовому признаку, стремились противопоставить людей одного аила другому, с тем, чтобы разжигать их неприязнь друг к другу, что в конечном счёте служило укреплению власти феодальной верхушки над своим родом и племенем.

Наблюдательного и любознательного Петра Петровича интересовали быт и нравы тьянь-шаньских кочевников. «Каракиргизы,— указывал он,— чрезвычайно уважают права гостеприимства»¹⁵.

П. П. Семёнов оценил важную роль лошадей в жизни киргизов. При опасном подъеме где-то близ Заукинского прохода одна из вьючных лошадей сорвалась в пропасть и разбилась. «Нужно было видеть отчаяние нашего жожака, которому принадлежала лошадь,— писал П. П. Семенов-Тянь-Шанский.— Он рыдал как ребенок, обнимал и целовал своего любимого коня, прощаясь с ним как с другом, и, наконец, отрезал ему уши и взял с собой на память. Его не могло даже вполне утешить моё обещание подарить ему другую, лучшую лошадь. Киргиз, проводя полжизни на коне, свыкается с ним, как с неразлучным сподвижником и другом, так что личность животного входит в расчёт его привязанности»¹⁶.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский отметил большую любовь киргизов к музыке. Описывал встречи с Балдысаном, который «страстно любил музыку и считался между киргизами самым лучшим музыкантом на домбре», он приводит такой пример: прощаясь с гостем из России, Балдысан просил «взять его туда на его счет, так как ему хотелось непременно слышать русскую музыку»¹⁷.

¹³ Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский, его жизнь и деятельность. Сб. ст. по поводу столетия со дня его рождения. Л., 1928, стр. 50—51.

¹⁴ П. П. Семенов. Поездка из укрепления Верного через горный перевал у Суек-Тубе..., стр. 133.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Первая поездка на Тянь-Шань и Небесный хребет до верховья системы р. Яксарта..., стр. 13—14.

¹⁷ П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань. М., 1947, стр. 292. Как утверждает писатель К. Джантошев, имя этого музыканта было не Балдысан, а Молдосан (знаменитый музыкант и певец, вышедший из племени бугу).

Путешественник-исследователь А. Ф. Голубев, находясь на берегах оз. Иссык-Куль в 1859 г., занимался изучением бытового уклада здешних киргизов. Он обратил внимание на то, что материальные блага распределены между ними неравномерно. Отметил склонность манапов к спиртным напиткам, их бездеятельный и праздный образ жизни. Так, он обрисовал старшего манапа сарыбагышей Уметалы, который со своим старшим сыном выехал ему навстречу «с киргизскими гостинцами: кумысом, айраном и водкой из кумыса, противным одуряющим напитком. Сары-багыши, а особенно старший манап их Умбет-али — большие охотники до водки. Мы не видели ни разу Умбет-али трезвым и после узнали, что преимущественное занятие в его аулах составляет перегонка кумыса на водку».

Материальное неравенство людей сказывалось и на устройстве надгробных памятников. «Бедные киргизы над своими покойниками делают простые, невысокие курганы,— писал А. Ф. Голубев,— а кто побогаче, тот обносит могилу глиняным валом, часто аршина 3 вышиною. Иногда памятники делают вроде склепов со сводами и затейливой отделкой». Могила Исабека, которую путешественник видел в устье р. Тюп, была сложена ташкентцами за известную плату из обожженного кирпича; свод ее внутри был разрисован звездами по голубому фону¹⁸.

Ценные сведения о быте и культуре киргизов времени вхождения в состав России содержатся в трудах М. И. Венюкова, хотя с целым рядом его суждений и оценок согласиться нельзя.

В 1860 г. в отряде М. И. Венюкова находился сарыбагышский поэт. Каждый вечер он собирал вокруг себя толпу слушателей. Воображение его, неутомимое в перечислении подвигов своего героя, принимал иногда самый смелый полет в область чудесного. При этом, как заметил Венюков, большая часть поэмы импровизировалась, и только основное содержание её взято было из народных преданий. М. И. Венюков поражался удивительно верной интонации, которую можно было оценить даже не понимая слов поэмы. Уменье вовремя употребить скороговорку, речитатив или протяжное унылое пение составляли неотъемлемое достоинство рапсода, который, впрочем, считался одним из лучших¹⁹.

¹⁸ А. Г о л у б е в. Отрывок из путешествия в Среднюю Азию. Заильский край. «Записки РГО», кн. 3. СПб., 1861, стр. 111—112.

¹⁹ М. В е н ю к о в. Очерки Заильского края..., стр. 115—116.

Вслед за Ч. Ч. Валихановым, М. И. Венюков описал различные виды одежды киргизов. «Кара-киргизские шапки,— писал он,— известны и ценятся во всех ордах и форму имеют вроде не очень острого конуса с отогнутыми кверху полями... Одежда Дикокаменных (киргизов) состоит из халата и широких панталон или чембаров. Иногда носят рубашки... Сапоги имеют на манер ташкентских, с высокими каблуками и коротким следом»²⁰.

М. И. Венюков, как и Ч. Ч. Валиханов, заметил, что «грамотность» у киргизов очень низкая. «...Едва ли на тысячу человек кара-киргиз есть один грамотный,— писал он,— многие манапы, даже большая часть их, не умеют ни писать, ни читать»²¹.

Один из первых и видных исследователей географии Тянь-Шаня Н. А. Северцов также обратил внимание на бытовую и культурную стороны жизни киргизов. «Парадные выезды их манапов (родоправителей), как, например, к нам в отряд, делаются с музыкой, с флейтами»,— писал он в 1864 г. во время своего первого путешествия к тянь-шаньским киргизам²².

В лице киргизов Н. А. Северцов видел искусных, исключительно метких и неутомимых охотников. Н. А. Северцов верно отмечал большую роль женщин-киргизок в домашнем быту и их относительное равноправие с мужчинами. Он писал: «...женщины у киргизов, вообще отличающиеся вольнодумством и властей не признающие, по крайней мере, и в своём будничном домашнем быту, где женщина, конечно вечная работница в кибитке, но далеко не раба, а полная хозяйка, и несколько свысока относится к ленивому кочевнику, а последний ей покорён и часто у ней на посылках, лишь бы работать не заставляли, да иные бойкие киргизки на это решаются. Только на народных киргизских угощениях женщина является смиренной прислужницей мужчин и ест не с ними, а после, что останется, но это потому, что она, как хозяйка, должна сперва гостей угостить. В домашнем же быту смирение нередко приходится на долю мужчин»²³. Здесь надо оговориться, что признак «ленивости» относится прежде всего к мужчинам в состоятельных семьях, ибо члены простых и бедных семей трудились в поте лица.

²⁰ М. Венюков. Очерки Заилийского края..., стр. 110.

²¹ Там же, стр. 113—114.

²² Н. А. Северцов. Поездка в западную часть Небесного хребта (Тянь Шань)..., стр. 82.

²³ Н. А. Северцов. Путешествия по Туркестанскому краю..., стр. 266.

Касаясь киргизских обычаев куна (платы за кровь) и баранты (угон скота), Н. А. Северцов писал, что за отказом от куна обычно следует баранта, «убийств при этом избегают, так как баранта есть (с точки зрения киргизского обычного права.— Д. А.) юридический обряд, а не грабеж»²⁴.

Многие исследователи и путешественники являлись очевидцами народных празднеств или поминок, на которых, как правило, проводились всевозможные национальные игры. Одни из них присутствовали там просто из любопытства, другие — чтобы более близко ознакомиться и изучить киргизские народные обычаи. Например, А. К. Гейнс присутствовал на поминках одного манапа в низовьях Таласа, в местности у предгорья Кара-Буры. Он записал в своем дневнике (через переводчика) содержание песни и передал мастерство ее исполнителей. По его словам, «после байги доморощенные певцы импровизировали. Каждый из них пел нам что-нибудь. Один кара-киргиз покрыл себя при этом славою». Содержание его песни было таково: «...забрав города и народы, русские помирили и юсунь с бурутами, и киргизов с сартами и прекратили вековые распри для того, чтобы все подданные белого царя жили тихо и спокойно». Эта импровизация «сопровождалась между куплетами довольно ловким бряцаньем на балалайке (комузе.— Д. А.)... раздавались голоса: громче! И вся окружающая публика стала слушать с величайшим вниманием. Вообще успех его был вполне блестящий».

Нетрудно заметить, что в песнях отражались и перемены в общественной жизни киргизов: наступление мира и добрососедских отношений между народами. Певцы воспевали могущество России, которое положило конец вражде народов и междоусобицам, во время которых проливалась кровь безвинных людей ради личной славы хищных манапов, беков, датхи и ханов.

После музыкального турнира была организована игра «кок-беру». «Все эскадроны принимали участие в бешеной скачке,— писал А. К. Гейнс.— Картина была до высшей степени живописна». В честь Гейнса хозяева поминок еще раз устроили скачки. Холки лошадей были украшены перьями. На лошадей посадили нарядных мальчиков. В дневнике А. К. Гейнс записал: «В ожидании, когда бегунцы возвратятся, народ частью сошел с лошадей и уселся большим полукругом... Началась борьба. Кара-киргизы боролись с киргизами Большой Орды (казахами.— Д. А.)... При этом нельзя было

²⁴ Н. А. Северцов. Об исследованиях, произведенных в Тянь-Шане в 1867 г. «Известия РГО», т. V, отд. 1, стр. 95

не заметить, что победитель был приветствуем криками своего племени, и Большая Орда, и Буруты были готовы при малейшем поводе перейти к настоящей драке»²⁵.

Устное творчество киргизского народа изучал виднейший учёный-тюрколог В. В. Радлов. Его особо интересовал эпос «Манас». Анализируя его сюжет, В. В. Радлов отмечал, что «главным центром, около которого группируется вся народная поэзия служит идеальное изображение героя предводителя... Эр-Манаса»²⁶. Он видел в «Манасе» поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа²⁷. «Этот эпос — писал В. В. Радлов, — даёт, совершенно так же, как эпос греков, ясную картину духовной жизни и нравов целого народа, с эпической широтой рисует он военные походы, сватания, тризны, скачки, домашний быт и т. п.»²⁸

Подытоживая анализ устного творчества киргизов, В. В. Радлов заключал: «Богатая эпическая поэзия этого народа доставила мне довольно обильную жатву, не только важную для лингвиста, но и весьма интересную для исследователя мифов и народной поэзии. У черных киргизов эпос цветёт в полном смысле слова»²⁹. В. В. Радлов заметил также, что эпос «Манас» подвергался позднейшим добавлениям и изменениям. Он сообщал, что сказитель, которого он слушал, из внимания к нему как к русскому гостю ввёл в свою песню новый эпизод о встрече Манаса с белым царем, выставляя его как друга белого царя и русского народа³⁰.

В. В. Радлов писал о красноречии киргизов: «Киргизы владеют своим языком... Они умеют придать своей речи известную долю изящества, и даже в самом обыкновенном разговоре при построении фраз и периодов у них является часто ясный ритмичный размер, так что предложения следуют друг за другом в виде стихов и куплетов и производят впечатление стихотворения. Стоит только взглянуть на киргизского рассказчика, чтобы убедиться в том, как киргиз любит говорить и как он старается легкой и обдуманной речью повлиять на своих слушателей».

²⁵ А. К. Гейнс. Дневник 1866 года. Путешествие в Туркестан, стр. 403—404.

²⁶ В. Радлов. Образцы народной литературы северных тюркских племен..., стр. IX.

²⁷ Там же, стр. XXII.

²⁸ W. Radloff. Aus Sibirien. В. J. Leipzig, 1884.

²⁹ В. Радлов. Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область..., стр. 99.

³⁰ В. Радлов. Образцы народной литературы..., ч. V, стр. XIII—XIV.

В. В. Радлов подчеркнул, что и слушатели с необыкновенным наслаждением следят за словами рассказчика и вполне умеют ценить удачную речь. Он был свидетелем того, как гробовое молчание устанавливалось в толпе, когда рассказчику удавалось привлечь к себе всеобщее внимание; все сидели, наклонившись вперед с блестящими, восторженными глазами, и, затаив дыхание, прислушивались к словам оратора; в то же время каждая ловкая, изящная его фраза, каждое остроумное игровое слово вызывало крики восторженного одобрения. «Понятно, что народ, который до такой степени наслаждается красноречием, смотрит на ритмическую речь как на высшее искусство в мире,— замечал В. В. Радлов. Поэтому народная поэзия у киргизов достигла высокой степени развития»³¹.

В. В. Радлов писал, что торжественные собрания и пиры происходят у киргизов нередко. Вследствие этого и певцам часто представляется случай выступить перед народом, что послужило причиной образования целой касты певцов, которые посещают один пир за другим. При этом у них «сильно распространено искусство импровизации и каждый мало-мальски опытный певец в состоянии тут же на месте воспеть присутствующих гостей в складно составленных стихах»³². При этом В. В. Радлов правильно подметил, что киргиз ценит в своих песнях не какой-то чудесный и страшный сказочный мир, напротив, он воспеваает в них свою собственную жизнь, свои собственные чувства и стремления, те идеалы, которые живут в каждом отдельном члене общества³³.

Далее ученый сообщал, что богатые киргизы держат у себя певцов, осыпают их дорогими подарками, принимая в свою свиту, в их сопровождении посещают народные собрания и гордятся их публичным успехом³⁴. Характерно, однако, что нередко у родного очага, в кругу своих друзей певцы обращали стрелы своего искусства против эксплуатирующих их манапов и жадных баев. Об этом красноречиво свидетельствует запись В. В. Радлова: «Если богатые или знатные люди присутствуют при его пении, тогда он (певец.— Д. А.) вплетает в свою песню похвалу их родов или другие обстоятельства, которые непременно должны нравиться знатным; если круг слушателей состоит из бедных людей, то он не прочь приме-

³¹ В. В. Радлов. Образцы народчой литературы..., ч. V, стр. IV.

³² Там же, стр. III—IV.

³³ Там же, стр. VII—VIII.

³⁴ Там же, стр. V.

шивать различные колкие намеки на надменность богатых и знатных»³⁵.

Небезынтересны этнографические заметки А. П. Хорошина, в которых, однако, встречается и неправильная оценка природных особенностей и культуры киргизского народа.

По пути летом 1867 г. А. П. Хорошин остановился около Токмака. Он интересовался вооружением и конной сбруей у киргизов. «Каракиргизы воинственны, точнее очень хищны, — характеризовал их Хорошин. — Но хорошим оружием они заpastись не успели... Они носят те же кривые сабли, кажется имеют копыя и... только». Оригинальными у киргизов он нашел седла, которые были необыкновенно малыми и окованными медью, как и все конские принадлежности, т. е. узда, пахвы (нахвостник), нагрудник, усаженные медными бляхами. «Старинные каракиргизские стремяна, — отмечал А. П. Хорошин, — первообраз стремян всех киргизов вообще, делаются из дерева и, с помощью металлических, но большей частью медных гвоздиков обкладываются костью»³⁶.

Известному ученому-ботанику Ф. Р. Остен-Сакену удалось побывать в горных районах Центрального Тянь-Шаня и наблюдать праздники со скачками (байгу), борьбу силачей и т. п. Его поражала привольная жизнь богатых киргизов. «Нигде в других местах в киргизской земле, — писал Ф. Р. Остен-Сакен, — я не видел такого богатства и довольства, как в аулах, которые выстроились на берегах Сон-Куля... В особенности красивы были блестящие при ярком солнце многочисленные белые, чистые юрты... В Киргизской степи мы привыкли видеть юрты почти черные, грязные, закоптевшие от дыма»³⁷.

Хотя эти резкие контрасты жизни говорили сами за себя, Ф. Р. Остен-Сакен не вник в их суть или просто не хотел дать им социальную оценку.

Путешественнику Н. Фридериксу, посетившему чуйских и иссык-кульских киргизов в конце 60-х годов прошлого века, довелось «слышать музыку на духовом инструменте вроде свирели, с медным раструбом на конце». По его описанию, музыкант выделял с большой легкостью затейливые пассажи, не лишённые блеска и приятности. Он сыграл условный вызов на баранту — небольшую мелодию очень бойкого, суетливого характера. «По сигналу к баранте, обыкновенно в глубокую

³⁵ В. В. Радлов. Образцы народной литературы..., ч. V, стр. XVIII.

³⁶ А. П. Хорошин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 21—23.

³⁷ Ф. Р. Остен-Сакен. Поездка в Занарынский край летом 1867 года. Статья действительного члена барона Ф. Р. Остен-Сакена. «Известия РГО», т. V. СПб., 1869, стр. 134—135.

ночь,— писал Фридерикс,— раздавались крики... и все воскресало: всадники, вооружившись длинными пиками, союлами, айбалтами, а кто длинным ружьем, снабженными вилообразною подставкою и фитильным замком, и дружина отправлялась за сотни верст отгонять табуны враждебного племени»³⁸.

Знаменитый художник В. В. Верещагин, побывавший в 1868 г. в Киргизии, оставил множество замечательных этюдов с натуры, которые ярко рисуют тогдашний быт и нравы киргизов. Такие произведения В. В. Верещагина, как «Киргизские кибитки на реке Чу», «Киргизские кочевья в горах и в долинах», «Богатый киргизский охотник с соколом», «Перекочевка киргизов с гор на долины», «Внутренность юрты богатого киргиза», серия портретных рисунков, изображающих типы киргизов, и др.,— дают красочное представление об их образе жизни и материальной культуре в 60-х годах XIX в.³⁹

Вслед за В. В. Верещагиным в Северной Киргизии побывал художник Н. Н. Каразин. Его иллюстрации также познакомили русскую публику с бытом местного населения⁴⁰.

Не раз был очевидцем различных спортивных состязаний и народных игр уже известный нам Г. С. Загряжский. Подробнейшим образом он описал подготовку и проведение киргизских ашей (поминок), порядок приема и угощения гостей, народные игры и состязания во время поминок и т. д. «Большой аш,— писал Г. С. Загряжский,— стоит от 30 до 40 тысяч рублей... Ими определяется слава умершего и уважение к нему его детей. О больших ашах говорят несколько лет, слагают про них песни и вообще прославляют умершего и его детей». Поскольку такой огромный расход не под силу одному человеку, то обыкновенно в аше принимали участие целые роды. Из большой аш собиралось в среднем 10—15 тысяч человек. «Почетным гостям и их свите,— отметил Г. С. Загряжский,— ставят юрты, число которых доходит до тысячи, а остальные размещаются по кибиткам прикочевавшего народа...» Для угощения резали по 20—30 лошадей и до 1000 баранов. Обильно угощали в течение всего аша, который продолжался обычно 5—7 дней⁴¹.

³⁸ Н. Ф р е д е р и к с. Туркестан и его реформы. Из записок очевидца. «Вестник Европы», т. IV, кн. 6, 1869, стр. 698.

³⁹ Ф. И. Бу л г а к о в. Наши художники (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего, 25-летия. Биографии, портреты художников и снимки с их произведений, т. I. СПб., 1889, стр. 87—89.

⁴⁰ Перу Каразина принадлежит и «Очерк поездки на Иссык-Куль». См.: Из Центральной Азии. Очерк первый. «Дело», 1872, № 1, стр. 63—103.

⁴¹ Г. За г р я ж с к и й. Киргизские очерки: аш или тризна по умершим. «Туркестанские ведомости», 1873, № 1.

Г. С. Загряжский описал и игру «Эр-сайыш» (поединок на пиках двух всадников). Если противник был убит, то кун не платили, но родственники убитого получали в свою пользу приз. «В этой игре,— отмечал автор,— распаляются страсти родов, из которых вышли бойцы, и тут — малейшего повода достаточно, чтобы произвести общую свалку всего народа... Вследствие этого должно зорко наблюдать, чтобы последствием турнира не была баранта». Далее он писал, что «по окончании поединка между мужчинами происходит такой же поединок между женщинами, это уже более делается для потехи»⁴².

Г. С. Загряжский раскрыл суть конных скачек, которая заключалась в том, чтобы вызвать небывалый азарт у публики и владельцев скакунов из-за крупных призов.

Показывая конные скачки, называя призы, которые выставлялись манапами, Г. С. Загряжский обычно только констатирует факты, правда, иногда давая им эмоциональную окраску. Как правило, в стороне оставалась классово-социальная проблема, а ведь чтобы выставить в качестве приза на скачках сотни баранов, десятки лошадей, верблюдов, даже девушек и рабов, манап должен был обобрать сотни семей рядовых кочевников. «Во избежание путаницы при раздаче призов,— писал Загряжский,— обыкновенно назначают большое пространство от 80—100 верст в оба конца. Вследствие этого половина лошадей гибнет...».

Контрастность между бедностью и богатством была также подмечена Загряжским в устройстве памятников умершим: «...бедные люди складывают просто призму из сырца или из комков глины,— писал он,— богатые же ставят на могилах дорогие постройки из жженого кирпича...»⁴³.

Одна из статей Г. С. Загряжского посвящена быту кочевого населения долин рек Чу и Сыр-Дарьи. В ней кроме быта затрагивается круг вопросов культуры киргизского народа. Г. С. Загряжский отмечал, что киргизы хорошо знают Млечный Путь, Утреннюю звезду и определяют по звездам близость дня и половину ночи. Все эти сведения имели для них практическое значение. Полярная звезда (Темир казык) указывала им дорогу, по Большой Медведице (Джети каракчы) они определяли время ночи, ориентируясь на Венеру (Караван джылдыз), отправлялись в дальний путь.

⁴² Г. Загряжский. Киргизские очерки: аш или тризна по умершим. «Туркестанские ведомости», 1873, № 1.

⁴³ Там же.

«Киргизы хорошо изучали свойства и привычки своих животных,— указывал Г. С. Загряжский.— Наблюдая над различными явлениями летом, они определяют с достаточной точностью продолжительность зимы, отсюда время, когда надо, чтобы котились бараны»⁴⁴.

Г. С. Загряжский оставил интересные записки о вечернем досуге киргизов. Он писал: «...заботы дня прошли, голод утолен, теперь начинаются удовольствия вечера: балагуры говорят сказки, проезжие рассказывают новости, старики, посевшие в баранте, вспоминают о своей молодости и возбуждают дух детей рассказами о подвигах отцов». Если на вечере присутствовали музыканты и певцы, они пели и про старину, про знаменитых богатырей и т. д. Далее Загряжский указывал, что «в юртах она (молодежь.— Д. А.) развлекается шашками, фантами, костями, песнями, музыкой. Дети любят играть в бабки». А игра в «тогуз коргол» или «тогуз кумалак» была очень популярна среди стариков. Игральная доска, которая нужна для нее, есть почти в каждой юрте.

Как и П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Г. С. Загряжский имел возможность убедиться в том, что киргизы очень гостеприимны и любят новости. «Гостеприимство,— писал Загряжский,— составляет священную обязанность каждого киргиза...». «Киргизы,— подчеркивал он,— большие любители новостей, и при встрече в пути непременно распросят друг друга... о новостях, цели поездки...»⁴⁵.

Г. С. Загряжский подробно охарактеризовал киргизские игры «кыз куумай» (погоня за девушкой), стрельбу из лука и ружья и т. д., описал некоторые виды музыкальных — духовых и струнных — инструментов. Например, его рассказ о сурнае: «...звук сурны резок и невыносим вблизи или в юрте, но вдалеке можно не без удовольствия слушать его однообразные звуки и переливы. Этот инструмент употребляется большей частью в дороге; богатый киргиз непременно имеет своего сурнайчи, который разгоняет его думы и увеселяет, играя песни о подвигах его самого или его предков»⁴⁶.

С. Г. Загряжскому удалось слушать исполнение «Бекбекей» — песни девушек, охраняющих ночью скот⁴⁷.

Выражая интересы царизма и солидаризируясь с его политикой по школьному вопросу в крае, Г. С. Загряжский счи-

⁴⁴ Г. Загряжский. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 27.

⁴⁵ Там же, № 29.

⁴⁶ Г. С. Загряжский. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 30.

⁴⁷ Г. Загряжский. Кара-киргизы..., там же, № 44.

тал, что школы необходимы для ассимиляции коренного населения, что это самый могучий фактор, которым могут «действовать победители на побежденных». Вот почему, писал он, «мы уничтожим имя киргиза, такова судьба истории, но мы не уничтожим народа, мы примем его в свою плоть и кровь, дадим ему когда-нибудь истину евангельского учения и приобщим этих детей пустыни к тому торжественному ходу человеческого гения, в котором мы сами участвуем». Критикуя вместе с тем узость программы русских школ и отмечая, что из их стен не выходили ни переводчики, ни мастера, что охладило внимание к ним киргизов, Загряжский далее писал: «Поэтому теперь остались в школах и вновь поступают туда только дети крайне бедных людей, сироты в тех видах, что их там кормят и одевают»⁴⁸.

В другой статье Загряжский указывал, что «всякий киргиз, умеющий читать алкоран, называется муллою», но «у киргиз муллы особого класса не составляют»⁴⁹.

Н. А. Маев, остановившийся в 1870 г. проездом в Токмаке, отмечал, что удалые набеги киргизских богатырей на исконных их врагов перешли в область песен и преданий. В Токмаке Маеву удалось слышать киргизскую музыку — условный призыв на баранту. Старик киргиз играл на дудке (сурнай), другой киргиз вторил ему. Через некоторое время мотив песни изменился, сделался отрывистым, резким и коротким; музыканты играли как-будто торопясь, перебивая друг друга. Иногда первый музыкант долго тянул какую-нибудь громкую протяжную ноту, в то время как его товарищ не переставал варьировать все тот же быстро повторяющийся мотив. «Мне объяснили, — писал Маев, — что музыка ообразжает переговоры собравшихся батырей и манапов... Впрочем, битва — сюжет, достойный симфонии и, конечно, мудрено было изобразить ее двумя киргизскими дудками». Он отметил, что мотивы, изображающие благополучное возвращение в родной аил после удачной баранты, не лишены радостной торжественности и резко отличались от всего, что до того времени играли музыканты. В заключение Маев писал: «Этой музыкой кара-киргизы воодушевляли себя в былое время (имеется в виду время войн. — Д. А.), а теперь она мила и дорога им только как память прошлого».

⁴⁸ Г. Загряжский. Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. «Туркестанские ведомости», 1874, № 28.

⁴⁹ Г. Загряжский. Юридические обычаи киргиз. О различных родах состояний и о правах им присвоенных... В кн.: Мат-лы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. IV. СПб., 1876, стр. 153.

Тут же, около Токмака, Н. А. Маев был свидетелем любопытного обряда. Девушки отпевали укушенного каракуртом (черным тарантулом) верблюда. «...Страдающий верблюд, с пеной у рта, валялся на земле, а кругом него сидели в ряд киргизские девушки и, мерно покачиваясь, пели какую-то заунывную, однообразную песню;— писал он,— по киргизскому поверию, такое пение облегчает страдания укушенного каракуртом и даже может вылечить его. Наступила ночь, загорелся костер, а девушки все еще продолжали свое пение, и мерцающий, красноватый свет костра делал еще поразительней эту степную картину»⁵⁰.

Исследователь Тянь-Шаньского горного массива А. В. Каульбарс оказался приглашенным в конце 60-х годов старшиною киргизов на народное празднество в Кетмень-Тюбе, где присутствовало 500 всадников. На этом торжестве он наблюдал такие спортивные состязания, как скачки, стрельбу в «ямбу» — «джамбы атыш», «эр-сайыш» и «куреш»⁵¹. Киргизов А. В. Каульбарс считал превосходными наездниками, спокойно проезжавшими на своей малорослой, но крепкой лошади по высокогорным, казалось бы, непроходимым местам⁵².

Л. Ф. Костенко, находясь в аиле племени бугу, любовался перекочевкой киргизов. Это был своеобразный торжественный праздник: «Люди наряжаются в лучшие одежды, лошади покрываются цветными чапраками и щегольскими седлами; верблюды, перевозящие домашний скарб, сверху покрываются коврами и дорогими материалами. Впереди идет хорошенькая девочка... она как бы открывает шествие...». За ней следовала старшая жена, а потом остальные жены хозяина. Мужчины же шли стороною и охотились либо с ружьями, либо с беркутом и соколом. Костенко отметил, что на выюках сверху привязывались самые лучшие и блестящие вещи, которые привлекали внимание и свидетельствовали о богатстве хозяина. Русские подносы, сундуки, обитые жестью, самовары — все это непременно выставлялось напоказ, на зависть тем, у кого таких вещей нет или они похуже⁵³. Однако перекочевывать с такой помпой могли лишь очень богатые семьи, чего Костенко не подчеркнул.

⁵⁰ Н. Маев. От Ташкента до Верного. Путевые заметки..., стр. 344—347.

⁵¹ [А. В. Каульбарс]. Краткие сведения о двух поездках, совершенных капитаном Генерального штаба бароном А. В. Каульбарсом..., стр. 174—175.

⁵² [А. В. Каульбарс]. Материалы по географии Тянь-Шаня..., стр. 137—143, 201—202.

⁵³ Л. Костенко. Очерки Семиреченского края. (Путевые письма), «Военный сборник», 1872, № 12, стр. 396—397.

Л. Ф. Костенко участвовал в 1876 г. в экспедиции на Памиро-Алай⁵⁴. У Дараут-Кургана он в течение двух — трех дней жил в юрте. «Юрта — это уже большой шаг в развитии цивилизации человека, — говорил он, — в юрте и теплее, и просторнее, в ней даже можно развести огонь, что в палатке невысказимо... юрта удобнее палатки»⁵⁵.

Костенко также подметил необыкновенную восприимчивость и общительность киргизов. «При столкновении с просвещенными нациями, — писал он, — киргизы замечательно быстро усваивают себе наружный лоск и привычки, не теряя однако своей национальности и не гнушаясь ею»⁵⁶.

Объектом внимания А. А. Кушакевича в числе других была народная медицина у киргизов. Он, в частности, отметил, что киргизы знают свойства уу-коргошуна, что его корень употребляется ими как лечебное средство для присыпки ран у скота⁵⁷.

Одежду и виды вооружения киргизов описал и Бардашев. При этом он отметил, что верхняя одежда шьется из кашгарских материй, нижняя — из белой бязи выделываемой в Коканде, обувь — из русских красных кож. Перечисляя вооружение киргизов, Бардашев указывал, что частью его покупают, а частью изготавливают сами⁵⁸.

Итак, мы видим, что отечественные путешественники и исследователи периода вхождения Киргизии в состав России увлеченно, с большим интересом изучали различные стороны быта и культуры, образа жизни и характер киргизского народа, заложив тем самым первоначальную основу для дальнейших историко-этнографических исследований.

2. Последняя четверть XIX — начало XX вв.

Исследователи Киргизии этого периода, изучая быт и культуру, образ жизни и традиции киргизского народа, дополняли данные своих предшественников.

Интересны, в частности, сведения И. П. Минаева о памиро-алайских киргизах. Отмечая, что у них «много своих собственных обычаев», он подчеркивал их нерадивость в соблюдении

⁵⁴ Русский биографический словарь. СПб., 1903, т. IX, стр. 304—305.

⁵⁵ Л. Костенко. Экспедиция в Аральские горы. «Русский инвалид», 1876, № 250.

⁵⁶ (Л. Костенко.) Туркестанский край..., стр. 351.

⁵⁷ А. Кушаевич. Угор-гасын или иссык-кульский корешок. «Туркестанские ведомости», 1873, № 19.

⁵⁸ Г. Бардашев. Заметки о дикокаменных киргизах..., стр. 387—389.

предписаний шариата: «Из кобыльего молока выделявают опьяняющий напиток». Касаясь семейных отношений киргизов, И. Минаев писал, что к своим женам они относятся с великим почтением, женщины полные хозяйки дома. В обществе они так же свободны, как и мужья, и не носят покрывал, только жены и дочери старшин носят покрывала и проводят жизнь в затворничестве⁵⁹. И. П. Минаев обратил внимание на то, что ревнителями и распространителями религиозных обрядов являлись более состоятельные люди.

А. М. Фетисов, наблюдая семейный быт киргизов, заметил, что размер калыма за дочерей «зависит главным образом от занимаемого в обществе положения и состояния родителей...»⁶⁰.

Он интересовался и причинами горной болезни (удушье), которая, по поверью киргизов, вызывалась будто бы подкрадывавшимся горным духом в образе девушки⁶¹.

Академик А. Ф. Миддендорф описал отдельные стороны быта и общественной жизни приферганских киргизов.

Отмечая большую любовь киргизов к своим батырам, он говорил: «Еще и ныне живы многие герои тех времен... и киргиз с гордостью указывает пальцем на этих героев». Осуждая грубые насилия над обычаями любого слабого народа, А. Ф. Миддендорф справедливо подчеркнул, что народ «не желает, чтобы его насильно лишали обычаев и привычек, сделавшихся его второю натурою, ибо в таком консервативном отношении заключаются его свободы»⁶².

Исследователь Памира Д. Л. Иванов обращал внимание на состояние здоровья живущих там киргизов. Он заметил, что плохие материальные условия жизни и суровый климат Памира сильно сказываются на здоровье людей: «... у всех почти памирцев больные глаза — преимущественно от солонцевой и песочной пыли, поднимающейся под ударами сильного ветра. Отличительной же болезнью их можно считать зубную боль... Летом их одолевает другая еще болезнь — у них трескаются зубы. Страдание ревматизмом развито повсеместно...».

Д. Л. Иванов интересовался кроме того былинами и народными традициями киргизского народа. «Среди преданий памирских киргизов,— сообщал он,— всего более встречаются

⁵⁹ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи..., стр. 53—54, 197—205.

⁶⁰ Известия и заметки. А. М. Фетисов пишет нам из Пишпека. «Туркестанские ведомости», 1882, № 5.

⁶¹ А. Фетисов. Экскурсия в За-Нарынские горы в 1879 году. «Туркестанские ведомости», 1881, № 46.

⁶² А. Ф. Миддендорф. Очерки Ферганской долины. СПб., 1882, стр. 448—452.

рассказы о войнах, в которых они принимали участие,— войнах с канжутцами, шугнанцами и кашгарцами. Многочисленные памятники, раскиданные по Памиру, каков, например, Юл-Мазар... сосредотачивают вокруг себя ряд рассказов о храбро павших в войне с канжутцами и шугнанцами»⁶³.

Указывая на прочность традиций, укоренившихся в быту киргизов, Д. Л. Иванов писал, что несмотря на незавидное материальное положение, и бедный киргиз «тоже рвет «серого волка» (козла) на праздниках, пускает лошадей на длинные призовые скачки, устраивает «тои» (угощения), охотится с ястребом и борзой собакой, рядит парадно своих девок и баб при перекочевках; но все это так бедно и юродиво...»⁶⁴.

Один из исследователей истории и этнографии народов Центральной Азии Г. Е. Грум-Гржимайло вслед за Д. Л. Ивановым попутно изучал быт и нравы алайских киргизов. Правильно характеризуя отдельные стороны их образа жизни и быта, он в то же время допустил ряд субъективных высказываний в адрес алайских киргизов.

Г. Е. Грум-Гржимайло обратил внимание на их слабую приверженность к религии. «Магометане они очень плохие, религию игнорируют кажется вовсе и за обряды принимаются только тогда, когда аул посещает ходжа».

Ученый не мог не отметить, что киргизы были ловкими, храбрыми и отважными наездниками и что они уважают и гордятся своими батырами⁶⁵.

Г. Е. Грум-Гржимайло присутствовал на народном торжестве, устроенном амином (старшиной) одного аила на Алае, и наблюдал народные гулянья киргизов. «Мужчины, женщины, дети, кто на чем, вперемешку. Некоторые, не имея даже быка на которого могли бы усесться, плетутся сзади к сборному пункту, точно боясь опоздать туда. А там уже приготовлены скаковые кони на приз и тут же приготавливаются к известной игре «кок-бури»⁶⁶. Касаясь характера киргизов, он говорил, что «они любопытны и, пожалуй, любознательны, если хотите; любят слушать рассказы, в особенности, если эти рассказы передаются им в виде песни с аккомпанементом... трех-

⁶³ Д. Л. Иванов. Путешествие на Памир. «Известия РГО», т. XX 1884, вып. 3, СПб., стр. 237—239.

⁶⁴ Д. Л. Иванов. Памир (Пуп земли). «Новь», 1885, т. VI, № 23, стр. 335.

⁶⁵ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерки Припамирских стран..., стр. 99.

⁶⁶ Краткий отчет о результатах экспедиции в Приалайские страны. Г. Е. Грум-Гржимайло. «Известия РГО», т. XX, вып. 6, СПб., 1884, стр. 667—668.

струнной домбры... Особенно много их собиралось, когда мои конвойные казаки... затягивали русские удалые песни. Они сидели тихо... и изредка одобряли певцов восклицаниями «көп якши», «баракалды».

Г. Е. Грум-Гржимайло не забыл упомянуть и о пище алайцев «Пища каракиргиз,— указывал он,— кумыс, айран, т. е. разбавленное водою кислое молоко, каймак — особенным образом изотовленные сливки, наконец, совсем особенный сыр — кислый, слоеный. Только изредка эту молочную пищу разнообразит мясо барана, хлеб и пилав и то у богатых и в исключительных случаях»⁶⁷.

Знатоком быта и нравов киргизов являлся Н. Л. Зеланд. Он оставил пространный этнографический очерк о казахах и киргизах, в котором затрагивал большой круг вопросов общественного значения: экономический быт, образ жизни и нравственность, состояние здоровья и способы народного лечения.

Н. Л. Зеланд особо отметил трудолюбие женщин-киргизок, принимавших на себя всю тяжесть домашнего хозяйства.

Дополняя во многом высказывания предшественников об общественной жизни и досуге киргизов, он писал, что жизнь киргиза заполняется «едою, сном, необходимыми работами, разъездами, перекочевками, увеселениями, тяжбами и барантой... Когда есть возможность, то трапезы бывают часты и обильны, а кумыс дома пьют целый день. Увеселения и празднества бывают главным образом по поводу свадеб и семейных событий... Главные увеселения состоят в угощениях, в борьбе силачей... и в скачках».

Зеланд, подчеркивая любознательность, общительность и жажду к новостям киргизов говорил, что «весьма большую роль при сходбищах киргизов играют рассказы новостей и сказок. И слушать, и рассказывать их киргиз большой охотник... всякого рода слухи распространяют по степи с необыкновенной быстротой».

Как врач-антрополог Н. Л. Зеланд интересовался народной ветеринарией и медициной киргизов. Описывая болезни и народные способы их лечения, он, к сожалению, не высказывался, насколько эти способы лечения были эффективными с точки зрения научной медицины.

Характеризуя нравственность киргизов, Зеланд отмечал их неподдельное добродушие, готовность всегда оказать бескорыстную помощь путникам. К числу этих их похвальных качеств он относил также честность, сострадательность, госте-

⁶⁷ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерк Припамирских стран..., стр. 100—101.

примство, трезвость и терпение при перенесении голода и страданий. Он писал, что жестокость и мстительность не входят в число характерных черт киргизов⁶⁸.

Профессор Казанского университета Н. Сорокин, будучи недалеко от Пржевальска, оказался в гостях у богатого киргиза Чыныбая. «Живет он,— писал Сорокин,— на европейский лад выстроенном доме; дом состоит из нескольких комнат; нам показывали кабинет, гостиную и проч... кое-где стоят складные стулья... висят часы... Через двое суток (от Сусамыра.— Д. А.) добрались, наконец, до поместья Рыскулова. Это целая помещицья усадьба с садом, виноградником, строениями для прислуги... Здесь мы с удовольствием расположились в комнате, пестро раскрашенной в азиатском вкусе...». Это был, конечно, быт состоятельных киргизов.

В честь Н. Сорокина была устроена народная игра «кокбору» (козлодрание). «Козел беспрестанно взлетал в воздух и переходил от одного киргиза к другому. Поймавший круто поворачивал лошадь, мчался в другую сторону, преследуемый всей кавалькадой. Часто два сильных и более ловких всадника схватывали животное в одно время, каждый тащил в свою сторону... понукал лошадь. Кости и мускулы трещали шерсть летела клочьями. Но вот атлет Шукур вырвал козла и, держа его высоко над головой, с криком победы погнал свою пегашку ко мне, промчался, как вихрь, мимо и успел бросить свою добычу к ногам моего коня. Победа осталась за ним»⁶⁹.

Исследователь флоры южной части Восточного Тянь-Шаня А. Н. Краснов также увлекался изучением бытовой жизни и былин киргизов. Он, например, записал виды и содержание ряда народных игр киргизов. Тогуз-кумалак,— отмечал он,— очень остроумная игра, заставляющая киргиз ломать голову не менее, чем у нас шахматы. Игра эта, требующая большого напряжения памяти и сметливости, любимая киргизами...». А. Н. Краснов любовался и детской игрой «Ак терек көк терек — бизден Сизге ким керек?» и записал ее правила. Заключая свое мнение о киргизских народных играх, А. Н. Краснов указывал, что «безусловно, главным развлечением является байга, т. е. скачки».

Обращая внимание на бытовые условия киргизов, особенно зимой, Краснов наблюдал любопытную картину: «ребятишки, одетые в одни полушубки, часто на голое тело или на рубашку

⁶⁸ [Н. Зеланд]. Киргизы. Этнографический очерк Н. Зеланда..., стр. 1—78.

⁶⁹ Н. Сорокин. В горах и долинах Русского Тянь-Шаня. «Исторический вестник», 1886, № 6, стр. 626—653.

без штанов, греют у огня замерзшие члены, пока они не покроются красными пятнами и тело не станет, как они сами говорят, похожим на ситец. Потом, как ни в чем не бывало, бегут они на мороз, и надо только удивляться, как только не страдает этот народ ревматизмом при подобном образе жизни».

А. Н. Краснов также отмечал любознательность и общительность, находчивость и сообразительность киргизов. «Я вполне согласен с г. Зеландом, что характер киргиза всегда оживленный и веселый, незлопамятный с оптимистическим воззрением на жизнь, умением довольствоваться тем, что имеет, принадлежит, при простодушии и гостеприимстве кочевника, к числу самых симпатичных,— писал он.— Я точно также могу согласиться с тем, что он (киргиз.— Д. А.) верен своему слову и честен...»

Подчеркивая, что мусульманская религия добилась здесь гораздо меньших успехов, А. Н. Краснов указывал, что киргизы имеют «весьма смутное понятие о своей религии...». Касаясь же вопроса о привлечении учеников в русско-туземные школы, он говорил, что в них «отдает детей только бедняк, которому некуда их девать».

В часы отдыха А. Н. Краснов занимался изучением народной литературы киргизов, в частности их эпоса. «...Эпос по своему характеру более первобытный, чем эпос греков... Барды, поющие такие песни,— писал он,— до сих пор нередко среди населения. Некоторые волости особенно известны своими певцами, странствующими из аула в аул со своими балалайками (комузами.— Д. А.)...»⁷⁰.

В киргизской народной литературе А. Н. Краснов находил много привлекательного. «Не менее интересны и былины. Подобно героям Греции герои киргизов севершают удивительные подвиги, сражаются с семиглавыми драконами... или одерживают победу над целыми войсками». А. Н. Краснов писал, что верный и любимый конь является в былинах киргизов одним из главных действующих лиц, что он выручает хозяина из беды, спасает от смерти или способствует его оживлению, отправляясь в дальний путь к друзьям или доброжелателям героя, чтобы известить их об его участи. «Их (киргизов.— Д. А.) урочища и особенно могилы героев,— отмечал он,— связаны с длинными и интересными преданиями. Здесь — колодец, в который заставила спуститься нелюбимого

⁷⁰ А. Н. Краснов. Очерк быта семиреченских киргиз..., стр. 436—481; см. также И. Г. Бейлин. А. Н. Краснов. Ботаник, географ и путешественник (1862—1914). М. 1950, стр. 1—24.

жениха невеста; там — утес с которого бросился несчастный влюбленный; тут — широкая долина, через которую в один мах перепрыгивал конь такого-то героя и т. д.».

Привлекала внимание Краснова и народная медицина. Находясь где-то перед перевалом Бедель, он почувствовал сильную тошноту и головокружение. По его словам, опытные в подобных случаях киргизы «предложили так называемый курут, или сушеную белковину молока, заставили вдыхать дым от можжевельника, нюхать какой-то корень и тошнота и головокружение прошли быстро»⁷¹.

Изучением этнографии и быта киргизов и дунган, а также их религиозных верований и фольклорного творчества занимался представитель прогрессивно настроенной русской интеллигенции, питомец Московского университета врач Ф. В. Поярков. Известны его печатные труды «Из области киргизских верований»⁷², «Кара-киргизские легенды, сказки и верования»⁷³, «Последний эпизод дунганского восстания»⁷⁴, «Дунгане селения Караконуз»⁷⁵ и др. Ф. В. Поярков оставил и много рукописных материалов по истории и этнографии киргизов и дунган⁷⁶.

С давних пор киргизы использовали в лечебных целях горячие источники. В частности, к иссык-атинским, хазрет-аюбским (ныне джалал-абадским) источникам издавна совершались паломничества больных. Об этом свидетельствуют сооб-

⁷¹ А. Краснов. У подножья Хаг-Тенгри. В кн.: Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1903, стр. 238—247.

⁷² «При составлении ее (данной работы.— Д. А.)— писал автор,— мне много помогал учитель Пишпекской школы садоводства Хусаин Берденович Берденов и переводчик Магметалы (Мамбеталы.— Д. А.) Мураталин». «Этнографическое обозрение», кн. XI, № 4. М., стр. 21—43.

⁷³ Пишпек, 1889.

⁷⁴ Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1902 год. Верный, 1901, стр. 1—76.

⁷⁵ «Этнографическое обозрение», 1907, № 4, стр. 1—67.

⁷⁶ Рукописные материалы Ф. В. Пояркова хранятся в отделе редких книг Алма-Атинской государственной библиотеки им. А. С. Пушкина. Материалы трех папок относятся к истории, этнографии и антропологии дунган. Четвертая папка содержит две тетради. Первая из них представляет собой этнографический очерк, посвященный анализу родоплеменного деления у киргизов в конце XIX в. Здесь же находятся краткие записи преданий о происхождении некоторых киргизских родов и характеристика обычаев и нравов киргизов. В очерке содержатся также сведения об одежде, свадебных и религиозных обрядах, о рождении и воспитании детей, о народных играх и песнях. Вторая тетрадь заполнена записью в русской транскрипции киргизских сказок, песен, поговорок и пословиц, сопровождаемых переводами на русский язык. Здесь же три песни (песня девушки, выданной за долг отца замуж, песня саяков и свадебная песня) и около 60 пословиц и поговорок. См.: И. Юсупов. Так начиналась дружба. «Советская Киргизия», 1963, 25 июня.

шения и записки ряда исследователей⁷⁷. Например, Н. Н. Пантусов сообщал, что, по утверждению местных жителей края, «принимающие в источниках ванны получают выздоровление от ревматизма, спазм, кожных заболеваний, костоломов, сифилиса и сартовой парши»⁷⁸.

Одним из самых неутомимых исследователей устного творчества киргизского и казахского народов был Абубекр Ахмеджанович Диваев. Собранные им киргизские пословицы и поговорки вошли в книгу, изданную Н. И. Гродековым⁷⁹. Один из вариантов киргизской колыбельной песни А. А. Диваев опубликовал в 1900 г. в «Известиях» Туркестанского отдела Русского географического общества. Он же записал еще два варианта киргизской колыбельной песни жителей Коракольской волости (в верховье Таласа) Аулие-Атинского уезда, которые перевел на русский язык и опубликовал в 1905 г. В этих колыбельных песнях отражена от глубины сердца идущая родительская любовь к детям, самая сокровенная мечта об их светлой будущности, мечта о том, чтобы сын стал опорой родителей, храбрым батыром-защитником народа от врагов. Родители хотели бы видеть его искусным умельцем, красноречивым оратором в словесных состязаниях, наконец, справедливым в делах народа⁸⁰.

Широкое развитие киргизской поэзии отмечено и М. В. Готовицким — известным исследователем музыкального творчества народов Средней Азии. «Киргизская поэзия, — писал он, — находится на той ступени развития, когда всякое литературное творчество, в полном смысле слова, составляет достояние не одних избранных лиц, но целого народа»⁸¹. Далее М. В. Готовицкий сообщал, что все киргизы чрезвычайно любят изливать в песне свои мысли и впечатления на какой-либо известный или ими самими придуманный мотив.

В прежние времена на всех сборищах и празднествах, где

⁷⁷ Н. Зеланд. Киргизы..., стр. 8; М. Рождественский. Хазрет-Аюбские теплые воды и Джалал-Абадская санитарно-гигиеническая станция. Ежегодник Ферганской области, т. I, Новый Маргелан, 1902, стр. 70.

⁷⁸ Н. Н. Пантусов. Сведения о Кульджинском районе за 1871—1877 гг. Казань, 1881, стр. 67.

⁷⁹ См. раздел «Пословицы и поговорки» в кн. Н. И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области...», стр. 265—289.

⁸⁰ А. А. Диваев. Каракиргизские колыбельные песни. Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области, т. XII. Ташкент, 1905, отд. II, стр. 19—32.

⁸¹ М. В. Готовицкий. Две статьи о киргизских и сартовских народных песнях. (С приложением напевов). «Этнографическое обозрение», кн. III. М., 1889, стр. 73—82.

присутствовали представители различных киргизских родов, непременно устраивались состязания певцов. М. В. Готовицкий был свидетелем подобных состязаний: «Каждый из певцов восхвалял род, к которому он принадлежал, и сыпал насмешки сначала лично на своего противника, а потом уже и на всех его однородцев. Нечего и говорить, что на долю победителя приходились восторженные овации: слава его росла, песни его заучивали наизусть и имя его делалось известным на громадном пространстве степи...». М. В. Готовицкий с большим удовлетворением отметил победу известного народного певца Токтогула над «придворным» певцом Арзыматом⁸².

Вместе с тем М. В. Готовицкий не всегда различал киргизские и казахские песни.

Образ жизни и занятия ферганских киргизов изучал ферганский областной врач В. И. Кушелевский⁸³. Он также говорил о трудолюбии женщин-киргизок, принимавших все заботы по домашнему хозяйству на себя. В отличие от своих предшественников, присущую мужчинам лень В. И. Кушелевский отнес именно к богатым и состоятельным киргизам, в чем был абсолютно прав.

В. И. Кушелевский писал, что на семейных торжествах (свадьбах, обрезаниях, а также на поминках) богатые киргизы устраивают байгу — своего рода празднество, на которое съезжаются гости толпами со всей окрестности, что тут, кроме угощения «до отвалу» бараниной, кониной и кумысом, происходят разные увеселения, заключающиеся в игре на комузе, кияке (подобие скрипки) и зурне, в единоборстве, джигитовке, в отнимании друг у друга козла, в отыскивании и вылавливании ртом мелких монет из котла, наполненного молоком или кумысом и т. д. В. И. Кушелевский наблюдал молодежную игру «кыз куумай» (погоня джигита за девушкой) — вид своеобразной конно-спортивной игры: «Парень, догнавший наездницу, имеет право поцеловать ее». Но этот поцелуй ему доставался дорого, так как нелегко было догнать девушку, ловко владевшую конем; она, вывертываясь и защищаясь от джигита, отпускала несколько увесистых ударов нагайкой (камчой) по его спине.

Как и многие другие исследователи, подчеркивая искренность, простоту киргизов, В. И. Кушелевский в то же время

⁸² Улуу акынга арналган илимий конференция. «Советтик Кыргызстан», 1965, 27 мая.

⁸³ [В. И. Кушелевский]. Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области В. И. Кушелевского, т. I—III. Новый Маргелан, 1890—1891; т. II, стр. 182—209.

говорил об их суеверии и несправедливо приписывал им ряд отрицательных качеств характера.

Отмечая огромный интерес киргизов ко всем новостям и быстроту их передачи соседям, В. И. Кушелевский писал: «Для них не существует непроходимых дорог и недоступных перевалов».

Он подчеркнул слабое распространение грамотности (на джагатайском наречии) у южных киргизов. Только муллы и должностные лица, указывал В. И. Кушелевский, имеют читать и писать; они вместо подписи употребляют свои родовые тамги и именные печати. Обучением юношества (исключительно мальчиков) у киргизов обычно занимаются муллы, которые с этой целью на зиму поселяются где-нибудь посреди зимовок; девочки учатся грамоте очень редко и только в доме у родителей.

Обозревая состояние медицинского обслуживания, В. И. Кушелевский писал: «Ни одна болезнь не производит таких страшных опустошений в краях, как оспа. Это сущий бич как оседлого, так и полукочевого населения, потому что, появляясь ежегодно то в том, то в другом месте, уносит громадное число жертв, да и кроме того, оставляет после себя немало калек и неизлечимых больных»⁸⁴.

В. Вышпольский—врач Пржевальского военного лазарета, изучая состояние здравоохранения среди гражданского населения уезда в 1870—1890 гг.⁸⁵, указывал, что причины распространенности у киргизов таких болезней, как чесотка, сифилис, глазные и другие заболевания, заключались в бытовых условиях жизни и в несоблюдении элементарных правил гигиены. Автор описывал некоторые народные методы их лечения. В. Вышпольский, как и Кушелевский, считал, что настоящим бичом является натуральная оспа, которая уносила ежегодно многие сотни людских жизней. Он отметил, что кочевники теперь «сознают опасность оспы и делают предохранительные прививки». Число киргизов, обращавшихся за врачебной помощью, колебалось по годам (1870—1890) от 100 до 1100. Если принять во внимание, что киргизов в Иссык-Куль-

⁸⁴ [В. И. Кушелевский]. Материалы для медицинской географии..., т. III, 1893, стр. 350.

⁸⁵ В. Вышпольский. Методико-топографические очерки Иссык-Кульского уезда (Пржевальского) Семиреченской области с описанием преобладающих болезней, в зависимости от почвы, климата и бытовых условий среди населения уезда (за время с 1870—1890 гг. в гражданском населении и с 1884—1894 гг.— в военном). «Военно-медицинской журнал». СПб., 1895, № 9—12, кн. X, стр. 113—171.

ском уезде насчитывалось 70 тысяч, то это число, конечно, было весьма и весьма незначительным.

Далее В. Вышпольский указывал, что «путем рождения народонаселение увеличивается мало, у некоторых же народностей, например кара-киргизов и сарт-калмыков, несомненно, смертность превышает рождаемость...»

Борьба против оспы, по словам врача-исследователя А. Е. Алекторова, шла более успешно в Семиреченской области: если в 1868 г. оспенные прививки были сделаны здесь 2158 лицам, то в 1869 г.— 237154, в том числе 2261 киргизу. Из этого числа на Токмакский уезд попало 25,4%. В 1883 г. в Токмакском уезде работало 20 и в Иссык-Кульском⁸⁶ — 16 оспопрививателей⁸⁷.

Изучением вопросов народного врачевания местного населения края и степени медицинской помощи, оказываемой ему, занимался и врач Г. А. Колосов, посетивший Туркестан в 1899 г.⁸⁸ Анализируя методы и средства народного врачевания, он писал, что кожные болезни, которые были широко распространены среди населения, лечили мазями, присыпками и прижиганиями едкими веществами. Мази приготавливались из ртути, серы и других лекарственных веществ с бараньим или каким-нибудь другим салом. От сифилиса киргизы чаще всего лечились (по указанию табибов) сами препаратами ртути (подкуриванием), сулемой (ее принимали внутрь, смешивая с мякишем хлеба), ртутными мазями (втирали в кожу). Г. А. Колосов указывал на влияние табибов на население, шарлатанство мулл и ишанов, их вымогательство.

На наш взгляд, он правильно подметил положительные и отрицательные стороны врачевания киргизов: «...Мы видели, что некоторые методы их (киргизов.— Д. А.) лечения, например, лечения сифилиса ртутью, чахотки—кумысом, перетягивание конечности выше укушенного места при укусах змей, вполне сообразны и согласуются с требованиями научной медицины. Применение опия в качестве болеутоляющего средства также несомненно часто приносит пользу. Лечение... смазыванием раствором метиленовой синьки, применяемое, по-видимому, уже давно табибами, в настоящее время рекомендуется

⁸⁶ Токмакский и Иссык-Кульский уезды позже назывались Пишпекским и Пржевальским.

⁸⁷ А. Е. Алекторов. Болезни киргизов и средства врачевания их. В кн.: Материалы для изучения страны, истории и быта киргизов, вып. II. Оренбург, 1892, стр. 22—23; Там же: «Оренбургский листок», 1891, № 2—5, 7.

⁸⁸ Г. А. Колосов. О народном врачевании у сартов и киргизов Туркестана, ч. I. СПб., 1903, стр. 61—91.

некоторыми дерматологами. В пользу смазывания места укуса скорпиона масляной настойкой этого насекомого имели случаи убедиться некоторые представители научной медицины. Успешное вправление вывихов и лечение переломов табибами засвидетельствовано многими врачами (Шульцем, Шварцем)».

Однако с другой стороны, табибы приносили большой вред здоровью народа. Употребление таких средств, как препараты ртути, медного купороса и опиума, при назначении которых требовалась большая осторожность и точная дозировка, чего табибы не соблюдали, несомненно вело к печальным последствиям. Мало того, эти средства часто назначались и в таких случаях, когда они были противопоказаны. Хирургические операции без знания анатомии и соблюдения асептики также часто приводили к тяжелым последствиям и нередко к смерти больного.

Обозревая постановку медицинского дела в крае и считая его далеко неудовлетворительным, Г. А. Колосов в то же время отмечал тягу коренного населения к помощи научной медицины. «Несмотря на... предрассудки, так же, как и на то, что табибы и ишаны стараются в своих интересах внушить народу недоверие к научной медицине,— писал он,— туземцы сознают превосходство русских врачей перед табибами и поэтому там, где есть представители научной медицины, обращаются к ним охотно»⁸⁹.

Надо отметить, что Г. А. Колосов, обобщая материалы о постановке охраны здоровья коренного населения в целом, не во всех случаях указывает распространённость болезней преимущественно среди тех или иных конкретных народов края и порайонные способы их лечения.

Исследователь-ботаник С. Коржинский обратил внимание на пищу алае-приферганских киргизов. По его словам, пищу у киргизов в течение зимы составляли различные лепешки из пшеничной и ячменной муки (на сале и пресные), каша из джугары или кунака и т. п. вместе с сухим творогом, разболтанным в воде. Летом же главной пищей служили кумыс и молоко. Далее он подчеркивал, что степень и разнообразие пищи зависели от материального состояния людей: «Лишь богатые люди употребляют каждый день мясо, люди среднего достатка позволяют себе зарезать барана лишь для гостей»⁹⁰.

⁸⁹ А. Г. Колосов. Медицинская помощь инородцам Туркестана и их отношение к русским врачам, ч. II. СПб., 1903, стр. 92—117.

⁹⁰ [С. Коржинский]. Очерки растительности Туркестана С. Коржинского. Закаспийская область. Фергана и Алай. СПб., 1896, стр. 74.

Знатоком нравов и быта алае-памирских киргизов являлся Б. Л. Тагеев (Рустам-Бек). В противовес мнению Г. Е. Грумм-Гржимайло, он очень лестно отзывался о киргизах. «Это племя,— писал Б. Л. Тагеев,— представляет собою отрадное явление среди кочевого населения Средней Азии, отличаюсь своей доброю и честностью»⁹¹.

Б. Л. Тагеев особо отличал традиционное гостеприимство памирских киргизов. Он присутствовал на многих народных гуляньях и торжествах, ездил на охоту с киргизами. Однажды утром на Алае его разбудили загудевшие громадные трубы (кернаи), которые кликали киргизов на тамашу (празднество), устраиваемую в честь русских гостей. В воздухе запахло пловом. Всадники сгруппировались в долине, готовые начать байгу (скачки). Наконец перед толпою был брошен зарезанный козленок (для кок-беру). Б. Л. Тагеев писал, что «для присутствия на какой-нибудь байге едут за целые сто верст, а иногда и дальше».

У памирских киргизов, по словам Б. Л. Тагеева, скачки на лошадях заменялись скачками на верблюдах, а иногда на яках, так как из-за суровых климатических условий коневодство было развито слабо.

Путешественник, журналист-культуртрегер Евгений Марков совершил поездку в кочевья киргизов на Алае в начале 90-х годов XIX в. Он отметил проникновение в быт киргизского народа русских обиходных вещей. На Малом Алае его и его спутников ждали нарядные шатры. Стол был покрыт по-русски скатертью. Вокруг стола были расставлены стулья. На огромном подносе им было предложено обильное угощение — фисташки, миндаль, изюм, урюк, разные слоеные пирожные, мелкое слобное печенье и вдобавок ко всему — чай и сахар. «Киргизские беки, — писал Е. Марков, — очевидно хотели поразить нас своею цивилизацией. В кибитке нашей оказались кровати... с матрацами и канаусовыми одеялами»⁹².

Русская путешественница Ю. Д. Головнина, побывавшая на Памире в 1898 г., также встретила в Лангаре (в районе Гульчи), в одной из приготовленных для нее юрт кровати, стол и даже кресло, самовар и кринку со свежим молоком. Ю. Д. Головнина в свою очередь подчеркнула гостеприимство

⁹¹ Д. Л. Тагеев (Рустам-Бек). В заоблачной стране. Очерки и рассказы из жизни в Фергане и на Памире и воспоминания участника о памирских походах с 1882—1895 гг. М., 1904, стр. 1—151.

⁹² Евгений Марков. Россия в Средней Азии, т. II. СПб., 1901, стр. 132—133.

киргизов, их добродушие и общительность. Особое внимание она обратила на положение женщины в семье: «Весь труд лежит на плечах женщины... В решении семейных дел женщина имеет большое значение, а голос ее — не последний»⁹³.

Евгений Ковалев в своих очерках о быте киргизов в связи с поминками одного покойного, рассказал об обрядах и обычаях иссык-кульских киргизов. Он старался выявить причины возникновения и распространения некоторых из этих обычаев. Так, касаясь организации байги (конные скачки)⁹⁴, Евгений Ковалев писал, что по народному обычаю, в более ранний период, они устраивались «исключительно на поминках по покойнику, но за последнее время обычай этот стал нарушаться богачами (манапами), устраивающими байгу при всяком благоприятном случае, например, по случаю рождения первенца сына, после удачных выборов и т. д.». «Но не по всякому покойнику устраивается байга во все эти дни⁹⁵, — говорит Ковалев. — Это находится в зависимости от средств покойника или его родственников... Чтение корана в седьмой день по смерти вошло в обычай сравнительно недавно (лет 20—25 тому назад) и введено заезжими татарскими муллами»⁹⁶.

Один из видных исследователей юридических прав и народных обычаев кочевых народов Средней Азии И. Аничков считал, что для того, чтобы бороться с таким явлением народного быта как калым, надо помимо развития просвещения в степи (для чего должна быть увеличена сеть русских школ для детей обоего пола) дать возможность и права женщине «найти выход из своего положения в тех случаях, когда она тяготится и сознает его тяжесть, ...искать защиты русского суда, так как ожидать от туземного она кроме порабощения, конечно, ничего не может». Он предлагал запретить биям принимать и

⁹³ Ю. Д. Головинна. На Памирах. Записки русской путешественницы. М., 1902, стр. 62—73.

⁹⁴ Ковалев живо представил картину начала байги: «Мальчики-жокеи, важно сидя на своих скакунах, один за другим проехали мимо «почетных» лиц. Впереди их на отчаяннейшей кляче, кривляясь всем корпусом и выделявая ужаснейшие гримасы, ехал старик-комик (глашатай праздника), извещая о пуске скакунов. Тоненьким старческим голосом пел он какую-то веселую песенку, сам себе аккомпанируя на трехструнном музыкальном инструменте». Евгений Ковалев. Очерк быта каракиргизов. (Из путевого дневника). «Туркестанские ведомости», 1895, № 21.

⁹⁵ Автор имеет в виду день похорон (жаназа), седьмой день после смерти (хатма коран), сороковой (кырк аш), сотый (жүз аш) и день годовщины (чоң аш).

⁹⁶ Евгений Ковалев. Очерки быта каракиргизов..., «Туркестанские ведомости», 1895, № 20.

разбирать какие бы то ни было дела и споры, основанные на калыме⁹⁷.

О суровых климатических условиях и бедности памирских киргизов говорил и А. Г. Серебренников. По его словам, среди них были «распространены всевозможные простудные болезни, уносящие в могилу сравнительно большой процент населения, особенно детей, так что трудно сказать, превышает ли рождаемость смертность и есть ли прирост населения».

А. Г. Серебренников, как и другие наблюдатели, констатировал безразличное отношение киргизов к религии. Он отмечал их безграмотность. Так, по данным всеобщей переписи 1896 г., из 2221 памирского киргиза был лишь один грамотный⁹⁸.

Путешественник М. Воскобойников в ущельях Алая нередко встречал низкие глиняные постройки с плоскими крышами. Это были зимовки киргизов. Их пища в основном состояла из кумыса и каймака. Отмечая обилие кумыса, М. Воскобойников писал, что «страсть киргизов к этому напитку очень велика». Он также подчеркнул чрезвычайное гостеприимство киргизов⁹⁹.

Таковую же живописную картину перекочевки иссык-кульских киргизов, какую описал Л. Ф. Костенко в начале 70-х годов, видел и Н. Федоров по пути из Оша в Кашгарию в конце 90-х годов XIX в.¹⁰⁰

Путешественник Валериан Вега в местности Кутмалды (ныне г. Рыбачье) наблюдал как проводится вечерний досуг киргизов. По его словам, «киргиз брал свой инструмент — нечто вроде самодельной скрипки — и пел заунывную песню под ее аккомпанемент. Песня у него не была заучена заранее. Певец восхвалял достоинства того, кому он посвятил свою песню, а в прежние времена воспевал подвиги батыров (народных героев). Толпа со вниманием слушала его песню. Певца сменял рассказчик-комик, выступление которого было награждено одобрительными восклицаниями. Потом в круг выходил музыкант со своей дудкой. Концерт был завершён угощениями»¹⁰¹.

⁹⁷ И. Аничков. К вопросу о калыме. Средняя Азия. Научно-литературный сборник с календарем на 1896 год. Под редакцией Е. Т. Смирнова. Ташкент, 1895, стр. 77—78.

⁹⁸ А. Серебренников. Памир (Краткий очерк)..., стр. 139, 143.

⁹⁹ М. Воскобойников. Из путешествия на Памир. Долина «Алай». «Туркестанские ведомости», № 183, 186; его же. На «Крыше мира». В кн.: Азиатская Россия. Иллюстрированный географический сборник. М., 1903, стр. 220—228.

¹⁰⁰ Н. Федоров. От Оша до Кашгара. (Путевые заметки). «Туркестанские ведомости», 1900, № 55.

¹⁰¹ Граф Валериан Вега. В Кутем-Алды. (Из дорожных писем). «Туркестанские ведомости», 1901, № 72.

Одним из серьезных исследователей устного творчества и обычаев киргизского народа был И. Андреев. Он был учителем Меркменской русско-туземной школы¹⁰², владел киргизским языком и, по-видимому, в совершенстве... Его тянули горные просторы Александровского хребта и Таласа, где он часто бывал и занимался изучением киргизских былин. В аилах Чуйской долины он присутствовал на многих торжествах и поминках и составил о них интересные заметки, которые систематически публиковал на страницах газеты «Туркестанские ведомости» под псевдонимом Алибий.

Краеведческая деятельность Андреева падала на более поздний период — начало XX в. Он во многом пополнил сведения Ч. Ч. Валиханова, В. В. Радлова и в особенности Г. С. Загряжского.

Говоря об эпосе «Манас», Андреев писал: «Былина о Манасе так длинна, что ее можно рассказывать безостановочно в течение 30 дней и ночей. Из слышанных мною отрывков видно, что богатства Манаса были бесчисленны»¹⁰³. Андреев опубликовал на русском языке ряд киргизских былин и басен: «Хитрая лиса»¹⁰⁴, «Лиса и перепелка»¹⁰⁵, «Тайгун» (Быль из жизни мергеной)¹⁰⁶, «Мерген Джанабай»¹⁰⁷ и др. Он записывал и некоторые отрывки из поэмы «Молдоджаш»¹⁰⁸.

Определяя роль ырчи (певца) в общественной жизни киргизов, Андреев говорил, что без него «не может обойтись ни одного праздника, ни одной свадьбы», на которые обычно собираются несколько ырчи и «тут завязывается настоящее состязание их», где они «стараятся в своих песнях унижить друг друга». Андреев отметил остроту и язвительность состязаний киргизских ырчи, выходящих порой из рамок этики. Он наблюдал, например, на киргизском торжестве, где-то в одном из пунктов Чуйской долины, состязание двух известных певцов Калмырзы и Айманбая. Айманбай характеризовал своего конкурента как картежника и пьяницу. За это он был опозорен

¹⁰² См.: «Туркестанские ведомости», 1906, № 49.

¹⁰³ Алибий. По верховью Таласа. «Туркестанские ведомости», 1903, № 98.

¹⁰⁴ Алибий. Кара-киргизская побасенка. Хитрая лиса. «Туркестанские ведомости», 1903, № 60.

¹⁰⁵ Алибий. Лиса и перепелка. «Туркестанские ведомости», 1903, № 61.

¹⁰⁶ Алибий. Тайгун (Быль из жизни мергеной). «Туркестанские ведомости», 1904, № 186.

¹⁰⁷ И в. Андреев. Из нашей глуши. Мерген Джанабай. «Туркестанские ведомости», 1904, № 186.

¹⁰⁸ Там же.

Калмырзой. Издеваясь над Айманбаем, Калмырза дошел даже до осмеяния поведения его жены. Со стыда Айманбай уехал с праздника домой и после этого перестал петь песни¹⁰⁹.

Мананы использовали продажных певцов и акынов для возвеличивания личной славы и «авторитета и чести» возглавляемых ими родов и племен. Такого рода певцы всячески старались выслужиться перед хозяевами, восхваляя их мнимые достоинства. «Вот один из них (певцов.— Д. А.) славит толстеющего киргиза за то, что на нем надет шелковый халат, а на пальце кольцо с красным камнем. Разнеженный толстяк расщедривается и дает «тенге» (деньгу)»¹¹⁰.

Он видел, как проводят вечерний досуг киргизы. Под аккомпанемент комуза веселыми переливами лилось сказание о Кунгетае. Старики блаженно улыбались. Вдруг певец-музыкант оборвал сильным ударом смычка веселую мелодию. «Что то унылое, древнее заиграл он. Речитативом начал повествовать сказочник о давно-давно бывшем страшном нашествии калмыков: сильной волною прошли они через наши степи, убивая киргизов, разоряя аулы, угоняя людей в рабство и налагая на уцелевших тяжкую дань. Веселое настроение слушателей сразу изменилось». И пока один из стариков не сказал: «Довольно!», длилось унылое оцепенение. «Грустный мотив оборвался сразу сильным аккордом, застрявшим в войлочных стенах юрты. Все задумчиво молчали»¹¹¹.

Андреев отмечал популярность киргизских певцов и музыкантов, которые пользовались исключительным вниманием на всех семейных или общественных праздниках¹¹².

Во время ночных игр молодежи Андреев наблюдал песенное состязание девушек и джигитов одного аила. «В стороне от аила собралось два хоровода — парни и девушки с молодухами,— писал он.— Джигиты пели вновь испеченные куплеты, девушки и молодухи должны были им отвечать. Это своего рода игра. Все силы обоих хороводов напрягаются, чтобы победить в этом состязании остроумия и находчивости. Мотивы для слов однообразные, но веселые, живые. Кто из двух групп победит, получает от хозяев (т. е. организатора торжества.— Д. А.) барана за доставленное слушателям удовольствие. Весело слушать эту борьбу остроумного пения. Надо удивляться

¹⁰⁹ А л и б и й. Ирчи (Меркенские рапсоды). «Туркестанские ведомости», 1903, № 39.

¹¹⁰ А л и б и й. Киргизские игрища. «Туркестанские ведомости», 1904, № 84.

¹¹¹ Там же.

¹¹² И в. А н д р е е в. По горным дебрям за чумой. «Туркестанские ведомости», 1913, № 24.

находчивости, с какой девушки-киргизки парируют забористые остроты и крепкие куплеты, летящие со стороны джигитов»¹¹³.

Каждые поминки, каждое празднество служили ареной для музыкальных выступлений и состязаний. Присутствуя на них, Андреев интересовался и музыкальным творчеством киргизского народа. Он писал, что киргиз в «звучах «сырная» читает, как в книге, о похождениях своих предков; в них ему слышатся заунывные мотивы плакальщиц-старух, рыдающих над могилами близких. Порою в звучании этого инструмента звучит мелодия любви, кипучей, зажигающей страсти и тяжелых связанных с нею страданий. Киргиз ценит эту музыку, он любит ее: с ней он вырос и жил и с нею умрет...»¹¹⁴.

Андреев был очевидцем поминок манапа Кенесары Бошкочева в Талкановской волости Чуйской долины. Он писал, что еще задолго до восхода солнца резкие звуки керная начали поднимать спавших гостей. Во время ожидания возвращения скакунов происходил музыкальный турнир. «Жалкая деревяшка (речь идет о комузе.— Д. А.) в руках курносого музыканта превратилась в замечательно приятный инструмент. Самые нежные звуки полились из-под талантливых пальцев». Андреев поражался мастерству музыканта. «Курносый клал инструмент то на голову, то на спину, играл одной рукой и т. д.,— а балалайка все пела и пела... А затем этот артист балалайку сменил «кобызом» (т. е. «кыяком» — киргизской скрипкой) и, взяв на нем самую высокую ноту, похожую на писк... чисто-чисто запевал, возвеличивая достоинства и авторитет Кенесары». Музыкант очень оригинально изобразил и плач старой «байбиче», потерявшей своего мужа¹¹⁵.

Касаясь устройства и сущности поминок, Андреев верно отмечал, что бедняки ограничиваются тем, что режут барана или корову, на поминки съезжаются только близкие люди, которые, съев мясо и поговорив об умершем, разъезжаются. У богатых же поминки делаются пышные. Впрочем аш не разоряет наследников умершего богача, ибо все, что расходуется ими, пополняется вновь дарами гостей, приехавших помянуть усопшего. «Гости,— указывал он,— привозят всякого добра: деньги, лошадей, верблюдов, рогатый скот, даже соколов для охоты за пернатой дичью и зайцами. Приходилось слышать, что иной раз поминки приносили таким образом

¹¹³ Алибий. Киргизские игрища. «Туркестанские ведомости», 1904, № 84.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Алибий. Кара-киргизские слезы. «Туркестанские ведомости», 1905, № 167.

даже барыши, т. е. ценность дареного превосходила расходы». Андреев, видимо, не заметил здесь, что главным источником поминок все-таки была «кошумча» (родовая помощь).

Андреев запечатлел некоторые виды киргизских игр, таких, как пешая борьба, вытягивание зубами вбитого в землю колышка, конные скачки¹¹⁶ и др. «При громких криках толпы,— писал он об «эр-сайыше» (поединок двух всадников),— противники разъехались, а затем, гикнув что есть мочи, ринулись друг на друга... Удары были настолько сильны, что лошади седоков осели на задние ноги». Далее автор говорит, что «теперь саиш отживает свой век. Он даже, строго говоря, запрещен и мало-помалу выходит из программы киргизских увеселений. Обычай уступает духу времени: нравы смягчаются»¹¹⁷.

Киргизским эпосом интересовался и русский художник Б. В. Смирнов¹¹⁸. Будучи с экспедицией в 1903 г. в Пишпек, он встретился с известным в Чуйской долине сказителем эпоса Кенжекара и записал на фонографе исполненные им отрывки из «Семетея», которые затем были напечатаны в его книге «В степях Туркестана», изданной в 1914 г. в Москве. Примечательно, что в одной из книжных иллюстраций Б. В. Смирнов воспроизвел образы героев замечательного эпоса — Семетея и Айчурек.

Значительное количество материалов для изучения устной и письменной словесности киргизов было собрано И. А. Беляевым¹¹⁹. Эти материалы пока не обнаружены.

Один из видных ученых, директор Петербургского ботанического сада В. И. Липский, побывал в Киргизии в 1903 г. с

¹¹⁶ Описывая момент пуска в скачки, Андреев рассказывал, что чолки у скакунов имели перевязи с перьями, которые торчали наподобие турецких султанов. Хвосты у кулюков (скакунов) были также перевязаны. Для того, чтобы издали различать лошадей, игравшие роль жокеев киргизские дети были одеты в халаты разных цветов. Длинной вереницей тянулись мимо зрителей скакуны с жокеями, возглавляемые глашатаем, возвещавшим об их готовности к скачкам. Мальчики на скакунах, проехав перед «почетными киргизами», при громких криках и напутствии народа, скакали легким галопом к месту начала скачек. Их сопровождали контролирующие погонщики. (А л и б и й. Киргизские игрища).

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ В. Я. Галицкий. Рисунки и очерки художника Б. В. Смирнова как историко-этнографический источник сведений о Киргизии начала XX столетия Изв. АН Киргиз. ССР, серия обществ. наук, т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960, стр. 163—172.

¹¹⁹ Извлечение из протоколов заседаний Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, № 4, СПб., стр. 2.

целью изучения флоры горных массивов Тянь-Шаня. Однако он также заинтересовался образом жизни и характером киргизов. В. И. Липский с глубоким уважением отзывался о киргизском народе, называя его «симпатичным племенем». Он писал: «Это близкое к природе племя, способное к культуре, живое, чуждое мусульманской инертности и мертвенности». Киргизы оказывали искреннее уважение гостю. «Киргизы,— отмечал В. И. Липский,— по-видимому, считали за честь предложить гостю прокатиться на лучших лошадях, а потому я действительно в этот день ездил на великолепных иноходцах... Аксая».

В. И. Липский видел в киргизах превосходных наездников, проводящих на лошади полжизни, выносливых и отважных, совершавших путь и ночью по горным, казалось бы, непроходимым тропам. «Женщины,— указывал он,— едва ли уступают в этом отношении. Ни у одного мусульманского народа женщины не пользуются такой свободой, как у киргиза»¹²⁰.

Приём гостей и порядок угощения у киргизов описал И. И. Гейер: «Киргиз очень гостеприимен. Приютить и накормить странника составляет не только долг, но и честь киргиза...»¹²¹.

Георгий Гинс, побывав в Чуйской долине, обратил внимание на то, как изменяются традиции и привычки быта киргизов с приходом русских переселенцев. Он отметил, что киргизы приучаются продавать продукты своего труда и покупать то, что раньше делали сами.

Г. Гинс в своих путевых заметках отметил факты имевших место межнациональных браков. Он описал одну встречу, которая произошла у него в Чуйской долине: на двухколесной повозке в платье из синего бархата и меховой шапке ехала молодая русская женщина, ставшая женой сопровождавшего ее киргизского джигита. В селении Ново-Покровском Пишпекского уезда Гинс имел разговор с одной крестьянкой, которая рассказала ему, что ее сын часто ездил к киргизам, влюбился в киргизскую девушку и убежал с нею. «Киргизы скрыли его, женили, дали скот и отправили на озеро Иссык-Куль...»¹²².

А. Соколов обратил внимание на грамотность манапов Чуйской долины. «...К чести манапов,— писал он,— нужно

¹²⁰ В. И. Липский. По горным областям Туркестана (Тянь-Шаня) СПб., 1906, стр. 111—146.

¹²¹ И. И. Гейер. Весь русский Туркестан. Ташкент, 1908, стр. 65.

¹²² Георгий Гинс. В киргизских аулах. (Очерки из поездки по Семиречью). «Исторический вестник», кн. X, 1910 (См.: Туркестанский сборник, т. 555, стр. 22—23).

сказать, что все они почти, насколько мне приходилось наблюдать, грамотны, а детей своих, кроме мусульманской грамоты, обучают и русскому языку и даже отдают в русские городские школы...»¹²³. Это означало, что стремление киргизов к образованию заметно усилилось, особенно с начала этого столетия. Воочию увидев пользу образования, бай-манапская верхушка прежде всего старалась устранивать своих сыновей в городские училища и гимназии.

Известным исследователем горных богатств и минеральных источников Алая и Памира, а также быта и обычаев населения был Н. А. Корженевский. В Алае он подробно описал киргизскую свадьбу, вернее, первый приход жениха (күйөлөп) со своим товарищем (күйө джолдош) к невесте¹²⁴.

Представляют интерес записки-отчеты ветеринарного врача С. Е. Дмитриева об известной кеминской байге в 1912 г. Как указывал автор, в связи со смертью крупного манапа племени сарыбагыш Шабдана Джантаева его сыновья устроили поминки, прогремевшие по всему Семиречью. Только для специальных гостей было выставлено более 2000 юрт, съехалося до 40 тысяч человек. С. Е. Дмитриев оказался в числе приглашенных. Были устроены всевозможные народные игрища. Об этом С. Е. Дмитриев составил подробнейший отчет, с которым выступил на заседании Отделения этнографии Русского географического общества. Его сообщения во многом дополнило этнографические наблюдения Г. С. Загряжского и И. Андреева¹²⁵.

Рисую картину сборища на поминки, С. Е. Дмитриев писал, что всюду слышалось пение, гомон толпы, ржание и топот тысяч лошадей, выкрики торговцев, съехавшихся сюда с хлебом, яблоками, арбузами и пр.; в толпе шныряли дуаны, музыканты и т. д. Певцы разоделись в двухцветные ситцевые халаты, красные с зеленым. Пение каждого сопровождалось аккомпанементом на музыкальных инструментах: домбре (двухструнная балалайка), кобызе и сырнае или сабызге (медная дудка с ладами).

Гвоздем всех торжеств были скачки. «Конские скачки,— писал С. Е. Дмитриев,— составляют, как известно, самое по-

¹²³ А. Соколов. О кара-киргизах. «Семиреченские областные ведомости», 1910, № 58.

¹²⁴ См.: Н. Корженевский. Киргизская свадьба. «Туркестанские ведомости», 1913, № 41.

¹²⁵ С. Е. Дмитриев. Байга у каракиргизов по случаю смерти манапа Шабдана Джантаева в Пишпекском уезде. (Читано на заседании РГО по отделению этнографии 13 января 1913 г.). Архив Всесоюзного географического общества в Ленинграде, разряд 75, оп. 1, № 18, л. 1—8.

пулярное развлечение у киргизов — этих прирожденных наездников. Без скачек (по-киргизски «байга») не обходится у них ни один праздник». Дистанция скачек была определена в 38 вёрст, т. е. от Толубай-Кургана (в 7 верстах восточнее г. Токмака) до Бурулдайской сопки. Так как этой скачкой решался серьезный вопрос о качествах лошадей киргизской породы по сравнению с лошадьми других культурных пород, то в организации ее приняли активное участие и русские. Был установлен строгий порядок: все скакуны подробно переписаны и даже затаврены, дорожки были обставлены двойной цепью из казаков Сибирской казачьей сотни, прибывших на байгу. На пункте пуска и возле выигрышных столбов с флагами были поставлены судьи с часами.

Первым к выигрышному столбу пришел Чалый — 10-летний мерин Борончу Утегенова — киргиза Толкановской волости Аулие-Атинского уезда, покрыв дистанцию за 1 час 0,5 секунды, и побил рекорд резвости, известный до сего времени в Туркестанском крае, что заставило заговорить о необходимости сохранить эту породу путем улучшения коневодства в Семиречье. Таким образом, кичи-кеминская аламан-байга явилась одним из самых крупных спортивных соревнований с применением современных методов судейства. Следует отметить, что на этих скачках среди 13—14-летних жокеев-мальчиков оказалась одна девочка.

Анализ и обобщение путевых записок и наблюдений путешественников и ученых о культуре и быте, образе жизни и традициях киргизов дают возможность глубже познать развитие духовной и материальной культуры киргизского народа, особенности его обычаев, его традиции и нравы, состояние охраны здоровья и народного образования в Киргизии, проследить изменения в этой области жизни, которые происходили после вхождения Киргизии в состав России.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Материалы русских путешественников и ученых являются ценным источником для изучения общественной жизни, культуры и быта киргизского народа, и это подтверждается содержанием данной книги. Книга не претендует на исчерпывающий историографический обзор всего без исключения наследия русских путешественников и исследователей Киргизии. Это не более чем первая попытка свода и аналитического обобщения и по возможности критического рассмотрения основных материалов по данной теме, имеющая целью положить начало еще более глубокому ее изучению.

В послеоктябрьские годы молодое советское киргизоведение шагнуло далеко вперед. На смену спорадическим, часто любительским начинаниям дореволюционного времени пришли широко и планомерно поставленные исследования. В них участвует обширный отряд ученых специалистов — историков, археологов, этнографов, экономистов, краеведов, музейных и архивных работников. В их числе представители старшего и младшего поколений ученых, вышедших из среды самого киргизского народа.

В тесном братском сотрудничестве с русскими советскими учеными Москвы, Ленинграда, братских союзных республик Средней Азии, они наращивают темпы и расширяют круг систематически проводимых работ по глубокому и всестороннему изучению прошлого и настоящего киргизского народа, его культуры и экономики, жизни и быта, коренных изменений в социальном устройстве киргизского общества за годы Советской власти. Коммунистическая партия и Советское правительство оказывают непрестанную и большую моральную и материальную поддержку делу развития советского киргизоведения, базирующегося на основе марксистско-ленинского учения.

Естественно, что в сравнении с крупными успехами советского киргизоведения достижения дореволюционных наблюдателей и ученых в деле историко-культурного изучения Кирги-

зии бледнеют и отходят на задний план. Но всему своё время, и было бы неправильно недооценивать научное значение дореволюционного литературного и документального наследия. При критическом подходе к нему советские исследователи извлекают из него немало полезных и важных фактических и других данных, пользуются теми наблюдениями, которые в условиях быстрого изменения форм и внутреннего содержания жизни, труда и быта киргизского народа уже не могли бы быть осуществлены сейчас и стали достоянием прошлого.

Думается, что материалы данной книги представляют не только чисто историографический интерес, но и практически полезны для работы советских киргизоведов, так как знакомят с содержанием и наиболее ценной частью научного наследия дореволюционных любителей и ученых-киргизоведов. Прошлое работает здесь на настоящее и будущее, и в этом заключен глубокий смысл марксистско-ленинской историографии вообще, киргизоведения в частности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- Архив АН СССР — Архив Академии наук СССР (в Ленинграде).
Архив ГО СССР — Архив географического общества СССР (в Ленинграде).
Архив ЛО ИВ АН СССР — Архив Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.
ВУА — Военно-ученый архив.
ГАОО — Государственный архив Омской области.
ГПБ — Государственная публичная библиотека.
Изв. — «Известия».
к — коробка.
РГО — Русское географическое общество.
св. — связка.
ф. и. — фонд исторический.
ЦГА Каз. ССР — Центральный государственный архив Казахской ССР (в Алма-Ате).
ЦГА Узб. ССР — Центральный государственный архив Узбекской ССР (в Ташкенте).
ЦГВИА — Центральный государственный военно-политический архив (в Москве).
ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (в Ленинграде).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВКЛАД ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ИЗУЧЕНИЕ ПРОШЛОГО КИРГИЗСКОГО НАРОДА	6
1. Накопление информации о киргизах в XVIII — первой половине XIX вв.	6
2. Сведения об истории киргизов периода вхождения в состав России.	32
3. История киргизов в трудах русских авторов конца XIX в.	56
МАТЕРИАЛЫ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ КИРГИЗОВ В XIX В.	76
1. Политическое положение	76
2. Социальные отношения	96
РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ ОБ ЭКОНОМИКЕ КИРГИЗОВ	111
1. Сведения о хозяйстве киргизов до вхождения в состав России.	111
2. Хозяйство киргизов 50—70-х годов XIX в.	123
3. Киргизское хозяйство последней трети XIX в.	147
ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, БЫТА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ТРАДИЦИЙ КИРГИЗОВ В ТРУДАХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ РОССИИ	178
1. Период вхождения Киргизии в состав России.	179
2. Последняя четверть XIX — начало XX вв.	195
ПОСЛЕСЛОВИЕ	217
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	219

РУССКИЕ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ И ИССЛЕДОВАТЕЛИ О КИРГИЗАХ

Редактор издательства *К. А. Шереметьева*

Художник *В. Ф. Роек*

Технический редактор *Э. К. Гаврина*

Корректор *В. И. Клименко*

Подписано в печать 1/VIII 1973 г.

Формат бумаги 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Объем 13,75 п. л., уч.-изд. 13,5 л. Тираж 500 экз. Д—01395.

Заказ 629. Цена 95 коп.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. XXII партсъезда, 265а

Типография Академии наук Киргизской ССР,
г. Фрунзе, ул. Пушкина, 144

Цена 95 коп.